

Анна Демидова

О Да Любви

Киев
Саммит-Книга

УДК 821.161.1(477)-36
ББК 84(4Укр=Рос)6-442
Д30

Демидова, Анна.

О да любви/ Анна Демидова. — К. : Саммит-Книга, 2015. — 168 с.

ISBN 978-617-7182-31-2

Продолжение истории Александра Небесного и Яны Орловой из «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ». Истории о том, что каждая большая любовь его рода наказание. На грани мистики и реальности. Квинтэссенция человеческих переживаний и манипуляций чувствами. Прогулка по собственному подл анию. И все это фоне настоящей жизни телевизионщиков! Back-stage.

Нарочно не придумаешь. Жизнь лучший драматург!

УДК 821.161.1(477)-36
ББК 84(4Укр=Рос)6-442

Все права защищены

ISBN 978-617-7182-31-2

2015 © Анна Демидова
2015 © «Саммит-Книга»

*Моей сестре
Побережной Виктории
Самой лучшей*

Ода (чи О-ДА!?) серцю

(диптих)

I

Троль тіла.

Ти ж

хо-ті-ла?!

троїстих траєкторій)))

Голова — тріщина...

ТРИ?

Ще?

На!

Звивин кураж...

Стоногий абордаж...

Зади-ха!-ю-сь...аж...

Барди — в ребрі.

Ребро — на музиці.

Ретро — в подушці

очі вибалушило — і — не

заснуть!

Підтираю сон сірника-ми

а...ми

підлогу Ви-стелили собою

кутом дев'яносто градусів...

Град? УСИ?!!!

Зустрічі ПАБ — в пах-

твое підсвідоме свідоме

кривавить змійними вузлами

на зламі...

На-зла-мі Цу-на-мі...

мі...

Леся Мудрак

Читая в первый раз хорошую книгу,
мы испытываем то же чувство,
что и от приобретения нового друга.

Вольтер.

Надеюсь, мы подружимся 😊

Автор

с чистого листа

О ДА ЛЮБВИ: О ТОМ, КАК МЫ СТАНОВИЛИСЬ СЧАСТЛИВЫМИ

I believe in love

Прежде чем я начну свой рассказ, хочу спросить у тебя, мой дорогой читатель, о чем ты мечтаешь? Какая она, твоя мечта? Подумай хорошенько и ответь мне на еще один вопрос: что ты сделал для того, чтобы эта мечта исполнилась?..

Давай познакомимся, если вдруг мы встречаемся впервые. Меня зовут Орлова Яна Олеговна. Мне двадцать шесть лет и, как поет моя любимая исполнительница: «я стала старше на жизнь, наверное, нужно учесть». Константой остался светлый цвет волос и природная стройность. По специальности я — магистр экономических наук, поэтому ни творческой жилки, ни глубокого внутреннего мира у меня нет. Зато есть чувство юмора, доставшееся от папы, и неугасающий оптимизм, являющийся скорее недостатком информации. Как это ни прискорбно звучит, но по своей специальности я не проработала ни дня, потому что призвание мое — телевидение. Я — телевизионщик, а значит, человек с суперспособностями, такими как: «не спать неделями» и «есть все подряд и не поправляться». Я обожаю путешествия. Как писал Франц Кафка: «Как дома я только в дороге», и в этом я с ним абсолютно солидарна. Моя любимая цитата: «Стрелять так стрелять!» И любить так любить...

Вместо предисловия

Моя мечта исполнилась: я написала книгу! И вот, ранним весен-
 утром я сижу в машине напротив дома Александра Небесного — принца из своей собственной сказки-триллера, — сжимая заветный томик в руке. Конечно, Александр — главный персонаж не только рукописи, но и моей персональной летописи. Прокручивая в голове сотни сценариев нашей встречи, я жду, пока Саша выйдет из дома — на работу. Мы не виделись ровно шесть месяцев. Полгода — это много. Я почти забыла, как он достает из пачки сигарету и поднимает одну бровь, когда сердится. А сердился он обычно часто. И обычно — на меня. Время катастрофически разрушительно действует на воспоминания, стирая ластиком детали. Итак, он выйдет — я «поморгаю» фарами и сниму очки. Он меня заметит, и я улыбнусь ему в ответ. Нет, не так. Он выйдет из подъезда, а я — выйду из машины. Нет, тоже не так. Он выскочит на улицу, а я крикну: «Саша!» Или... А вдруг он будет не один? Или вообще сегодня не ночевал дома? На часах — полвосьмого утра. Минуты тянутся бесконечно долго. Я волнуюсь. Уехать, что ли?

А в это время Александр Небесный успел проснуться, пролистать ленту новостей в Facebook, выпить кофе и поправить галстук перед зеркалом. Он спокоен. Пора, что ли?

Два вопроса слились в одно бесконечное многоточие. А книжка-то хорошая получилась. О любви.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Отрезок 1

Обучение всегда стоит дорого. Любой жизненный опыт — это учеба. Правда, иногда оплата неоправданно завышена. Я заплатила за свой урок достаточную цену, полностью доверившись своему учителю. Никогда никого не обманываю, думаю над тем, что говорю, и делаю то, что задумываю.

В то утро я проснулась абсолютно счастливой: рядом со мной — мужчина моей мечты, Александр Александрович Небесный. Мы — на краю света в уютном номере гостиницы на берегу Тихого океана, штат Калифорния. На мне — рубашка мужчины моей мечты, я хочу слышать, видеть, чувствовать, пахнуть своей любовью. Теперь, когда у нас не осталось тайн друг от друга, все разом стало на свои места. Мы больше не воюем, не ругаемся и не соревнуемся в причинении боли друг другу. Ведь одному Богу (и тебе, мой дорогой читатель) известно, через что нам довелось пройти, чтобы вот так проснуться вместе. На часах — семь утра, самое время для утренней пробежки. Я поднялась с кровати и, чтобы не разбудить свое самое большое сокровище, на цыпочках пробралась на кухню. Включила ноут. В Киеве сейчас пять часов вечера. Входящий вызов в скайп. Это моя подруга Ксения.

Ксения — 30 лет, блондинка с четвертым размером груди и не менее широкой душой. В прошлом — кастинг-менеджер сериалов. Сейчас — начинающая актриса, восходящая звезда киноиндустрии.

— Орлова, твою дивизию! Я уже забыла, как ты выглядишь! Когда закончится твоя ссылка? Время делать ветер!

Я нажала кнопку «американо» на кофе-машине.

— Ксюха, не ори! У нас утро. Сашу разбудишь. Не знаю, я не хочу домой! Мне тут так хорошо... Знаешь, мы с Сашей...

Ксения перебила меня на полуслове.

— Опять о Саше... Ладно, не хотела тебе говорить, но лучше скажу я, чем другие.

Я сделала первый глоток ароматного кофе и глянула в окно: океан сегодня какой-то беспокойный.

— Ксю, ты же помнишь, что бывает с гонцом, принесшим дурную весть. Ну, говори, подруга!

— Янка, загугли Александр Небесный и Елена Прекрасная. Это актриса, я с ней сейчас в сериале снимаюсь...

Я внутренне напряглась.

— Ксюша, там будет что-то такое, чего мне знать не стоит?

— Яна, загугли и перенабери.

Я отключила скайп и отодвинула кофе. Ввела в строку поиска Google имя и фамилию своего любимого. Почти сразу выскочило: Александр Небесный, продюсер, и... Елена Прекрасная. И новость... Вот так новость! Помолвка известного продюсера Александра Небесного и начинающей актрисы Елены Прекрасной.

 Итормит сегодня океан. Не лучшая погода для утренней пробежки.

Как же так? Снова Саша сделал мне больно. Снова мое хрупкое счастье разбито вдребезги. Как же больно даже смотреть на эту новость! Омерзительно больно. Но с любой болью можно справиться, любую боль можно полюбить. Я решила рассмотреть соперницу. Красивая ухоженная брюнетка. Слегка полновата, но эта полнота ей идет. Ах, она, оказывается, беременна! Дети — это хорошо, дети — это счастье. Злости у меня к ней не было. Я любила Сашу, а если

он любит Елену Прекрасную, я ее тоже априори заочно полюблю. Молоденькая...

Что такое абсолютная любовь? Это абсолютная свобода и желание абсолютного счастья для того, кому отдано твое сердце. На всех фотографиях с Леной Саша была абсолютно счастлив. Никогда я не видела у него такую улыбку. Никогда не видела таких ярко-синих счастливых глаз.

Здравствуй, новый вид моей собственной pain, — «тихая смерть». Не мучает, не играет, не забирается под кожу — сразу убивает. Мир на паузе, звуки отключены.

What the hell am I doing here?

Смахнув слезы, на скорую руку собрала вещи. Стараясь все делать очень тихо — не хотела нарушить сон Небесного. Паспорт, деньги, телефон. Натянула джинсы, глянула перед выходом в зеркало: нехорошая девочка улыбалась. И вот ранним утром июня я ушла от мужчины моей мечты в рубашке мужчины моей мечты, даже не оставив никакой записки. Ничего не заканчивается, пока не заканчивается. Закончилось. Я закончилась.

Отрезок 2

Ни одного человека на пляже.

Мне надо громко закричать. Мне это нужно сейчас.

Я кинула сумку в песок и дала волю эмоциям. Истерика.

Волны бьют в лицо, вода холодная. Сколько я могу проплыть? Могу на тот берег? А какой там берег? Ветер сбивает мысли. Соленая вода дает мне пощечину. Хочешь захлебнуться, девочка? Я борюсь со стихией. Неужели есть что-либо сильнее меня самой? Нет, это невозможно.

Истощив запасы собственных возможностей, я победила своего самого сильного противника — себя. Не навредила. Выползла на бе-

рег и без сил упала в песок. Мокрые джинсы — очень тяжелые, но это моя единственная одежда. Надо подождать, пока вся обсохну. Не знаю, сколько времени я так пролежала. Но ведь надо же жить дальше! Вставать и идти.

Уже в аэропорту Линдберг-Филд я набрала Ксению. Она взяла трубку моментально.

— Ну что, видела?

— Видела. Счастья им и здоровья. Я вылетаю домой! Я возвращаюсь!

На том конце провода — радостный возглас.

— Ну наконец-то! Тебе хоть не очень больно?

— Ты знаешь, я сама еще не поняла. У меня уже какой-то иммунитет к боли.

— Ну вот и славно! А знаешь, Мила замуж выходит!

Людмила — еще одна наша подруга, 30 лет, продюсер на телевидении. Любительница дорогих машин, дорогих мужчин и недорогих плюшевых мишек. Обладает врожденным сарказмом и цинизмом. Второй год состоит в отношениях с женатым мужчиной. Так что новость о ее замужестве меня выбила из колеи еще больше, чем измена Небесного.

— Ни фиги себе! Королевич развелся?

Королевич — Алексей Королев, высокий подтянутый брюнет, «true love» нашей Милы. Также, кстати, продюсер. Да, у каждой девушки должен быть свой продюсер.

— А вот этого, Яннет, я не знаю. Она скрывает! Может, боится, чтобы не сглазили ее счастье.

Да уж, жизнь интересная штука. А штука — это тысяча. Тысяча возможностей изменить свою жизнь раз и навсегда. До вылета из Америки еще полчаса. Я набираю Милу.

— Люда, ты тихушница! Когда респись?

— Во-первых, здравствуй. А во-вторых, неужели и в Америке известно о моем скором замужестве?

— Ксюха рассказала. Королевич развелся, что ли?

В трубке молчание.

— Можно я пока ничего рассказывать не буду? Ты где сейчас?

Точно боится, что сглазим ее хрупкое счастье. Ну и правильно, что молчит. Ну и правильно, что боится. Свое счастье надо беречь и никому не показывать.

— Я в Америке еще. Вылетаю в Киев через полчаса.

— С Сашей?

Я ответила в тон своей подруге:

— Можно я пока ничего рассказывать не буду? Ну распись хоть когда?

— Двадцать четвертого июня.

— Ну, поздравляю заочно. Но помни, что хорошее дело браком не назовут!

В трубке послышался смешок. Я отсоединилась. Странный сегодня день. Предал любимый человек, а лучшая подруга не пригласила на свадьбу. Я прошла регистрацию и начала подниматься на борт. Звонок. Я еще на территории Штатов, до боли знакомый номер. Небесный очнулся.

— Яна, а куда ты убежала? Все побросала...

Я молчу. Люди за моей спиной начинают нервничать. Отхожу в сторону.

— Простите, вы ошиблись номером..

— Янка, кончай дурить. Это я, Небесный!

Каждое слово дается мне с особым трудом. Слезы подступают к горлу.

— Простите, я никогда не знала человека с такой фамилией. Я бы запомнила, я бы запомнила... — почти кричу в трубку я и отключаюсь.

Я бы запомнила. А сейчас — забуду. Как будто и не было вовсе, как будто и не было вовсе, как будто и не было вовсе...

Отрезок 3

Перелет из Америки — дело утомительное. За время трансфера успеваешь прослушать весь плейлист и просмотреть парочку любимых фильмов. Я остановила свой выбор на «Snatch» и «Играх разума». Пересадка в Париже — отличная возможность прикупить новой парфюмерии в дьюти-фри. «Ambre Torкарі MDCI» — отличный выбор для девушки, решившей начать новую жизнь.

В Борисполе меня встречал бывший муж. Глеб — как всегда, на высоте: в белоснежном пиджачке и светлых джинсах. Легкий загар отлично подчеркнул два его основных достоинства — волосы цвета пшеницы и глаза цвета моря. «Какого черта я с ним развелась?» — промелькнуло у меня в голове.

— Яна, отлично выглядишь и... пахнешь. Я, конечно, слегка удивился твоему смс, но по-своему рад, что ты вернулась. Навсегда?

Перед самым вылетом я отправила смс своему бывшему мужу с просьбой встретить меня в аэропорту. Зная рыцарские замашки экса, я была уверена в его согласии. Яна Олеговна лукаво улыбнулась.

— Если ты предложишь мне выйти за тебя замуж во второй раз, то навсегда!

— А вот это только в страшном сне, дорогая.

Я сделала вид, что обиделась. Мы подошли к машине Глеба.

— Поздравляю с обновкой! Сколько тут лошадок? — я постучала по капоту белоснежного Chrysler 300 M.

— Объем три и шесть, если тебе это о чем-то говорит, — ответил мой бывший муж, явно удовлетворенный произведенным эффектом.

Машина блестит на солнце, готовился к встрече.

 Это говорит мне, что работать ты теперь будешь на один бензин! — я показала Орлову язык и прыгнула в салон.

По дороге в Киев мы разговорились о жизни.

— Как там Америка? — начал беседу Глеб.

— Нормально, мне стали слишком малы ее тертые джинсы, — процитировала я любимую песню.

— Вот что тебя, Орлова, мотает туда-сюда? Найди приличного мужика, сядь дома и вяжи носочки.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Да... с твоим характером я заочно сочувствую всем будущим кавалерам.

Я снова сделала вид, что обиделась. Про характер я и сама знаю.

— Но ты и моим бабам планку задала ого-го какую. После тебя трудно с кем-то построить отношения, — продолжил Глеб.

А вот это уже приятно.

— В гости зайдешь? — спрашиваю я бывшего.

— А смысл?

Я пожала плечами и потянулась руками к автомобильному зеркальцу. Откинула его — матка боска! Прямо мне в руки выпал пакетик... да ничего себе! Вот уж не думала, что мой бывший муж может быть замешан в таком.

— Ого, Орлов, я, кажется, нашла смысл твоего визита ко мне в гости!

Орлов выдернул пакетик у меня из рук.

— Дай сюда. Друзья из Амстердама привезли.

— Да ладно, все свои.

Орлов помог мне занести вещи. Когда я переступила порог квартиры, на меня накатила волна воспоминаний. Вспомнила, как после учиненного мной разгрома мы с Небесным устроили здесь генеральную уборку. Как проснулись, крепко обнимая друг друга. Как мне прислали букет из девяти роз с одной единственной запиской «Поздравляю». Все это было как в прошлой жизни, как будто и не было всего этого вовсе.

— Орлов, доставай свой запас контрреволюционного зелья! Отметим мое возвращение на родину, так сказать.

Через полчаса мы уже сидели на балконе и философствовали.

— Ты знаешь, Орлов, я вот чувствую себя ишаком Ходжи Насредина!

Орлов затыкнулся и выдохнул едкий дым.

— Почему ишаком?

— Ну, Насреддин был мудрецом, хоть и юридивым. А ишак за ним ходил безропотно. Вот и я так же хожу по жизни — как ишак.

Еще одна затяжка. Ух ты! Стены начали водить хоровод. Голландцы, конечно, не зря это придумали!

— А Нассредин, он что, индус?

Я стучусь к своей памяти. «Тук-тук, откройте мне, пожалуйста, книжку про Нассредина. Там тысяча двести тридцать восемь историй. Мне первую!»

— Не, вроде турок, — отвечаю я.

Орлов улыбается. Красивый и такой родной. Ну с кем, как не с бывшим мужем, можно раскуривать голландский газон? Правильно с кем. Ибо в таком деле нужно абсолютное доверие, а Орлов — единственный человек, знающий обо мне все и даже больше. И все равно продолжающий меня любить. По-дружески, конечно.

— Янка, а если тебе точечку на лбу нарисовать, ты будешь похожа на индуску!

Я смеюсь, достаю из косметички помаду и рисую на лбу яркую красную точку.

— Джими Джими Джими ача ача ача! — забегаю я в комнату и начинаю плясать индийские танцы.

В детстве я часто смотрела фильмы, снятые в Болливуде. Моя феноменальная память запомнила все движения, и теперь телу оставалось только копировать пластику индийских актеров. Орлов ударил себя по коленям и запел:

— Эх, яблочко...

Можно любить друг друга, жить под одной крышей, но только совместное занятие идиотизмом свидетельствует об истинной душевной близости.

— Янка, иди ко мне... — Орлов протянул ко мне руки.

А я и не сопротивлялась.

*I put a spell on you
Cause you're mine.*

Nina Simone

Утром заклатья как не бывало: штамп о разводе в паспорте снял магическое очарование с двух когда-то горячо любящих друг друга людей. Орлов, делая вид, что не видит, что я делаю вид, что не вижу, как он поспешно покидает мою квартиру, ретировался с поля вечного боя под названием «любовь». Услышав, как хлопнула входная дверь, я перевернулась на живот и громко зарыдала в подушку.

Отрезок 4

Разбудил меня требовательный звонок мобильного. На экране — «Ксю».

— Ксюха, привет! А я на родине!

— А я у тебя под подъездом, открывай дверь, диар!

Я искренне обрадовалась визиту подруги. Ксения совсем не изменилась: такая же высокая, такая же блондинистая, с такой же задорной улыбкой. Только теперь у нее в руках были ключи от маленького «жучка».

— Ух ты, многое поменялось за время моего отсутствия! Ты купила машину, поздравляю!

Ксюха хвастливо вертела ключиками в руках.

— Да, в кредит взяла! Ты знаешь, как долго я об этом мечтала! А ты что такая счастливая, как после секса?

— В точку, дорогая. Меня вчера Орлов встречал.

Подружка всплеснула руками.

— Ну мать ты даешь! Еще вчера ты любила Небесного, а сегодня уже предаешься утехам с бывшим мужем.

Я прошла на кухню и включила чайник.

— Не суди и не судима будешь. Мы еще голландский сувенир оприходовали.

Ксения села на стул, закинув ногу на ногу. На ней сегодня — белый сарафанчик руки неизвестного, но явно талантливого дизайнера.

Надо будет поинтересоваться, кто так шедеврально кроит. Нет, все-таки что-то в Ксюше изменилось. Помните уникальное свойство Яны Орловой? Смотреть в глаза и видеть душу. Я заглянула в глаза подруге. Ясно, Ксения влюбилась.

— Орлова, я в шоке. Ты погрязла в грехах. Анекдот хочешь?

Я разлила по чашкам ароматный кофе.

— Валяй.

— Приходит к священнику девушка и говорит: «Падре, я согрешила». А он ей: «Ай красавица!» Ай красавица ты, Орлова!

Мы рассмеялись. Как я могла уехать и оставить своих подруг в другой части мира?

— Ладно, Ксю, рассказывай, кто он — человек, заставивший твои глаза сиять.

Ксюша смутилась и нервно затеребила край сарафана.

— Откуда ты знаешь? Милка рассказала?

Я усмехнулась. Влюбленную женщину даже без суперспособностей за километр видно. Ксюша продолжила:

— Обычный парень. Но такой хороший!

История знакомства Ксении с ее новым возлюбленным тянет как минимум на сценарий к фильму Франсуа Озона. В один из первых летних деньков наша начинающая актриса опаздывала на съемки. Навыков вождения у нее — кот наплакал, и девушка всячески старалась, не нарушая правил дорожного движения, успеть доехать из одного конца города в другой за тридцать минут (что само по себе нереально). На одном из перекрестков наш начинающий шумихер не заметил предупреждающий сигнал светофора и прямо на пешеходном переходе сбил человека!

— Представляешь, как я испугалась! Сразу представила, как вы мне будете передачи носить! Ну я подбегаю к нему, а он мне говорит: «А я вас узнал! Вы актриса!» Тут я и поблагодарила бога за свою профессию.

Я внимательно слушала подругу. Вместо того чтобы отвести слегка помятого мужчину в больницу, Ксю посадила своего новоявленного принца в машину, и они вместе отправились на съемки! Уже вечером случился невероятный секс (исключительно в лечебных целях),

моментально поставивший пострадавшего принца на ноги. Принц — это, конечно, я загнула. Матвею, как выяснилось, сорок, и у него своя автомастерская. Слегка потрепанный принц.

— Ну, он обычный мужик, понимаешь, Яна? Не из нашей сферы! Не педик, не алкоголик, не творческая личность! Обычный мужик. Представляешь, как мне повезло?

Да, обычный мужик — это мечта любой Media Princess.

— Так вот, Яна, я думаю, что это — судьба.

Ну слава богу, а я думала, что-то изменилось за время моего отсутствия. Нет, все на своих местах. Ксения — довольно романтическая девушка и в каждом своем кавалере видит потенциального супруга, человека, посланного небесами, чтобы скрасить ее довольно и без того яркие будни. Впрочем, разочарование в объекте своего обожания наша обворожительная блондинка тоже переживает с легкостью: «Не судьба!»

Но я решила порадоваться за подругу.

— Любовь — это прекрасно!

— Ян, а как там Небесный? Этот news maker хоть как-то объяснил гадкие публикации?

Я встала и подошла к окну. Вид, конечно, не такой прекрасный, как в Калифорнии.

— Океан был беспокойный, когда я уезжала... А человека с такой фамилией я никогда не знала.

Ксения понимающе кивнула головой.

— Вот и правильно, Орлова, вот и правильно. Слушай, у меня есть идея!

— Здорово, какая?

— А давай сделаем Милке сюрприз и приедем на ее свадьбу! Я все узнала! У нее временный финансовый кризис — банкета не будет, но роспись-то наша девочка не отменит! Уверена, Мила обрадуется, когда нас увидит!

Сказано — сделано.

Отрезок 5

Если вы не разбираете чемодан — значит назвать вас несчастным человеком язык не повернется. И не надо «ля-ля». Вот правда, лучший выход из депрессии — это Борисполь, терминал Д.

— Ксю, а почему Мила выходит замуж в Берлине?

Подруга пожала плечами.

— Она вообще это все делает в атмосфере какой-то таинственности и загадочности. Думаю, это как-то связано с Королевином.

— Может, у него там родственники? — предположила я.

— Ага, остались со времен...

— Не смешно, Ксю.

— Да ладно тебе, зато такого сюрприза Милка точно не ожидает!

Как же в точку это было сказано! Такого сюрприза мы и сами не ожидали... Но пока что мы пребывали в приподнятом настроении, как и полагается в самом начале путешествия. Ксю активно переписывалась с Матвеем, я постила «луки» в Facebook: «Го на Ибицу», «Пляжницы» и все в таком духе. Заметала следы. Мила отреагировала первой: «На медовый месяц — к вам. Ждите!» Ага, конечно! Нет, мы намерены погулять на твоей буржуйской свадьбе, дорогая!

— Ксю, а теперь, получается, Мила будет Королева? Мила Королева? Звучит...

— А я, получается, скоро буду Миронова! Ксения Миронова... Для актрисы — замечательно, по-моему.

Я хмыкнула.

— А что, Матвей уже готов к лишению свободы?

Ксения повела плечиками и развернулась в другую сторону, ограждаясь от моего сарказма и реалий жизни, наверное.

— Не хочу с тобой говорить, Орлова. Не даешь размяться.

Я постучала подругу по спине:

— Тук-тук, откройте мне вашу душу, я хочу в нее нагадить. Я — типичный мужчина средних лет с лысиной и кучей комплексов.

Ксения развернулась. По взгляду было понятно, что именно в эту минуту в ней активно борются два состояния души — «смех сквозь слезы» и «убей мою подругу». Победила дружба.

— Давай закроем тему Матвея.

Я обняла свою best friend.

— Ок, но если он тебя обидит, я сделаю ему «Генри Ли»¹. Пойдем, Ксю, посадка.

Ну, Willkomm Berlin, мы приехали!

Отрезок 6

Я стояла возле окна наших апартаментов на Курфюрстердамм и тербила шторку.

— Ксю, а сколько ты знаешь слов по-немецки?

Ксюха что-то крикнула из ванной комнаты. Я продолжила свой монолог, перелистывая страницы русско-немецкого разговорника.

— Я так и думала, что ты, кроме *дас ист фантастиш*, ничего и не знаешь! *Хауп-бан-коф* — вокзал... о... а бабочка, Ксю, знаешь, как будет бабочка? — крикнула я с надеждой быть услышанной, все-таки я добываю важную информацию! — Бабочка по-немецки *шметелинг*! Ой не могу...

— Что ты там хохочешь?

Ксения зашла в комнату в бежевом платье в пол. Мери Поппинс может смело перепевать: «Ах, какое блаженство знать, что Ксю совершенство, знать, что Ксю — идеал!..» Я глянула на свои джинсы: как девочки все успевают? И красивыми быть, и умными.

¹ Речь идет о композиции «Henry Lee». Народная баллада, Шотландия, XV век. История о молодом человеке, который хочет бросить возлюбленную ради другой, более красивой женщины. Оскорбленная девушка подпавляет его, убивает и бросает тело в реку. Иногда в песне упоминается свидетель преступления — маленькая птичка.

— Ксю, а зачем ты поселила нас на улице, где из окна открывается вид только на Шанель, Прада, Версаче и Соня Рикель? Так издеваться над слабой девичей психикой!

— Потому что цель нашего визита — свадьба, а Милка торжественно бракосочетается через парочку кварталов отсюда. Иди собирайся, опоздаем!

Я захлопнула разговорник и поспешила прихорашиваться. Все-таки мы сегодня подругу замуж выдаем!

Через час мы уже вызывали такси. Я — в развевающемся платье в горошек, Ксю — на умопомрачительных шпильках. Ехать в метро в таком виде — значит сразу вызвать косые взгляды и неодобрительные насмешки. Немки, в большей своей части, одеваются очень скромно. На ломаном языке мы пыта объяснить диспетчеру конечный пункт нашего назначения — *штандесамт*, или загс по-нашему.

— Ну, ты что-то поняла?

— Яна, придется идти пешком, по-моему.

Ничего, для бешеной собаки два километра — не крюк. Мы шли по одной из самых оживленных улиц Берлина с улыбками на лице: красивые, умные, успешные и крайне одинокие девушки XIX-го века. Но! Сегодня одна из нас навсегда (искренне на это надеюсь) покинет клуб холостячек. Выпорхнет из гнезда, так сказать.

— Ксю, будешь плакать в этом штандесруче?

— Штандесамте. Не знаю. Да, наверное. Мила так долго ждала этого счастья.

— Ага, помнишь, сколько раз мы вытирали ей сопли, когда они с Королевичем расхотелись?

Ксю усмехнулась, вспомнив, наверное, **тот самый** случай. Это когда мы два дня искали Милу по всему городу, а оказалось, что она снова рассталась с Лешей и решила посвятить себя дзен-буддизму, улетев на Гоа. Еще через два дня Мила и с буддизмом решила завязать, решив, что морально еще не готова отречься от мирского... Оно и понятно. Кто же отрывается от мирского на Гоа в компании любимых подружек? Я вздохнула.

— Да, весело было... Слушай, Ксю, а цветы надо покупать?

Подруга остановилась посреди улицы.

— О! Цветы! Хорошая идея! Идем к метро!

Мы выбрали самый большой букет белых роз, какой только мог быть. Юра Шатунов обзавидовался бы! Решили нести его по очереди. Но до Ксюши очередь почему-то так и не дошла.

— Давай скорее, Янка, опаздываем... Роспись уже началась!

Я фыркнула, протянув чудо флористике подруге:

— На, сама носи веник, ты долго собиралась!

— Я долго собиралась?! Это ты не могла вызвать такси!

— Роспись уже началась!

— Сделали сюрприз...

В перепалке мы не заметили, как добрались до загса.

— Пришли! он — штандесруч!

— Штандесамт, Ксю!

Перед нами было здание XVII-го века из красного кирпича. Ничего примечательного, обычная обитель мирового зла. Говорят, что когда девушка переступает порог загса, она перечеркивает свое прошлое, а мужчина — будущее. Шутка, конечно. Свадьба — это самое лучшее, что придумали люди. Все-таки браки создаются на Небесах, а разводятся люди на земле — по большой глупости. От размышлений меня прервал возглас подруги:

— Смотри! Вон она! Мила! Боже, какая красивая!

Я глянула туда, куда указывала подруга. На другой стороне улицы возле дверей берлинского загса поднимала бокалы, веселилась и фотографировалась огромная празднично одетых молодых людей. Два шикарных белых лимузина были припаркованы неподалеку. Все, как мечтала Мила. И вот сейчас, в эту минуту, за тысячи километров от родного дома сбывалась ее мечта: быть невестой!

— Ну, видишь?

— Не вижу.

— Ну вон она, в платье!

Я пригляделась.

— Вижу!

На Миле было пышное белое платье, перчатки и очень длинная фата, закрывающая ее с ног до головы. Только развивающиеся светлые волосы выдавали, что там, под балдахином из абсолютного счастья,

наша Милка! А то, что гуляют наши, — это и так понятно. Бургеры не принимают публичных поздравлений и вообще никак не отмечают день бракосочетания. Редко можно встретить невесту-немку, выходящую из штандесамта в белом платье. Джинсы, скромная маечка, минимум косметики. Кисло живут любители кислой капусты!

— Ну, идем поздравлять! — Ксю была настроена решительно.

Мы перешли улицу и почти подошли к гостям. Милка куда-то пропала из поля нашего зрения.

— Не вижу ни Милы, ни Королевича... А у него и вправду родичи — немцы, гляди...

— Ну ничего, ты же учила с утра слова — вспоминай! — Ксю толкнула меня вперед.

— Их либе дих, дас ист фантастиш! — выпалила я.

Парочка гостей обернулась, все полезли к нам обниматься. Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба, пела и плясала... Я, не выпуская наш ошеломляющий букет из рук, умудрялась поднимать бокалы с шампанским, говорить тосты за молодых и принимать поздравления. Каким-то образом нам удалось объяснить родичам Королевича, что мы — подруги его жены. Ксю затерялась в гуще событий: какой-то симпатичный немец был сражен наповал ее чарующими... глазами. Да где же Мила, черт возьми? Внезапно кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулась. Вот так сюрприз.

— Мила?! А где...

Я не успела продолжить фразу, подруга схватила меня за руку и потащила в сторону от праздника жизни. Я все еще прижимала букет к груди, уже понимая, что, скорей всего, предназначение у венка поменяется — буду им защищаться от тумачков разъяренного продюсера.

— Орлова? Ну что за цирк? Какого черта ты тут делаешь?!

Передо мной стояла наша Людмила. Только никакого платья с фатой и рукавичками до плеч на ней не было. Мила была без косметики, в джинсах и маечке.

— Милка, мы сюрприз тебе хотели сделать... Ксю узнала, когда у тебя роспись, и все дела... Мы приехали... Вот... букет купили... держи...

— Так тут еще и Ксюха... Я в шоке! Спасибо, девочки! — злобно прошипела Мила.

— Мила, ну чего ты злишься? А где твое платье? Где Королевич? Мила закатила глаза и всплеснула руками.

— Какой Королевич? Какое платье? Что вы напридумывали?

Теперь настал мой черед закатывать глаза и размахивать руками.

— У нас не так часто подруги замуж выходят! Я бы сказала даже очень редко: раз в столетие!

— Но у меня нет никакой свадьбы, Яна!

Пам-пам... Приехали. Дожились. Дошли до ручки. От удивления я, кажется, потеряла голос и перешла на шепот.

— Мила-а-а... у меня два вопроса: а что ты тут тогда делаешь и на чьей свадьбе сейчас гуляет Ксю?

— Не знаю, может, турки женятся...

Отрезок 7

Мы сидели в машине Милы и молчали. Ксю периодически икала.

— А как его зовут? — я решила начать разговор.

— Ханс-Йоахим Флайшер! — вздохнув, ответила Мила.

— Мясник, что ли? Ик... — Ксюша решила поддержать беседу.

— Почему мясник?! — удивилась я.

— Флайшер — по-немецки мясник. Ик!

Я еще больше удивилась. Откуда у Ксении, не знающей даже, как будет «спасибо» в переводе на English, такие познания в немецком?

— Ханс инженер, — Мила потянулась к букету, лежащему на «торпеде». — Вы что, ограбили цветочный ларек? Столько роз... как будто у меня и вправду свадьба...

— Ну мы же думали...

— Индюк тоже думал! — парировала Люда.

— И в суп попал. Ик! — Ксюша всегда умеет вовремя вставить свои пять копеек.

— Прекрати икать!
— Не могу...
— Это я девочки так больше не могу... — Мила положила голову на руль и разревелась.

Мы гладили ее по голове и успокаивали. История нашей подруги стара как мир. Прошлой зимой Королевич укатил в Польшу — снимать очередной фильм, прихватив с собой двух гражданок Украины: жену и нашу Милу. Это была первая ошибка Люды. Во-первых, она попала в полную зависимость от субъекта своих девичьих грез, а во-вторых, начала терять квалификацию! Что такое оказаться без работы, в другой стране, инкогнито да еще и в вечном ожидании звонка от любимого — так выглядит кошмарный сон продюсера, наверное. От скуки Мила начала посещать курсы польского языка, где и познакомилась с Хансом. Флайшер приехал в Катовице по работе и почти сразу влюбился в нашу красавицу. А Мила все также любила Королевича...

— Зато через три года я получу вид на жительство, — Мила перестала шмыгать носом и начала стирать с лица потекшую тушь.

Приходит в себя.

— Голосовать все равно не сможешь! Ик...

Я еще раз глянула на Ксюху. Откуда она все это знает? Может, под действием алкоголя в нее вселяется энциклопедия?

— А интеграционный тест сдавала? Ик... Девочки, а у нас воды нет случайно?

Мы с Милой переглянулись.

— Не сдавала еще. Но Ханс меня записал на курсы немецкого...

— А где он сейчас?

Мила глянула в зеркало заднего вида и поправила волосы. Пришла в себя окончательно.

— Мы расписались, и он поехал на работу.

Вот так просто. Мила с восемнадцати лет мечтала выйти замуж. Вот ее желание исполнилось, а счастья что-то не прибавилось. Да уж, выйти замуж — не напасть... Лишь бы замужем не пропасть.

— А между прочим, там нормальные ребята остались! Их либе дих! Ик... — Ксю помахала рукой своим новоявленным друзьям. — И что

вы на меня так смотрите? Я когда-то в брачное агентство ходила... У меня даже жених немец был! Ик... да что ж такое!

Это был апогей сегодняшнего дня. Ксю и брачное агентство! Та, которая громче всех кричала, что подобные конторы — унижительны и это «просто прибежище для неудачниц»! Интересно, сколько мы еще не знаем про самых близких нам людей?

Отрезок 8

Любое значимое событие в жизни надо отмечать. И не галочкой в календаре, а реальными действиями. Потому что все мы состоим из воспоминаний. И важно наполнить себя яркими незабываемыми моментами! В общем, я нашла вагон и маленькую тележку доводов уговорить своих подруг посетить знаменитый бар «Solar» на вершине небоскреба. И вот мы — три киевские девчонки — смело шагаем по Stresemannstraße (непереводимая игра слов, просто знайте, что это в центре). Ксю — в зеленом шифоновом платье в пол, Мила — надела маленькое черное (свадьба все-таки!) и я — остановила свой выбор на белоснежном сарафане и веночке от Wojkovska.

— Это маки, что ли? Красиво...

— Ага, из камушков, видишь? Она его к тебе на свадьбу везла... надеть хотела.

— Ксю, о драконах ни слова.

Этот диалог состоялся, конечно, ранее нашего триумфального марша в пучину показного веселья. Хотелось бы подчеркнуть слово «показного», ведь у каждой из нас на душе кошки танцевали когтями джагу-джагу. Но, как говорится, чем паршивее даме внутри, тем прекраснее дама снаружи. Кстати, о наружности, точнее о наружной рекламе. Найти один из самых популярных баров Берлина — задание для клуба юных натуралистов. В том смысле, что без компаса не обойтись. Никакой броской вывески или парадного входа.

- Отлично, повеселились...
- Ксю, ну что ты начинаешь сразу?
- Спокойно, я мужа нашла, а вы про бар какой-то...
- Девочки, сюда!

Мы прибыли в место назначения, как бы сказал мой gps-навигатор по имени Рита. Почему Рита? Когда-то один знакомый пилот рассказывал Яне Олеговне Орловой про систему навигации «Рита», которая вещает приятным женским голосом, когда небесный корабль идет на посадку: «Минимум, минимум...» Но у нас сегодня программа максимум, вы же помните.

Из скромного холла выходим к абсолютно прозрачному лифту.

- Ух ты!
- Ничего себе!
- Этаж?
- Семнадцатый...

Ночной Берлин — как на ладони. Протяни руку, улыбнись ему — и вот он уже, как любой мужчина, тает перед очарованием трех киевских девчонок...

- Боже! Какая красота!
- Девочки...
- Это только начало.

Подруги заказали три Tanqueray по десять евро и мне — тоник в нагрузку. Ксения подняла бокал, но вместо тоста решила провести со мной агитационную беседу. Бесполезно, конечно.

- Орлова, ты когда раскодируешься?
- Алкоголь вызывает у меня стойкое чувство неприязни.
- Лучше бы у тебя чувство неприязни Небесный вызывал.
- Легкий удар в самое сердце. Сдержалась. Выдержала.
- Всему свое время, девочки. Считайте, что я разбила коленки, и они все еще болят. До свадьбы заживет!

Теперь слезы навернулись на глаза Милы.

- Да сколько ж можно про эту свадьбу!
- Девочки, а он не отвечает мне на смс... — Ксю подняла свой телефон в воздух и тяжело вздохнула.

Ну все, приехали. Из трех расфуфыренных мадам, чинно заседающих в одном из самых стильных заведений Европы, мы за считанные

секунды превратились в трех сопливых девчушек. А хлюздить нельзя. Хлюздю на палочке катают.

Итак, давайте выведем сальдо на экран.

Мила — вышла замуж по расчету, в чужой стране, за абсолютно неинтересного, не родного и более того — не привлекательного человека. Вышла, потому что не смогла больше терпеть губительное для женской психики состояние «запасного аэродрома». Вышла, потому что пора. Вышла, потому что устала от одиночества. Впереди у нашей Media Princess — долгий процесс адаптации в новом обществе, безработица на ближайший год, а следовательно сплин, хандра и тоска по родине и близким. Радужные перспективы.

У Ксю все немного проще. Наша блонда попала в зависимость от мужчины. Матвей — типичный бабник (но давайте не будем пока об этом говорить нашей подруге? Она сейчас в состоянии «влюбленная дурочка». Это пройдет. Еще Соломон говорил, что все пройдет...). Почему бабник? Объясняю. Схема у него простая, как таблица умножения. Сначала он подсадил Ксению на круглосуточное общение: смс, звонки, букеты цветов, собственноручно приготовленные ужины, походы в кино. В общем, имитация совместной жизни. Бабник знает, о чем мечтает одинокая девочка «за двадцать пять». А потом... потом он исчезает. На три дня. И начинается ожидание связи с абонентом. А ожидание, как поет Земфира, — самый худший повод, между прочим. Конечно, Матвей манипулирует чувствами нашей подруги. А она думает, что его любит.

Орлова. А что Орлова? Орлова в перманентной сраке. Яна ибн Олег старательно выбрасывает мысли о Саше Небесном из головы. Но если хотя бы на долю секунды, хотя бы одна мыслишка залетит в и без того помутненное сознание, боль по капиллярам и сосудикам заполняет весь организм. Пульсирует в висках, пока не уходит вглубь и не превращается в один огромный черный сгусток разрушенного счастья. И так хочется вырвать эту гадость из груди, и чтобы летала она, как мячик, по всему супермодному бару Solar: от стенке к стенке. И разрушал бы этот мячик все вокруг, а меня не трогал больше никогда. Больше. Никогда. Никто. Не сделает мне так больно, как ты, Саша. Я обещаю.

Берлин оставался единственным приличным мужчиной в этот вечер. Надел свой лучший костюм, сотканный из ночных огней, и ма- нил распробовать какой у него, у холостого, вкус. Но не сегодня, не- мецкий брат, не сегодня. Киев — мать городов, устала, измоталась.

— Мила, а ты с ним спишь? — третий по счету Танкетгау в руках нашей Ксю привел беседу в непринужденное, но весьма богатое на подробности русло.

— С Хансом? Сплю. Но представляю Королевича... Ой, девочки, это так трудно... — Мила закрыла лицо руками.

Мы подставили ей трубочку с коктейлем.

— Не хлюздить! Так ты тут надолго? — это уже я решила поддер- жать разговор.

— А мне возвращаться некуда и не к кому. Остаюсь здесь, — ответ Милы был настолько краток, что сомневаться в словах и просить под- ругу изменить решение смысла не было.

Абсолютная точка невозврата. Мила вышла замуж за Берлин, оставив в прошлом наш Киев. Так себе замена игрока, скажу вам я.

Отрезок 9

*В состоянии неподвижного безмолвия
Дремлет чудодейственная сила:
Сила ясности и сила очищения,
Что ведет нас к сути бытия.*

Дитрих Бонхефер

Мы не прощались. Люди давно придумали skype и viber. Единствен- ное, что попросила я перед вылетом, — это два часа времени. Есть у Яны Орловой в Берлине место, обязательное для посещения.

Бранденбургские ворота — символ надежды государства на вос- соединение. Ворота мира, ставшие невольными свидетелями многих печальных событий мировой истории. Им тоже прилично досталось.

Сначала Наполеон варварски демонтировал и увез в Париж главный символ: квадригу с богиней победы — Викторией (не знаю, может, на дачу присмотрел). Вернулась она в немецкую столицу только после падения власти французского диктатора. И если до этого барышня держала в руках оливковую ветвь, то после французского приключения ее заменили крестом — немецким военным орденом за заслуги в войне против Наполеона. Только разобрались с лошадьми и богинями — грянула Вторая мировая. В тяжелых боях все другие здания Парижской площади Берлина были разрушены, и только Бранденбургские ворота уцелели, хотя тоже не без повреждений. На них развивался красный флаг, под ними ходили советские танки. Устаканилось — случилась другая напасть: шестьдесят первый год. Ворота мира вмонтировали в печально знаменитую Берлинскую стену и наглухо закрыли. Более того, повсюду были установлены заградительные сооружения, а по бокам начинались минные поля. Жуткие тридцать лет в истории Германии.

Не надо стесняться, если Вы не помните, с чего началась вся эта канитель с разделением государственной границы. В двух словах: произвол победителей, диктовавших свои правила. По окончании войны США «прихватизировали» западную часть, СССР установил свои порядки на востоке. И если ФРГ активно развивалось по капиталистическому пути: люди работали, покупали авиабилеты и благополучно путешествовали по всему миру, то в ГДР был полный... коммунизм с его пустующими продуктовыми магазинами и прочими радостями советского строя. И вот так просто: третьего августа одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года жители обеих частей Берлина проснулись и увидели, что разделительная линия оцеплена и полным ходом идет подготовка к строительству постоянного сооружения. «Восточные» растеряно смотрели на все это и понимали, что убежать уже не получится. Люди начали учиться выживать по разные стороны баррикад. Тысячи разделенных семей, печальные истории любви и бесчисленные попытки немцев перейти «полосу смерти».

По иронии судьбы на пути стены стоял храм XIX века, который назывался Церковь Примирения. Так как власти решили, что он закрывает обзор со сторожевых башен, храм был взорван в восемьдесят пятом. Зря они так, конечно.

Но, участвуя в этой смуте, ворота участвовали и в радости воссоединения страны, когда в восемьдесят девятом Берлинская стена наконец-то пала. Да еще как участвовали! Снова праздник сказался на многострадальной квадриге — от излишних проявлений радости ее немного повредили. Ну ничего — за двоих битых одного небитого дают. Если бы Бранденбургские ворота умели говорить, то на своем монументальном языке, наверное, прошептали бы тихонечко: «Ничего, переживем и это». Поэтому совершенно логично, что именно здесь, у демаркационной линии, существует комната, где царит абсолютная тишина — Raum der Stille. Четыре стены для раздумья, родства душ и миролюбия. Здесь нет религий, времени и принадлежности к чему-либо. Даже ее историей место — нейтрально пусто.

Если Вы хотите принять решение, обдумать ситуацию и просто побыть наедине с самим собой — must see! Я зашла внутрь, присела на стул. Тихо, пусто, одиноко. Некоторые теософы утверждают, что после смерти мы попадаем в некий мешок или клетку, где проводим мучительное время в ожидании перерождения, миллионы раз прокручивая в голове сценарий собственной прошлой жизни, анализируя ошибки, промахи и упущения. Жутко, правда? Но когда, наконец, осознаем, где накосячили — нас снова запускают для выполнения программы. С нуля. Ведь если бы люди знали, что ждет их впереди, мало бы кто согласился жить по доброй воле.

Думаю об этом каждый раз, попадая в Raum der Stille. И вот даже не знаю, что лучше: жарить попу на сковородке или эта попытка глобальным одиночеством. Может, поэтому, кстати, мы так боимся оставаться одни — вспоминаем время, проведенное в «мешке»?

Не знаю.

Я закрыла глаза и представила себя на берегу океана. Теплая вода, шум прибоя, крики чаек. Все, как тогда, когда мы встретились в Сан-Диего. На линии горизонта белоснежная яхта — «Анна-Мария» — все дальше и дальше, превращается в маленькую, незначительную точку в огромных волнах океана моей памяти. Мне нужно отпустить тебя, Саша. Мне нужно с тобой распрощаться. Иначе нельзя. Прости. Я больше не верю в тебя.

И ты, Берлин, прощай. Мы возвращаемся на Родину, оставив тебе сувенир — Милу Юрьевну Флайшер, прости Господи.

Отрезок 10

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о приключениях человека в ЖЭКе.*

Возвращение в столицу ознаменовалось двумя событиями в жизни Яны Олеговны Орловой: сломался унитаз и закончился телевизионный проект, на котором она упорно трудилась последние полгода. Впереди маячил поход в ЖЭК и временный отпуск за свой счет на неопределенное время — не радужная перспектива финансового кризиса. Ну ладно работа, но унитаз! От него я такой подставы не ожидала... В общем, утро первого июля не задалось. Звонок другу.

— Орлов, привет. Это твоя бывшая жена. У меня сломался унитаз.

— Опять бросала туда ватные палочки?

Да, кстати, никогда этого не делайте!

— Нет, «пимпачка» на вном бачке провалилась. Вил ю хелп ми? — мурлыкаю в трубку, в надежде на скорое решение туалетного вопроса.

ез «ватер клозета» — очень тоскливо. Не писать же мне в баночку...

— Я на работе. Позвони в ЖЭК, вызови сантехника... Или загугли. К тому же, я не должен бежать по первому твоему зову... И если ты думаешь, что...

Дослушать душещипательную тираду бывшего мужа не получилась: я сбросила вызов. Ну сказал бы: «Не могу» — и все. Любитель разводить философию на ровном месте. Или он думает, что после последнего коитуса я буду выдумывать поводы, чтобы снова затащить его в постель? Не в характере Яны Орловой разводить китайские церемонии. Яростно выступаю за прямоту речи: «Sex tonight?» Да, кстати, о сексе, у меня сегодня намечается бурный день любви, правда — с жилищно-эксплуатационной конторой. Вызывать «платного» сантехника в моей ситуации — буржуизм. Но что удручает меня больше, чем отсутствие денег, так это общение с представителями

государственных служб. А тем более представителями этой обители мирового зла, скромно замаскировавшейся под одноэтажное здание ЖЭКа: сантехниками, дворниками, водопроводчиками etc. Сбравшись с духом, делаю шаг навстречу светлому будущему с работающим унитазом — захожу в помещение. Навстречу мне дядька с усами. «Отлично, — думаю я. — Усы внушают доверие. Николаев их десятилетиями носит...»

— Простите, вы не подскажете, где я могу найти сантехника? — я весьма вежлива в полдесятого утра.

Ответ краток и молниеносен.

— А я гребу?

Супер! Отличное начало. Наверное, дядька знаком с азами тайм-менеджмента: «Умей говорить „нет“ и не затягивай с озвучиванием решения». Иду дальше. Захожу в комнату с табличкой «Приемная», передо мной тетя, явно застрявшая где-то в семидесятых: очки с толстыми стеклами, старомодная «гуля» на голове, блуза зеленого цвета и апогей путешествия во времени — губы фиолетовой помадой. Женщина без возраста. Хотя она отлично вписывалась в окружающую обстановку: алое в глиняном горшке на окне, вместо чайника — кипятильник в железной кружке и — о чудо! — радиоприемник на стене! Да здесь можно кино снимать и не тратиться на локации. Делаю вторую попытку зайти на посадку.

— Простите, вы не подскажете, где я могу найти сантехника?

Тетя поднимает голову от бумаг. На ее лице отображена вся гамма чувств, начиная от неприкрытого недовольства (оторвали от какого-то суперважного дела!) и заканчивая полным равнодушием к моей проблеме. Обидно! Попробовала она потерпеть в туалет второй час!

— Надо записаться на вызов, — всего четыре слова из уст повелительницы сантехников, а сколько тайного, сакрального смысла!

Надо записаться на вызов — значит ждите появление мастера по ремонту унитаза, как пришествия новой формы жизни на планету Земля. То есть очень долго. А в туалет-то хочется... Пытаюсь пойти по обходному пути бюрократической системы — достаю из сумки шоколадку.

— А может, как-то можно договориться?

И вот он момент истины и гордости за общество, в котором живу:

— Нет. Сантехник — только по записи.

Не солоно хлебавши, выхожу на улицу. Еще немного и я начну за-
видовать собакам, справляющим нужду под деревом.

— Девушка! Вы сантехника ищите? — слышу за спиной голос, все-
ляющий надежду в спасение моего мочевого пузыря.

Поворачиваюсь — наш дворник.

— Да, ищу. А что, вы можете починить?

— Я не могу, но мой друг может.

— Ведите меня к нему!

Так я оказалось в гостях у дворника. Среди мусора и коробок
можно было разглядеть тело, чисто теоретически являющееся моим
(опять же чисто теоретически) спасителем.

— Он выпивший... — обращаюсь к дворнику.

— А кто сейчас трезвый? — парирует чистильщик улиц.

И то верно.

— Разбудите его, что ли, — командные нотки в голосе прорезаются
с каждой секундой моего терпения.

Через пять минут я уже общалась с Вась Васем (сокращенно от
Василий Васильевич) — невзрачным дядькой лет сорока с абсолютно
«пропитой» физиономией. Диалог получился знаменательным, пере-
даю его слово в слово:

— Вы сантехник?

— Ну.

— У меня унитаз сломался. Починить можете?

— Ну.

— Там «пимпачка» провалилась...

— Ну.

— Пойдемте со мной, почините тогда.

— Нет.

Если бы я умела так прямо и уверенно говорить «нет» в тех ситу-
ациях, когда сопротивлялась вся моя сущность, я бы, наверняка, со-
хранила себе много времени и нервов. Но сейчас Яна Олеговна рас-
строилась: на часах полдень, а воз и ныне там. Я вздохнула.

— Почему «нет»? Я заплачу... немного.

Вась Вась заметно оживился, но все равно стоял на своем:

— Нет, потому что я не знаю, что там у вас за «пимпачка». Слушайте меня внимательно... — дядька наклонился ко мне и в нос ударил резкий запах перегара, мне стоило больших усилий сдержать порыв обратной перистальтики. — Слушайте...

О, настало время невообразимых историй от псевдосантехника Вась Вася.

— Слушаю!

— Вам надо поехать на рынок, там есть мясник Толик, у него белорусский набор. Купите его и возвращайтесь, все починим.

С этими словами дядька развернулся и удалился вглубь «берлоги».

А теперь внимание — вопрос, знатоки! Как? Как я могла повестись на этот бред и отправиться на рынок к мифическому мяснику Толику за каким-то сюрреалистичным белорусским набором? Я отвечу, господин ведущий. Моча в голову ударила — в прямом смысле этого выражения.

Я зашла в мясной отдел. Мясников — больше десятка. Интересно, й из них — Толик? Подхожу к первому попавшемуся, и — о бин-го!

— Простите, вас случайно не Толик зовут?

Ответ сразу дал понять, что передо мной друг Вась Вася и нужный мне человек:

— Ну.

«Баранки гну!» — подумала я, но вслух сказала:

— Продайте мне, пожалуйста, белорусский набор для унитаза.

Немая пауза — чуть дольше положенной по драматургии.

— Чего? — это удивленный возглас мясника. — Девушка, у нас мясо.

— А «пимпачки» для унитаза нет? — это мое жалобное нытье.

— Шла бы ты отсюда, пока по шее не получила, девочка.

Я склонна верить угрозам мясника, но все-таки хотелось докопаться до истины.

— Вы меня не так поняли. Мне сказали, что тут есть мясник Толик, который продает еще и белорусскую сантехнику...

Дядька вытер руки о край фартука и почесал бороду: мыслительный процесс на лицо. Может, он и сомневался в моей адекватности, но совет дал дельный:

— Тут есть еще один Толик... в четвертом ряду. Спросите у него.

Ну не попала с первого раза в десяточку. С кем не бывает? Продолжаю свои приключения. В четвертом ряду Толик тоже был. Но и он не торговал сантехникой... Ситуация повторилась с ужасающей точностью, только в этот раз меня и вправду чуть не поколо.

— А ну пошла вон! Ходють тут всякие... умалишенные. пимпачка знаешь где у тебя...

Не знаю и знать не хочу. Злая на себя, Вась Вася с его белой горячей и мир в целом, я возвращалась домой с пустыми руками и полным мочевым пузырем. Хорошо, что до Курбан-Байрама еще парочка месяцев, а то бы меня точно принесли в жертву. Как самого главного барана. Звонок другу-2.

— Ксю, можно к тебе заехать? Ничего личного, тупо отлить...

Вечером позвонил Орлов.

— Починила таз?

— Нет, писаю как кот — в лоточек.

— Ладно, сейчас приеду.

И

Глеб действительно приехал.

Одно «но»: с утра, когда за бывшим мужем закрылась входная дверь, мне все-таки пришлось вызвать платную службу по ремонту сантехники.

Отрезок 11

Паршиво — единственное состояние души, дающее потрясающ результаты. Великие произведения искусства были написаны на почве неразделенной любви и при наличии массы свободного времени.

Взять хотя бы Маргарет Митчелл — повредила ногу, катаясь на лошади, и год была прикована к постели. Так родились первые главы истории любви Скарлетт О'Хары и Ретта Батлера — бестселлера всех времен и народов. А затем — слава, известность, премия Пулитцера...

Премия Пулитцера... Это я к чему? К тому, что, пока Яна ибн Олег во временном отпуске и страдает, родилась идея. Но давайте по порядку. От печки, так сказать.

Диалог на кухне квартиры моей любимой подруги Ксении Симоновой.

— Чего притащилась? Опять унитаз? — моя любимая Ксю всегда так рада гостям! Особенно с утра. Особенно с утра в воскресенье.

— Нет, унитаз починила. Ко мне вчера Орлов приезжал...

— Нашла бы повод романтичнее, чем поломка горшка.

Я махнула рукой. Ксю разливала обжигающий кофе по чашкам. Дурманивший аромат!..

— Тебе с сахаром? — подруга достала сахарницу — банку из-под чая.

— Четыре...

— Не слипнется? — тростникового ей, конечно, не жалко, но надо же повыпендриваться!

— Ксю, у меня идея...

Вот так буднично, в атмосфере быта и хмурого летнего утра 2014 года в голове нашей главной героини родилась мысль, которая позже изменит всю ее жизнь. Ну ничего, поделим ей! Ксю сделала глоток кофе, проснулась и, кажется, заинтересовалась:

— Что на этот раз, Орлова?

— Ксю, я пока в Америке была, начала книжку писать...

Ксения откинулась на спинку стула и блаженно закатила глаза — энергетический напиток по венам начал заполнять ее организм хорошим настроением и бодростью. Она перестала язвить.

— О чем книга?

Я кофе не пила. Я была крайне сосредоточена на своей идее.

— О нас. О нашей жизни.

Ксю чуть не поперхнулась. Так и знала, что надо было говорить об этом после завтрака...

— И что, все-все расскажешь?

— Не, о том, как ты в далеко не трезвом состоянии водила чужой Порш Каен без прав, я не буду рассказывать. Я расскажу историю о любви. Денег заработаем. Все-таки я сейчас без работы, надо же как-то производить добавленную стоимость...

Ксю отставила чашку и сложила руки на груди.

— Как назовешь?

— Не знаю, может, «Принцессы с телевидения?»

Отрезок 12

Мы действительно решили издать книгу. Ксения взяла на себя организацию производства и промо, мне оставалось только закончить трогательную историю телевизионной любви. Днями и ночами я корпела над ноутбуком, изредка отвлекаясь на еду и сон. К концу второй недели зазвонил телефон. Нет, он и ранее звонил, просто я не реагировала. Но на этот раз на экране высветилось «Мила Германия».

— Алло, это Жорж Санд?

Я рассмеялась.

— Мила-а-а-а-а! Я так рада тебя слышать! Ксю рассказала о книжке?

— Ага, и сказала, что ты, как крот, сидишь в норе. Не мыла голову неделю и ешь одну пиццу!

Я оглянулась по сторонам: за мной следят? Это была правда. Не знаю, как это происходит, но как только я открывала ноут — поток букв выливался на бумагу. Будто кто-то сверху диктует предложения, а я просто записываю текст. Процесс бесконечный, и можно забыть даже о простых биологических потребностях, не говоря уже о причисывании или переодевании. Как итог — апокалиптический пейзаж в квартире: горы невымытой посуды, коробки из-под пиццы и разбро-

санные вещи. И на всей этой горе хлама гордо восседаю я — будущее современной литературы. Призрачное будущее, конечно.

— Мама, это ты? — решила я «подключиться» подругу.

— Хуже! Я — папа. Папа Римский, пришел читать тебе лекции о скверности такого бытия, — чувство юмора у Милы бесценно.

— Ой, ну хватит, лучше расскажи, как там Берлин?

Мила на секунду замолчала, потом продолжила ровным тоном:

— Нормально. Тут деревья нумеруют.

— Как это? — удивилась я.

— Каждое дерево на «Штрассе» имеет свой номер. Понимаешь?

Я понимала. Понимала, что для нашего менталитета, образа жизни телевизионщика и в целом характера моей подруги нумерация деревьев — это катастрофа.

— Кто-то ходит и на *каждое* дерево вяжет ленточку. На миллион деревьев во всем Берлине, — Мила продолжила свой спич про скуку и однообразность жизни переселенца, вынужденного мимикрировать под местного бюргера.

— Милка, ну а в целом как? Как Ханс?

— Стерпится — слюбится. Наверное. Яна, а ты про Королевича напишешь?

— Напишу. А что написать?

— Напиши, что он козел, но я его люблю.

— Это будет лог-лайн всей истории на самом деле.

— А как назовешь книжечку? — кажется, Мила не на шутку заинтересовалась моим опусом.

Плюс один продюсер.

Я глянула на себя в зеркало, распустила волосы и надула губы:

— Принцессы с телевидения! Как тебе?

Подруга на секунду умолкла (думала, наверное) и выдала:

— Фигня. Лучше на иностранном — Media Princesses.

Так родилось название.

Отрезок 13

Пока мы рожали названия и беременели идеями, лето сдохло. Оно закончилось резко, окончательно и бесповоротно — температура за бортом упала до плюс пятнадцати по утрам. Я проснулась. Проснулась от звонка в дверь.

— Можно было бы и спросить, «кто там», может, маньяк? — конечно, это была моя давняя (не древняя!) подруга Ксения Симонова собственной персоной.

— А-а-а-а... Это ты, маньяк, следишь за мной? Хреново следишь, скажу я тебе... — я жестом пригласила Ксю зайти в квартиру и полюбоваться руинами когда-то уютной жилплощади, отныне именуемой «хламхаус».

Подружка переступила через разбросанные по полу вещи, повела носом и спросила:

— Что за вонь? Кто здесь умер?

— В храбром бою погибли кусочки пиццы, салат оливье и скумбрия.

Ксю округлила глаза и снова поморщилась.

— У тебя был приступ гастрономической шизофрении? Янка, неужели так живут все начинающие писатели?

Я оперлась на стену — единственное чистое место в квартире, — уставилась в потолок и глубоко вздохнула. Полностью вошла в образ.

— Это творческий беспорядок!

— Яна, это твоя лень, помноженная на хандру! Ты две недели не отвечаешь на звонки и не лайкаешь мои посты в Facebook. Мы переживаем.

— Так это ты бояны постишь какие-то, — я кричала эту фразу уже из душа.

Да, правда! Последний летний месяц я провела в добровольном затворничестве. Но, во-первых, я действительно писала книгу! А во-вторых, я действительно не хотела никого ни видеть, ни слышать, ни чувствовать. Одним махом, когда рухнул и без того хрупкий вну-

тренний мир, полетел к чертям и внешний. Добавим сюда временное отсутствие личной жизни, работы и как следствие — денег и перспектив. Отличный набор для затянувшейся депрессии. Появление живого существа в моей орбите — спасательный круг для моей край-
— анимой психики. Закончив банные процедуры, я вышла на кухню — пахнувшая духами и туманами.

— Другое дело! Орлова, садись, а то упадешь. У меня есть новости, Ксю разливала зеленый с жасмином чай.

Аромат бодрящий, свежий, утренний.

— Плохие или хорошие? — первый глоток новой жизни.

По вкусу чай напоминает сбор для полоскания горла. Хотя, может, это он и есть.

— Самые лучшие! — Ксю насыпала в чашку три ложки сахара.

Видимо, вместо жасмина там все-таки была ромашка. Перепутала коробочки. Но шутки в сторону (хотя какие тут шутки?). Я только сейчас заметила, что подруга сияет, как самовар. Сияет от счастья.

— Матвей сделал предложение?

Ксю хлопнула в ладоши.

— Почти! Он предложил нам пожить вместе!

Я отставила гадостный чай в сторону. Нет, Ксю, это не почти — это кардинальный шаг в сторону от этого самого «почти». Сожительство без официального оформления отношений — это затянувшееся расставание. Давайте смотреть правде в глаза. Если вы очень-очень-очень сильно любите человека, разве нужен вот этот «пробный вариант брака? Это временно, — скажете вы. Не смешите двадцатипятилетнюю разведенную девушку: нет ничего более постоянного, чем временное! Так называемый гражданский брак — это неуверенность в собственном выборе. Унизительное безвременье: барышня вроде бы замужем, а ее мужчина — все еще холостой... С Глебом (экс-супруг и лучший мужчина моей жизни) до свадьбы мы встречались три месяца. И прожили пять счастливейших лет совместной жизни.

— Продолжаем жить, конечно, только отношения видоизменились — переросли в родственно-дружеские. И другой пример. Я не хотела выходить замуж за Владимира (экс-кавалера из списка «а был ли мальчик»), и поэтому говорила заветную фразу: «Давай просто пожи-

вместе». Но обо всем этом в присутствии Ксении я промолчала, запив горькую истину чаем для полоскания горла.

— Ты рада за меня, Яна?

Я кивнула. Молчание — знак согласия. Ксю обняла меня и снова радостно хлопнула в ладоши.

— Ну раз так, то я приехала вытащить тебя из норы, чтобы ты могла мне собрать вещи!

Дружба все-таки взаимовыгодная штука, как ни крути. Орлова выходит из депрессии, Симонова переезжает к Матвею. Отрезок 13 плавно переходит в 14 главу нашей жизни.

Глава 14. «Проводы»

Так и чешутся руки назвать этот отрезок главой с поэтическим названием «Проводы». Ну и что, что раньше я так не делала? Сказано — сделано. As usual.

В квартире нас было трое. С половиной. Я, Ксения, еще одна наша подруга Наташа и Мила — в скайпе. Мы паковали платья, блузки, туфельки, книжки, рамочки с фотографиями по коробкам. Ну как паковали... Паковали до тех пор, пока не открыли бутылку с шампанским. После этого священного действия все превратилось в ностальгическое ощупывание старых вещей с периодическими всхлипываниями и возгласами: «А помнишь!..» А вспомнить действительно было что. Десять лет назад мы вчетвером впервые переступили порог этой квартиры. Да что там говорить! В этих стенах много чего было впервые. Но об этом история лучше пусть помалкивает, нам же еще надо выдать Ксю замуж за Матвея!

— Ксю, может, ты бы сначала одну сумочку взяла... Мало ли... — это Мила.

Ей не страшно, она за сто тыщ километров, поэтому может себе позволить высказать вслух мысль, прочно засевшую у нас с Наткой

в голове. (И я, и Натка боялись ее лишиться, головы, в смысле, поэтому молчали как рыбы об лед.)

Ксюша повернулась к монитору:

— Еще одно слово — и я захлопну ноутбук! Сама вышла замуж, а другим что, нельзя?!

— Врагу не пожелаю такое замужество! — прямая речь из Берлина.

— Девочки, не ссорьтесь! — наш политтехнолог Наташа взяла слово.

Она девушка с большим багажом жизненного опыта, редактор информационных программ, человек, делающий новости в нашей стране, — к ней лучше прислушиваться. Иногда.

— Да ну вас, помощники фиговы! — Ксю махнула на всех нас рукой.

Давно, кстати, пора. Ибо последние полчаса мы с Натой просто сидели на полу, изредка «чокались» шампанским и пересматривали альбом со старыми фотографиями. Просто «ударницы» труда.

— Девочки, я в эту квартиру не вернусь никогда. Я ее ненавижу. Я ее спалить готова, честно, — это монолог Ксении.

Верим. Четыре стены и фатальное одиночество. Выть хочется по утрам, к вечеру — тихонько плакать. Понимаем.

— Кстати, о спалить. А можно курить, прямо лежа на ковре? — Наташа решила «гулять так гулять».

— Сегодня нам можно все, девочки! — Ксю смахнула накатившее слезы и плюхнулась к нам. — Начинаем вести половую жизнь, барышни!

— Давно бы пора... к тридцати-то годам... — это Мила подала голос из прикрытого монитора.

— Ты просто нам завидуешь. Кстати, про половую жизнь. Яна, что там Орлов? — этот вопрос Ксения адресовала мне.

А кому же еще? Разве вы видите в комнате других Ян?

Я пожала плечами.

— А что Орлов? Орлов закончился. Последние капли из тюбика выжала. Нет там больше ничего. Пусто.

 Ого, сразу видно — будущий Милорад Павич, только женщина! да, наша Наташа увлекается сербскими специалистами в области поэзии символизма.

— Ой, дуры...

Это были финально-резюмирующие и одновременно начально-анонсирующие слова для всех последующих событий.

Отрезок 15

Жизнь иногда преподносит такие уроки, которые с удовольствием бы прогулял.

Наступила осень. Знаете, мне очень тяжело будет сейчас рассказать об этом отрезке своей жизни. Если вы очень впечатлительны — пролистывайте сразу несколько страниц вперед. Я буду рассказывать о том, как я нашла у себя опухоль. И начала умирать.

Да. Я — Яна Орлова, молодая, красивая, хохотушка и любительница находить приключения на свой прелестный зад — на огромной скорости влетела в крутой поворот жизни. Залет. Б-клетки. Рассказать, с чего все началось?

Первое, что я заметила, — это то, что в городе стало совсем сыро и надо купить шарф. Осень же! Крутятся перед зеркалом в магазине, я не могла понять, что конкретно меня смущает. Дома я ощупала свою шею, так и есть — какое-то образование прямо на гортани. Вот пишу эти строки — и снова слезы наворачиваются на глаза. Все, что я пережила потом, — один сплошной кошмарный сон. Я записалась на УЗИ.

Первые, самые страшные слова, сказанные дядей в белом халате: «У вас опухоль, большая. Только операция». Очень буднично. В обычной комнате, обычным утром.

Я вытирала гель с шеи и не понимала как... Как это может происходить со мной?

— Доктор, это рак?

— Сделаете биопсию, там скажут.

Помню, как вышла из больницы на негнущихся ногах с запиской-направлением на пункцию. Вроде был дождь.

Я не чувствовала себя больной или недомогающей. Все было, как всегда, только теперь у меня еще была опухоль на шее, которая, возможно, заберет у меня жизнь. Мой самый ценный подарок свыше. Какое свинство!

Кому позвонить? Как рассказать? Я зажмурилась и приняла решение — не говорить пока никому.

Биопсия — игла проходит в шею, ты не дышишь. Это не страшно. Страшно ждать результаты. Три мучительных дня ожидания.

Вечером я сидела перед ноутбуком и пролистывала новости. «Александр Небесный и Елена Прекрасная на благотворительном рауте», «Программы Небесного получили награды», «Небесный и Прекрасная — пара года», «В ожидании малыша — Небесный и его жена, известная актриса».

Ну, супер! Я умираю, а Саша дает жизнь новому человеку. Может, я рожусь у них... Чем черт не шутит. Две параллельные реальности. Больно, конечно, немного. И обидно. Провожу рукой по волосам — некогда пышная шевелюра остается в руке. Результаты анализов — Б-клетки. «Резать, не дожидаясь перитонита».

Где ты, Саша? Мне тебя тогда так не хватало.

Отрезок 16 — очень сложный

А что, если я завтра умру? Закончусь, так и не начавшись. И что же это получается? Все, чем я жила до этого, — чужь собачья? Я не родила детей, не стала писательницей, не съездила в Таллин, черт возьми! Я вообще ничего не сделала из того, что могла бы. Как-то так бездарно ратила часы своего существования, будто я у меня этих жизней — как пыли под диваном: бесконечное множество. Завтра меня, как хрюшку, разрежут. Операция сложная: интубация легких, общий наркоз, реанимация в перспективе. Вечер перед этим знаменательным событием я попросила врачей разрешить мне провести дома.

Чтобы вы сделали на моем месте, зная, что, возможно, завтра — все? Конечно, провели бы время уж никак не в родных пенатах. А там, где... А с тем, кто... Короче, я капитулировала.

— Алло, Саша, я, кажется, все еще люблю тебя...

Эта встреча выходит за рамки нормальности. Я бы могла вообще ее упустить и не описывать. Слишком личная, слишком странная и слишком не вписывающаяся в последовательность всех эпизодов. Считайте, что ее не было, или она не считается. Как будто вырвали из контекста двух людей, дали им два часа времени и сказали: «Будьте счастливы, вашу мать!» Хотите подробностей? Ну ладно. Только прошу вас, держите в голове информацию, что это была встреча не двух горячо любящих друг друга людей и Саша все такой же засранец. Но осознание того, что, возможно, больше никогда не увидишь синие глаза главного монстра своей жизни, конечно, конкретно бахнуло по моей психике.

МакДональдс на Петровке. Я паркую машину сразу за Сашкиным джипом с номерами «999». Ничего не меняется. Вот. Сейчас. Мы увидимся. Сердце стрекочет быстро-быстро. По телефону я не стала ничего рассказывать, просто попросила увидеться. И вот... Дергаю за ручку, распаиваю дверь в салон «каракатицы». Запах Небесного. Дурманит.

— Яна? Яна?! Яна!!! Девочка, что с тобой?

Шестое октября две тысячи четырнадцатого. Александр Небесный в белой норковой шубе в пол, с двумя стаканчиками латте (и сахара побольше) пытается говорить со мной — сорокавосемькилограммовой растерявшей почти всю былую прелесть дурочкой в «дутой куртке».

Какой там говорить! Тут даже расплакаться не получится.

— Саня, я немножечко... умираю.

Вот сказал бы мне кто, что я буду так счастлива в ночь перед тем, как окажусь за гранью, — в жизни бы не поверила! Мы не задавали никаких вопросов и даже не пытались искать ответы. Долго смотрели в глаза друг другу, силясь запомнить то единственное, что можно пронести сквозь века, — взгляд. Чтобы в следующей жизни обязательно встретить родные глаза и вспомнить все...

— Не плачь, Сашенька, не плачь.

Небесный сжал мою руку с неимоверной силой. Казалось, если он сейчас хоть чуть-чуть ослабит хватку, я растаю в воздухе или улечу, как гелиевый шарик, в небо. Мы прощались. На всякий случай.

Поцелуй длиною в жизнь.

— Забирай ее себе, мою, Яна, забирай... Вдохни меня.

Я жадно вдыхала, вдыхала больше и больше. Саша не противился и щедро отдавал.

Да, прямо на стоянке МакДональдса возле Петровки! Да, это было именно то, о чем вы подумали. Божественное соединение. На стоянке, в машине. В октябре. Реальность — грубая. Любовь — настоящая.

Когда все закончилось, я откинулась на сидении в состоянии абсолютного спокойствия, счастья и умиротворения. Черное и белое стали песком. Я сняла с руки свои любимые часы — подарок мужа на день рождения. Смешные такие, с собачками. У них есть удивительная особенность — всегда возвращаться на руку своей владелицы. Нет, правда, я до сих пор ношу варежки на резинках, дважды теряла права, у меня был дубликат зачетной книжки и в анамнезе — несметное количество где-то забытых телефонов. А часы — никуда не деваются. Но Небесный же об этом не знает.

— Саша, если нам суждено будет встретиться еще раз — вернешь мне часы, а пока — дарю на память.

— Чтобы я знал, что время всегда будет играть против нас?

И он снова меня поцеловал. В нос и губы, потом покрыл поцелуями полные слез глаза.

А теперь забудьте об этой встрече, как будто и не было ее вовсе. А то я сойду с ума, вспоминая тот искренний, полный взаимных чувств и страха потерять друг друга вечер.

Все-таки мы чужие люди, как ни крути.

Отрезок... снова 16

— Ксю, такие дела... Я в больнице.

Не самый приятный, конечно, утренний звонок в нашей жизни.

— Что случилось? — голос Ксении сонный, немного встревоженный, но она еще не в шоке.

— Опухоль почти три сантиметра. Операция на следующей неделе.

Молчание. Вот теперь у подруги шок.

— К-к-как? Как?! Ты молчала?

— Я не хотела никого расстраивать. Я выживу, и мы напьемся!

Кладу телефон на прикроватную тумбочку и зову медсестру:

— Давайте ваш укол, я готова.

Я обманула Ксению. Как вы, наверное, догадались, опера была прямо сейчас. Мне помогли раздеться до трусиков, и я легла на каталку. В голове звучала мелодия: «И в добрый путь, на долгие года...» В операционный блок меня завезли уже в состоянии легкой эйфории. Слезы градом текли по щекам: от жалости к себе и страха, наверное. Нежелание покидать так полюбившийся, но еще не полностью покоренный мир накрывало с головой. Я крепко сжала поруч каталки, из последних сил сопротивляясь тягучему, глубокому, медикаментозному сну, цепляясь за реальность и жизнь в целом. Потолок над мной начал подниматься выше и выше. Сквозь «вату» я различила слова анестезиолога:

— Девочка скоро будет готова. Руки такие холодные... Подайте...

Я зажмурилась. Готова к чему? Были ли я вообще готова к тому, что со мной произошло за двадцать пять лет? Было много и хорошего, и плохого. И вдруг открытие. Совсем простое. У меня, Яны Орловой, оказывается, всегда был выбор: можно было свою жизнь сделать счастливой или несчастной. Это так же просто, как выбрать фильм: комедию, драму, трагедию, приключения или вообще немое кино. Так вот, если выбирать в памяти все хорошее, то жизнь хорошая получается. Знакомство с Глебом, поцелуй на речке ночью, крики «горько» на свадьбе, Сашкин сонный взгляд по утрам... Сашкин?! Какого черта

он живет в моей голове? Ну, пусть... А если вспоминать все плохое, то получается плохая жизнь у меня была: развод, авария, потеря работы, расставание с любовью... Нет, от нас самих зависит, что из прошлого выбирает наша память. Захотел жизнь превратить в триумф, скажи себе только: моя жизнь — сплошной праздник! — и выбирай в памяти моменты абсолютного счастья. Ну были же такие, у каждого есть что вспомнить! Как каждый для себя свою жизнь прошлую сформирует, такой она для него и будет. Можно без пульта клацать по волнам памяти и превращать свою жизнь, во что нравится: в приключения или любовный роман. Но если так легко прошлую жизнь сделать счастливой, то почему жизнь будущую нельзя сделать одной яркой победой? Надо просто отрицательные эмоции отметить. Нельзя думать мысли, от которых больно! Надо верить, что все будет хорошо. И всем желать только добра, не пачкаться о месть и прощать людям их злые ошибки. А лучше — забывать. Яна смеется над собой: многим ли она прощала, многих ли намерена прощать?

— Девочка улыбается, еще минута...

Последнее, что помню перед тем, как уйти в состояние анабиоза: как громко я звала Сашу. А врачи потом сказали, что шептала...

Отрезок 17

Темно. Я делаю шаг вперед — пусто. На мне очень тяжелые ботинки, и поэтому идти тоже тяжело. Все лишнее — снять. Странно, но как только я так думаю — обувь слетает сама. Ах, как хорошо! Смерть — это приключение, что ли? А я так боялась... Грустно, конечно, что все родные там остались. Они живут, а я — закончилась. Ой, а где мое тело? Вместе с ботинками забрали...

Я в клетке. Безразмерной клетке. Ее не измерить шагами — эта пуста бесконечна.

— Анна-Мария, не бойся.

Я не вижу свои руки, но я хорошо вижу человека перед собой. Михаил — моя первая любовь. Трагически погиб летом две тысячи пятого. На моих глазах.

— Миша? А где мы?

— Анна-Мария, здесь ничего нет.

— Что, совсем ничего?

— Только одиночество, Анна-Мария.

— Мне страшно.

— Это очень страшно.

Я хочу притронуться к Мишке и не могу, он ускользает. И я понимаю, что до него — тысяча километров. А может, и больше. Здесь нет расстояний.

— Миша, я тебя тогда не спасла... я не могла...

— Ты платишь! Анна-Мария, это твое имя, мадам Тюссо! — слышу с другого конца вселенной. — Ты столько должна еще сделать, мадам Тюссо!

И я вдруг вижу, как ползаю по площади на коленках. Руки — по локоть в крови. Я ищу что-то очень важное. Я ищу голову.

— Дочь палача! Дочь палача!

Да что вы пристали? Это так давно было! Не впервой мне, конечно, видеть людей без головы, но сейчас дело политической важности — мне во что бы то ни стало надо отыскать в этом кровавом месиве то, что осталось от казненной королевы Франции — Марии-Антуанетты. Тошнота подступает к горлу. Подумать только! Еще совсем недавно мы вместе щебетали в Версале, а теперь я роюсь в этом вонючем, чтобы вылить ее посмертную маску. Такой он, этот октябрь тысяча семьсот девяносто третьего года. Носком туфельки переворачиваю голову: не она. О боже, сколько тут волос для моих скульптур! А какая у меня была грива! Но и у этой выскочки Жозефины Богарне тоже поскуднели волосики после того июля! Странно, как я могла так случайно оказаться с ней в одной камере, да еще и избежать гильотины? Может, она станет женой Бонапарта? А я определенно должна заслужить доверие этих революционеров, особенно Робеспьера. Надеюсь, его не постигнет участь этих бедняг и его черепушка всегда будет в дружной компании с ягодами... Хи... Да где же эта голова?!

Надо спросить у палача. Посмеюсь ему в лицо: не так давно он мог лишиться меня такой прелестной мордашки! Одергиваю платье и стучусь в комнату.

— Простите, мсье...

Мужчина разворачивается, и я цепенею под взглядом его синих глаз. Никогда не видела таких ярких.

— Да, мадам? Я не палач, если вы ищите его. Я адвокат невиновных.

— А разве такие бывают?

— Я отвечу на ваш вопрос, если вы ответите на мой.

— Слушаю, мсье.

— Черное и белое станут песком. Что это?

Ветер. События моих жизней летят с ужасающей скоростью. Я вижу все. Снова темно. Пустота. Глубинное одиночество.

— Анна-Мария, запомни все, что здесь видела. Хорошенько запомни, мадам Тюссо! Не всем показывают. Это сакрально! — Миша пролетел совсем рядом, над ухом, и снова исчез.

— Миша, надо всем рассказать, как тут хреново! Чтобы не спешили сюда! — кричу я своему бывшему возлюбленному сквозь века и тысячелетия.

И открываю глаза.

Отрезок 18. «Снова начинаю шутить»

Аппарат дышит вместо меня. Но я не хочу, чтобы кто-то что-то делал за меня! Провожу рукой в воздухе.

— Очнулась! Очнулась!

— Красивая, я люблю тебя тоже...

— Саша, я была там... Мы были там. Найди о Тюссо... твоя яхта...

— Выйдите из палаты! Это реанимация!

Снова сон. Да выдерните кто-нибудь из меня эти трубки!

В сознание я пришла только к вечеру. И вот первая мысль в моей голове: «Почему я голая?!»

Нет, правда. Реанимация — это общая палата. Именно поэтому моему возмущению не было предела: столько симпатичных мужчин вокруг, а я — сразу раскрываю все свои тайны и сакральные места! Нет, ну какая несправедливость! Я думала, что операция — это страшно. Вовсе нет, страшно проснуться голой в компании пяти представителей противоположного пола. Знала бы, что так дела обстоят, выбрала бы труселя приличнее, с зайчиками там всякими. А то лежу тут — как прости господи, ей богу. Я все еще в дренажах, но одной рукой натягиваю на себя простыню. ~~Мой сосед~~ заметил мои потуги скрыть наготу и даже попытался пошутить:

— Ой... Девушка... я пока на вас смотрел — жить захотелось, не прикрывайтесь...

Я шла на поправку семимильными шагами. Запретила себя проведывать, выполняла все предписания и процедуры и даже соглашалась на уколы, от которых немеет нога. В перерывах заставляла себя писать книгу. Да, мозги еще были, как кисель, да, руки еще слабые, но надо жить! А жизнь — это движение. И пока я прикована к больничной койке — надо двигаться вперед. И никаких поворотов головы назад — в прошлое, приведшее меня сюда. Я сюда больше не вернусь.

Ночью, когда перестало действовать обезбол, вообще: тихонечко ныла в подушку. Пришло смс от Саши: «Annie, are you ok?» Удалила. Болеть перестало.

Мне повезло, кстати. Мой сосед по реанимации оказался хорошим парнем. Чуть позже мы пересеклись в коридоре и разговорились.

— Никогда бы не подумал, что очнусь после операции и упрусь носом в офигенные сиськи!

— Не преувеличивайте, но я рада, что мы живы! Вы на перевязку?

— Да, но ледис ферст!

— Спасибо. А как вас зовут?

— Илья. Илья Муров.

Я расхохоталась. Тихонечко, конечно.

— Мне смеяться больно, но чувство юмора у родителей — зачет.

Илья действительно выглядел как богатырь. Огромный, широкоплечий, добрый мужик, просто сошедший из страниц детских сказок — Илья Муромец. Хотя, конечно, было бы смешнее, окажись парень худощавым «додиком».

— Не смейтесь, а то катетеры выпадут. А вас как?

— Яна. Яна Орлова.

— Я видел вас без одежды! Уже можно на ты?

За неделю, проведенную в отделении, мы успели сдружиться.

Я узнала, что Илье — тридцать. Он полностью состоялся в жизни — умный, начитанный, образованный. С чувством юмора. «Решаю вопросы в одной крупной компании», — цитата из нашего диалога о месте работы и профессии. Добрый. Когда мне снимали швы, Илья крепко держал меня за руку, зажмурившись. Мой новоявленный друг-богатырь боится одного вида крови. Какого цвета глаза у Ильи, я не знаю. Я в них сознательно не смотрю, каждый раз отводя взгляд в сторону. Не хочу знать, какие демоны живут в душе этого человека.

— Яна, а кто тебя встречает в день выписки?

— Никто, Илюша.

— Тогда давай ко мне?

Так началась новая история. История о том, как мы становились счастливыми.

Отрезок 19

У тебя неплохая квартира, Илья! Но я немного оклемаюсь — и вернусь домой!

Илья вышел из кухни, держа сковородку с дымящимися блинчиками в руке.

— Янка, друг, какие дела — живи сколько надо! Ты мне совсем не мешаешь.

— Илья, ну а захочешь девушку привести, а тут я...

— Янка, нам с тобой сейчас перднуть лишний раз нельзя — швы могут разойтись, а ты о бабах...

— О баобабах. Пошли блинчики твои есть.

Да, пока я умирала, судьба принесла мне подарок в клювике — настоящего друга. Конечно, это странно, что два малознакомых человека живут под одной крышей. Конечно, это странно, что они разного пола, но спят отдельно и не делают даже поползновений к сближению. Конечно, это все очень странно. Но смею напомнить, при каких обстоятельствах мы познакомились. Мы умирали, а теперь едим блинчики на кухне и понимаем какое это счастье: слышать, видеть, ходить и даже жевать подгоревшее тесто.

— Илья, мне надо с девочками увидеться!

— Собирай их здесь, какие проблемы. Я к ребятам поеду.

— А что я скажу подругам?

— Скажи, что живешь у брата.

— Но у меня никогда не было брата.

— Ну, будет значит! Сайонара, детка.

На том и порешили. Вечером в пятницу я позвонила Ксю и Наташе. Девочки приехали без опозданий.

— Боже, да здесь три мои квартиры! — Ксения с порога оценила улучшение моих жилищных условий.

— Янка, а ты тихушница! Где ты успела подцепить мужика, в перерывах между клизмами? — Наташа тоже не могла скрыть удивления.

— Вы все не так поняли, Илья — это моя випассана.

Мы прошли на кухню. Священное место в каждой квартире, где за поглощением котлет и супов ведутся самые важные переговоры.

— Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца? — Ксю кивнула в сторону Наташи.

— А чего это я должна идти? Я что, самая молодая?

— Спокойно, дамы, у меня все есть, — я достала из бара бутылочку Romanée-Conti Grand Cru.

— Ооо! Я смотрю, время, когда мы пили винишко из паков, кануло в Лету, вместе с воспоминаниями бурной молодости, — Натали постучала вилкой по бургундскому напитку из пино-нуар.

— Это запасы Ильи. Но он разрешил опустошить погреб. Итак, начнем!

Вино плюхнулось в бокалы: беседа началась.

— Ты нас, конечно, всех напугала со своей болячкой! Сейчас что врачи говорят? — Ксения вынесла на собрание главный вопрос нашей встречи.

— Говорят, что я — абсолютно здорова, но больше никаких стрессов или переживаний. Все болезни — от нервов!

— И только некоторые — от удовольствия! Кстати, как он в постели? Переплюнул Небесного? — Натали требовала развернутого ответа о состоянии моего физического и психологического здоровья.

— Кто он? Илья? Мы не спим, мы друзья. Девочки, мы делаем друг другу перевязки! Поверьте, не самое романтическое знакомство — в реанимации.

— А-а-а, ну-ну! Зато у вас типа совместное хобби — ощупываете друг друга и ищите новые образования, — Ксения сцепила руки в замок и поднесла вверх. — Умоляю, Яна, только не больше одного нащупывания в год!

— А это тост! — основной вопрос закрыт, переходим к второстепенным.

Слово передается тридцатидвухлетней девушке с высшим образованием и недюжинными способностями к аналитике — Наталье.

— Какие планы на будущее, Яна?

— Илья каждый вечер заставляет меня открывать ноутбук и описывать свою историю. Говорит, что надрал бы зад Небесному.

— Кстати, да, а что наш принц? — Ксения разлила по бокалам вторую порцию продукции винодельческого хозяйства *Domaine de la Romanée-Conti*.

— Он, кажется, приходило ко мне я была без сознания. Но, возможно, мне приснилось. У Саши все хорошо, у Саши любовь. У меня любви нет, у меня только шрам на шее. Во, глядите! — я оттянула воротник свитера и продемонстрировала последствие операции.

— Ого! Зато у тебя теперь есть «особая примета», если потеряешься... — Ната в своем репертуаре.

— Ой, дуры... Так, ладно. Со мной все ясно, что у вас?

— Я влюбилась, — коротко ответила Наташа.

Это шок. Я чуть со стула не упала. Гром среди ясного неба! Лавина с гор летом ☹️ естественный загар зимой! Невероятно! Наша Наташа влюбилась!! Сейчас все объясню.

В семнадцать лет Натали влюбилась впервые в жизни. Он, как водится, старше, умнее и опытнее. Красавец — каких свет не видывал: весь холеный, начищенный, косая сажень в плече, черные цыганские глаза. Страсть захватила юную, неокрепшую детскую психику. И через год, в день своего гражданского совершеннолетия, пузатая невеста шла под венец с сияющей улыбкой и букетом полевых цветов в руках. На этом сказка закончилась. После рождения Темы молодые переехали в дом к свекрови. Первая ошибка молоденькой, наивной влюбленной дурочки (да, когда-то давно наша акула отечественного телевидения была именно такой). Оказалось — муж любитель выпить, а свекровь — поколотить новоявленную невестку за любое ☹️ кое прегрешение. Не приготовила завтрак любимому сыночку — тумачи, не застелила постель — снова оплеухи, решила выйти на улицу без разрешения «мамы» — поток оскорблений и брани. «Проститутка, легла под сына, чтобы замуж выйти... Шлюха, уродина...» — чего только не наслушалась хрупкая девчушка с огромными карими глазами в доме, где жила ее самая большая любовь.

Кстати, о любви. Вечером приходил молодой муж и тоже не упускал возможность распустить руки. К тому же, после рождения сына он как-то потерял интерес к супруге и позволял себе так называемые походы «налево», абсолютно не скрывая своих походов. Свекровь поощряла. Наташа все это видела, терпела и продолжала любить. Успевая учиться, работать и растить сынишку. Говорят, так закалялась сталь. Но как только человек привыкает к тому, что все — плохо, все становится еще хуже. Наташиного мужа посадили. За какие прегрешения мы не знаем, да и не спрашиваем. Только однажды хохотали, когда Ната решила научить нас «ботать по фене» — а то мало ли, «зачалимся в кичман и будем как лохи»... От тюрьмы и сумы — не зарекайся. Хохотали... Заметьте, мы смеемся обычно над тем, что когда-то казалось нам самой большой печалью. А тогда восемнадцатилетняя курносая девчонка с малышом на руках каждый божий день собирала «передачку»

для своего мужа и наматывала километры по городу в поисках новых адвокатов. Искала деньги, работала на трех работах. Разом пропали все любовницы — да, Ната обращалась за помощью даже к своим бывшим соперницам. Любовь так слепит, любовь так глушит!.. А по ночам, измотанная и уставшая, она возвращалась домой, где ее ждала... собственная свекровь с новой порцией упреков: «Шаталась, шалава, неизвестно где... Со мной спать будешь, пока сыночка нет!» Как Наташа выбралась из этой ямы — доподлинно неизвестно, история умалчивает. Но разрыв колоссальный — между той девочкой из провинциального городка на границе с Румынией и нашей прекрасной Натали, вот сейчас распивающей коллекционное вино из темных сортов винограда в столице нашей Родины. Одно мы знаем точно: после своего «счастливого» замужества Наташа никогда больше не влюблялась. А если и случались романы, то наша девочка безжалостно заканчивала отношения или сразу после первого секса, или, в крайнем случае — если любовник уж так хорош и глаза у него черные, цыганские, — после второго. И тут такое заявление! Было от чего сойти с ума!

— Ната, скорее расскажи, кто он!

Натали смутилась и в одно мгновение превратилась в маленькую скромную девчушку, которой немного стыдно перед родителями за свои чувства к соседу по парте. Господи, вот что с людьми делает любовь!

— Хотите, фото покажу?

Мы с Ксю переглянулись. Конечно, хотим! Если Ната втюхалась в мужика, то, скорее всего, он — помесь арабского скакуна, Дубайского шейха и Джонни Деппа одновременно! Ну хоть полюбуемся, слюнками подавимся... Подруга протянула телефон.

— Ната, кто это? Это что это, Ната?

С фотографии на нас смотрел обычный, слегка потрепанный жизнью лысоватый мужчина лет сорока. Небольшое «пивное пузико», но светлые и добрые глаза. Никакого секса. Ната спрятала телефон в сумочку и, сделав глоток вина, решила выдать нам анкетные данные своего возлюбленного.

— Это Никита. Тридцать шесть лет. Банковский сотрудник. Женат не был, не пьет, не курит. Очень меня любит.

Вот так! Все свои тридцать с хвостиком лет Ната искала мужчину-бога, успешного, обеспеченного, сильнее ее. Чтобы все охали и ахали, а прохожие девчонки головы сворачивали и дохли от зависти, глядя, как она поправляет ему рубашечку в магазине... Чтобы одной рукой он управлял личным Cесна Mustang, а другой — гладил ее по коленке и нашептывал невероятные слова любви. Так хотела Ната. «Верхние» подумали-подумали, рассмеялись и послали подруге Никиту. И теперь она счастлива. Не всегда то, о чем мы мечтаем, нам действительно нужно.

— Наташа, мы рады за тебя! Правда! А как ты познакомилась с этим Аполлоном местного разлива?

Ната погрозила нам кулаком в воздухе.

— Вы сейчас говорите о моем любимом мужчине! Попрошу! Для вас — Никита Евгеньевич и шепотом. Ой, девочки, а познакомились мы так...

Я безумно хочу пересказать вам услышанную на нашем импровизированном девичнике историю любви, ибо она имеет четкий log-line: будь собой — мужчина влюбится.

Итак, представьте: столичный бар, второй час ночи, королева-мать Наталья, как водится, пьяна.

— Девочки, да я в говно вообще была... — уточнила наша подруга.

Ок, спасибо за детали. Поехали дальше. В толпе «пятничных отдыхающих» Ната заприметила красивого паренька и вовсю строила ему глазки до пор, пока не услышала за спиной:

 Что? не клюет? — к нашей богине обращался, ну, вы сами поняли кто, — наш лысенький гномик Никита Евгеньевич.

Ната, конечно, на такие слова среагировала бурными эмоциями.

— Ой, мужчинка, да тебя в базарный день никто ловить не захочет...

Завязался милый диалог.

— А вам бабам только красавцев подавай с кошельками!

— Ну а зачем нам бедные и некрасивые?

— А как же любовь?

— Да засунь ее себе в задницу, эту любовь!

Еще минут десять наши будущие молодожены обменивались похотливыми любезностями.

— Слушай, мужчинка, а ты куришь?

— Нет, не курю.

— Отлично, пойдем покурим.

Напоминаю, королева-мать крайне нетрезва, а потому командовать и капризничать у нее сейчас получается лучше всего.

— Ну, мы, девочки, то есть я — покурили и вернулись в бар... — это Наташа снова подбрасывает подробности в мой пересказ событий.

За барной стойкой великосветское общение продолжилось:

— Два б-52, пжлста! — Натка вошла в раж.

— Я не пью, Наташа... — Ник уже успел спросить имя нашей мадам.

И, оказывается, он чрезвычайно нудный тип.

— Ну и ладненько, это мне на потом... — наша девочка отставила одну из стопок в сторону.

Ее кавалер горестно вздохнул.

— В общем, напилась я к чертям в ту ночь. И переспали мы, — подытожила Наташа.

— И что, и что? — публика в нашем лица требовала продолжения банкета, то есть истории.

— Как что? Вот — замуж выхожу весной!

«Вот так пердюмонокль», — подумаете вы, если знаете такое слово. Да, так часто в жизни бывает. Когда в игру вступает любовь — земные законы перестают работать.

Девочки, оставайтесь собой — мужчина влюбится.

— И, Ксю, надеюсь, ты еще не окольцуешь своего Матвея и будешь моей свидетельницей! Эту брать не буду — она бракованная! — Ната тыкнула меня вилкой с оливкой на острие.

Я сделала вид, что обиделась и показала подруге язык. Ой, можно подумать, мне очень хотелось... Целый день бегать с придурковатой ленточкой «а-ля выпускница» и целоваться с боярином. Фу-фу-фу. Моветон.

А вот почему сникла Ксения после слов Наташи о предстоящем замужестве — непонятно. Или ей не понравилось упоминание имени ее гражданского мужа — Матвея? Сейчас разберемся.

— Кстати, Ксю, а что там Матвей? Когда свадьба? Пожили немного и хватит. Демоверсия семьи требует лицензирования!

Подруга вздохнула, положила руки на стол и посмотрела на нас грустными-грустными глазами.

— Матвей сказал, что никогда на мне не женится.

Расстрелять за такие слова. На месте. Без суда и следствия. Я обняла Ксюшу и погладила нашу девочку по голове.

— Ксю, а почему он так сказал?

— Потому что он был уже женат, у него двое детей и, кажется, есть еще любовницы, помимо меня...

На этих словах Ксения разрыдалась. Мы принялись успокаивать друг друга, периодически подсовывая ей то бокал с вином, то салфетку, чтобы вытирать распустившиеся сопли.

— Еще... еще... — слова прерывались всхлипываниями, но суть Ксюшиной истории можно было понять. — Еще... он сказал, что мы можем вместе искать мне мужа... он пропадает по ночам... а я жду... одумается, может... ему пишут все время тетки какие-то... я готовлю борщи, девочки. Вы же знаете, как я готовлю... Всегда даю ему, как только захочет... Говорю, люблю... жить без тебя не могу... а он мне знаете что отвечает? Он говорит: сможешь... а-а-а-а...

Ну, все ясно! Вляпалась так вляпалась, подруга. Я бы ввела какое-нибудь уголовное наказание за подобные манипуляции женским сознанием. Хорошо устроился этот Матвей! Дома ждет влюбленная, абсолютно зависимая дурочка, а сам: гуляй — не хочу. И вроде бы взятки гладки, ты ничего не обещаешь и не говоришь слова любви. Вроде бы она сама выбирает такой путь и соглашается на такие отношения. Но фиг там! Абсолютно нормальный человек с устойчивой психикой в трезвом уме и светлой памяти никогда не согласится на подобное истязание. Нет, это отлично продуманный план по захвату чужого разума. У Ксю — «синдром жертвы». Браво, Матвей! Так быстро поработить человека даже у меня не получается. А я-то в прошлом специалист по лживым манипуляциям. Одумайся, девочка. Это не любовь. Это херня какая-то.

Но! Сейчас я раскрою страшную тайну. Этот самый психологический тиран и деспот — Мистер Мотя — на самом деле нуждается в Ксюше намного больше, чем она в нем. И всего его поступки ука-

зывают именно на крайнюю привязанность к нашей подруге, приперченную собственными комплексами и страхом остаться в дураках — брошенным и одиноким. Да, у парня явные проблемы.

Ксю, я понимаю, что ты сейчас меня не услышишь. Но Матвей — это что-то типа наркотика. Соскочить — тяжело. Ломка без приема перорально — неимоверная. Но мой тебе совет: беги, пока не поздно. Отношения должны вдохновлять, а не заводить в могилу. Ну посмотри, как ты выглядишь! — я дернула подругу за руку и подтащила к зеркалу. — Что это за бесформенное платье?

— Я не хочу, чтобы Матвей ревновал...

Я всплеснула руками.

— Да, ты слышала? Эй, инопланетяне, отдайте нам нашу подругу!!! — я постучала пальцем по Ксюшину лбу. — Ба! Звук глухой — там и вправду пусто! Мозги откачали!

С кухни выглянула слегка захмелевшая Наташка.

— Да я бы сама тебя не трахала, Ксю! Видончик — жуть! — как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Мы расхохотались. На девичниках так всегда: сначала смеемся, потом плачем, потом снова веселимся. Но делаем выводы. Ксюша вытерла слезы и решила сменить тему:

— Слушай, Янка, а этот твой Илья — он что, святой? Отдать нам квартиру и бар в полное распоряжение на весь вечер...

Я вспомнила о своем соседе. Пока еще он оставался абсолютно чужим, посторонним человеком. Никаких теплых мыслей.

— А я не знаю... О! Сейчас сами спросите! — сказала я, услышав, как поворачивается ключ в замке.

Илья вошел на кухню с тремя букетами белых роз.

— Ого! Вот да! — ахнула Наташа.

— Илья, а Вы — святой? — Ксюша тоже не смогла сдержать эмоций.

Одна я холодно приняла букет и положила его на подоконник. Не хочу превращаться в Ксюхиного Матвея. Хватит, я забочусь о карме. Илья почувствовал мои эмоции.

— Нет, я не святой, девочки. Я — Янкина випассана.

Отрезок 20

Утро. Проснулась. За окном — сырость, на душе — гадость. Захотелось домой, в свою квартиру. Хватит, загостилась. Звонок на мобильный, не глядя на экран, нажимаю «ответить» и слышу родной, близкий и одновременно далекий голос.

— Здравствуй, дорогая бывшая жена!

Орлов собственной персоной.

— И тебе не хворать, бывший муж. По какому вопросу?

— А по такому. Я не совсем понял, почему о том, что тебе сделали операцию и ты у нас, оказывается, умирала, я узнаю от совершенно посторонних людей?

Спросонья я не поняла смысл «наезда».

— Орлов, а тебе какое дело? Ты и в хорошие годы мне стакан воды не принес бы...

— Я беспокоюсь. Ты знаешь, как я к тебе отношусь.

— Как?

Глеб сделал вид, что не расслышал моего вопроса, и продолжил допрос с пристрастием.

— С кем ты живешь?

— А, вот оно что! Бывших мужей не бывает, да?

— Просто интересно, кого ты себе так быстро нашла... Что у тебя с ним?

Ничего себе «быстро». Второй год пошел после развода. Я потянулась в постели и глянула на часы: девять утра, пора вставать.

— Орлов, отстань. У меня с ним все. Семья, дети и собака.

— Ты не любишь собак.

— А ты не любишь меня. И никогда не любил.

Сбросила вызов. Все-таки у нас с Орловым высокие отношения! Нет, я, конечно, уважаю человека, с которым провела пять лет своей жизни, но... Тяжело дружить с мужчиной, которому клялась на алтаре вечной любви. Во-первых, стыдно за себя-балаболку, а во-вторых, неприятно «резаться» воспоминаниями. Сама только мысль о воз-

можном воссоединении вызывает приступ хохота. Как это будет? У него за три последних года сменилось, наверное, полсотни любовниц. Я тоже монахиней не сидела — влюбилась в Небесного. И вот мы встретимся, подпишем пакт «Молотова — Риббентропа» и начнем жить вместе, как ни в чем не бывало? Вот уж глупость. Карфаген должен быть разрушен и мосты сожжены. Я чихнула. Точно.

За последний час я вообще чихаю уже восемнадцатый раз. Заболела, что ли?

Вечером, когда Илья вернулся с работы, я уже всюду примеряла на себя роль «самого больного в мире человека». Нет, ну правда! Температура поднялась до тридцати восьми, в горле поселился ежик, из носа ручьем текли сопли. С переездом придется повременить.

— Яна, ты что, заболела, что ли? — Муров постучался в мою комнату, огромный, неуклюжий, как мишка из мультфильма.

— Входи, не стесняйся. Поделюсь бактериями.

Илья подошел к кровати, пощупал лоб и, схватив меня своими лапищами под мышки, приподнял в кровати. Я попробовала возмутиться.

— Сдурел, что ли?

— Открой рот, горло гляну.

— Обычно мужчины просят закрыть рот.

— Ты можешь не болтать? Скажи: «А-а-а-а».

— А-а-а-а.

— Так и думал, горло красное, но ангины нет. Реально вирус.

С этими словами Муров отодвинулся от меня на безопасное, по его мнению, расстояние.

— Ладно, Орлова, ты пока лежи, а я скоро.

Дверь за товарищем закрылась, и я загрустила. Вот лежу я тут одна-одинешенька. В чужой квартире, никому не нужная... На всем белом свете нет человека несчастнее, чем я. Как будто стою я посреди огромного поля в грозу, дождь хлыщет, а рядом ни души... И укрыться негде... Даже в больничной палате не накрывало так, как сейчас. Умом понимаю, что это все температура, но так хреново на душе, если честно...

Через полчаса вернулся Илья.

— Это жаропонижающее, это одеяло, это таблетки для горла, это противовирусное, а это — капли в нос, — Илюха держал в руках целый пакет барбитурата.

Нет, я героев в своей жизни еще не встречала.

— Отлично, а то я думала, что я, как в песне «Наутилуса», скоро начну с уважением относиться к воздуху, который не умели ценить...

— Что, нос совсем не дышит?

Я обреченно помотала головой. Илья достал из пакетика баночку с эликсиром, обещающим свободное дыхание, и с угрожающим видом направился ко мне.

— Запрокидывай голову и не дергайся!

Вот с детства не люблю нос закапывать! И как же это — Яне Орловой услышать что-либо в приказном тоне и повиноваться, а тем более позволить кому-то облегчить свою судьбу? Ну нет! Только дерганья, только хард кор! Как а сковородке... Итог:

— А-а-а-а! Илья!!! В глаз!!! Попал!!! Щипит!!!

Я машу руками и раскачиваюсь на постели, как китайский болванчик. Илья дует на меня и машет подушкой перед моим лицом. Как дети малые, ей богу... Что это с нами?

Отрезок 21

За время болезни я окрепла в осознании неизбежности принятия решения.

— Илья, спасибо тебе за все, но мне пора возвращаться домой.

Муров готовил блинчики. Он развернулся и посмотрел на меня глазами, полными обиды. Мне стало не по себе. Он хороший парень, правда. Нет, не так — он идеальный. И при любом другом раскладе я бы вероятно влюбилась в него. Но я не могу. Я абсолютно ничего к нему не чувствую. И даже банальное объятие вызывает у меня легко

отвращение и злость на себя саму — за невозможность быть счастливой. Моя участь предрешена — я стала интровертом, в анамнезе — мизантропия и социопатия. Отличный набор для вероятного спутника жизни. Притворяться не хочу. И не буду.

— Илья, ну правда! Не обижайся, но мы не можем так просто жить вместе.

— Яна, ну давай я женюсь на тебе, чтобы тебе было спокойней. И живи себе дальше. Я к тебе приставать не буду.

Я чуть со стула не упала. Так предложение руки и сердца мне еще никто не делал. И рассмеялась.

— Муров, ну твою налево! Брак — это священная корова, он заключается на небесах... И все такое. Нельзя просто так взять и simply walk into Mordor! — я повторила знаменитую реплику Боромира из «Властелина Колец» с положенным акцентом и должной долей аффектации.

Илья выключил газ под сковородкой, вытер руки об футболку и сел за стол. Я поняла, что сейчас будет серьезный разговор и загрустила.

— Яна, а я не просто.

Орлова вздохнула и отвернулась к окну. Так и знала, что потеряю друга. Любовь вечно у меня кого-нибудь отбирает. Да пошла она лесом, эта любовь.

— Илюша, ты хороший. Правда, — вот как сейчас помню: говорила эти слова и самой тошно было. — Но мы не можем быть вместе.

Муров насупился и сдвинул брови. Очень серьезный грозный мальчик тридцати лет отроду.

— Почему, Яна?

— Не задавай вопросы, на которые не хочешь знать ответов.

— Значит, мы расстаемся? — Илюха совсем сник, жалко парня.

— Мы разбегаемся по делам, земля разбивается пополам... — я напела песню своей любимой исполнительницы.

— Это твое решение. Но ты книгу допиши, обязательно! У тебя получается! И ту сцену, про ванную, где он тебя типа топит, что я придумал, — оставь. Мне на память...

— Оставляю, обещаю. Спасибо за все, мой Ильф. Тоже Илья, кстати. И прощай.

Я давно собрала свои вещи, поэтому особой возни с поклажей не было. Вышла из подъезда к такси и уловила первые нотки морозного воздуха. В город подбиралась зима, а я вернулась домой! Едва переступив порог своего гнездышка, я поймала себя на мысли, что дав- не слышала своего старого знакомого Иоганна Себастьяна Баха в системе одновременного воспроизведения звука... Нажала на «play», закинула ноги на стену и улыбнулась собственному отражению в зеркальном потолке. Ну, привет, что ли, моя любимая нехорошая девочка из маленького зеркалаца.

Где есть благочестивая музыка, Бог всегда тут же с его любезным присутствием.

Отрезок 22

У каждой девочки должен быть свой продюсер. В детстве наши любимые мамочки умело продюсируют нашу жизнь, контролируя внешний вид, питание и движение к светлому будущему обожаемых чад. Позже это почетную миссию берет на себя супруг. А если возлюбленного нет, придется обращаться к профессионалам. Ведь мало написать хорошее произведение, надо чтобы его кто-то читал! Судьба приготовила мне подарок в лице Киры Сергеевой. А теперь — по порядку.

Ксения пригласила меня на мероприятие по случаю премьеры своего фильма. Это значимое событие в жизни начинающей актрисы, и я просто не могла проигнорировать предложение подруги. Тем более, headliner'ами были заявлены «Krugers», песни которых вторую неделю крутились у меня в голове, машине и телефоне.

«Охаю я по тебе и ахаю, выпили мы всю нашу кровь, драматично так мозги друг другу трахали, такая вот уродина — наша любовь...»

Коротко и ясно, как по Хемингуэю. Да, любовь давно вызывает у меня ассоциации с беззубой старухой, шаркающей тапками по глухим коридорам моей памяти. Некрасивая, злобная, противная. Может, даже людоедка. Съедает за обедом своими вставными челюстями дорогих сердцу людей и все воспоминания о них. И гнусавит над ухом: «Ревность, злость, обида». Три слова, хладнокровно разделавшиеся с ее предшественницей — чистой агапэ. Гадкая старушенция.

Но к черту философию — время веселиться. Я — в темно-синем тяжелом парчовом платье в пол делаю первый шаг по красной ковровой дорожке. После операции прошло больше месяца. Я с достоинством и выдержкой прошла весь реабилитационный период и теперь просто обязана была продемонстрировать обществу чудеса современной хирургии внушительным декольте. Ни тебе шрама, ни единого изъяна. Как будто ничего и не было вовсе. Я вернулась! О жизнь, ты так прекрасна!

Зайдя внутрь кинотеатра, я долго не могла найти свою подругу. Помог случай. После выпитого на pre-party шампанского безумно захотелось посидеть «галльюн на корабле». И что вы думаете? Моя Wanted Girl сидела на подоконнике и курила. Да! Вместо того, чтобы раздавать автографы, общаться с поклонниками и улыбаться присутствующим фотоаппаратам. «Во дела», — подумала я.

— Ксю, ты нормальная? Тебя все ищут!

Ксения вздрогнула и повернулась. Сегодня она была особенно красива — нежное облегающее платье цвета слоновой кости выигрышно подчеркивало ее фигуру: высокую грудь и широкие бедра. Статная, породистая, эксклюзивная женщина. Только глаза выдавали перед нами маленькая напуганная девочка.

— Янка! Я телефон оставила у продюсеров... Я боюсь... Я не пойду... Вдруг людям не понравится?

Я выдохнула. Понятно, срочно нужен правильный коуч. Актеры существа ранимые, тонко чувствующие. Я включила продюсера. Жалко, что наша суперпродюсерша Флайшер Мила Юрьевна меня не видит!

— Ксю, начнем с того, что ты не червонец, чтобы всем нравиться. Но если ты сейчас не пойдешь со мной в зал, всю жизнь будешь жалеть, что не видела восторженных глаз своего зрителя.

Ксюша приободрилась. Глаза загорелись. Сигарету потушила. Мы на верном пути.

— К тому же, это твой первый фильм, надо кайфануть. Понимаешь?

— Намекаешь, что может стать последним?

— Напекаю, что надо ловить момент. Раскрыть руки и лететь — то ли в бездну, то ли ввысь. Чувство полета — все равно незабываемо. А с траекторией разберемся после просмотра. Ну, погнали наши городских! — я махнула головой в сторону выхода.

Подруга поднялась, взяла меня за руку и посмотрела в глаза. Я прочитала: «уверенность».

— Спасибо, Яна. Я никогда этого не забуду.

После этих слов я вспомнила, что хотела спросить у Ксю с самого начала. Как только ее увидела. Не вовремя, знаю, но любопытство вкупе с непониманием — дернули меня за язык.

— Ксюха, а где Матвей?

— Сказал, что много работы. Скачает фильм в интернете.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. У самого близкого ему человека любимой женщины сегодня премьера фильма! А он не пришел. Что это? Зависть? Комплекс? Абсолютный пофигизм? Нет, как по мне, — это величайшее свинство.

Ксю замерла в проходе и выдала фразу, от которой у меня мурашки пошли по коже:

— Он не верит, что у меня что-то получится.

Неверие. Я бы приравнивала это к смертному греху. Не верить в талант любимого человека, не поддерживать в начинаниях, не хвалить за первые победы — значит абсолютно не любить. Когда самые близкие люди высмеивают мечту и не видят конечного триумфа личности, это очень обидно. Но нельзя позволять кому-то посеять хоть малейшее семя сомнения в собственной исключительности! Матвей — никудышный продюсер своих отношений, он просто «сливает звезду» конкурентам. А их тут — пруд пруди, кстати. Я обняла подругу за плечи и решила поддержать:

— Подними руку и скажи: «Ну и фиг с ним!» Не верит — зато не мешает!

 Мы рассмеялись и отправились покорять первый Ксюхин Эверест — кино, продолжительностью в пятьдесят две минуты, показавшиеся нам вечностью...

Все прошло хорошо. Точнее, все прошло так, как надо. Зрители вышли из зала ни на первой, ни на десятой, ни даже на пятидесятой минуте. А это, знаете ли, хороший показатель. Почти весь фильм я держала Ксю за руку и наблюдала за ее реакцией. Волнение — одна из самых ярких человеческих эмоций.

— Ксю, у тебя ладошки мокрые... А когда «Krugers» будут? — я ждала выхода своих любимчиков.

— После фильма. Это сюрприз для многих.

На титрах заиграли первые злые аккорды. Музыканты вышли на сцену — и без того раскоченная публика просто завизжала от восторга. Это непередаваемое ощущение горячей волны массовой агитации.

— Моя любовь по имени... Ксюша-а-а... — неожиданно запел вокалист Сережа Зима, и Ксю вскочила в кресле, посылая воздушные поцелуи нашим талантливым друзьям.

Мы хохотали, танцевали и пили шампанское прямо в зрительном зале одного из главных кинотеатров Киева! Братья Люмьеры от зависти лопнули бы, увидев происходящее! У них-то на первом в мире платном киносеансе в «Гранд-кафе» на бульваре Капуцинок люди с ужасом на глазах выбегали из зала, увидев движущийся поезд на экране... А у нас — в глазах зрителей был восторг! Это была несомненная победа. Это было покорение.

— Ксю, мы летим вверх! Мы летим в небеса-а-а-а-а!

Уже на выходе из кинотеатра Ксения взяла меня под руку и резко остановилась на ступеньках. Первые заморозки. Ночной воздух дрожит, изо рта идет пар — такие моменты незабываемы.

— Яна, спасибо, что ты была со мной в этот день. У меня для тебя сюрприз.

— Какой?! — я подпрыгивала на месте то ли от холода, то ли все еще прибывая в состоянии легкой эйфории.

— Я дала почитать твое недописанное произведение одной пиарщице. И знаешь, что она сказала?

— Что? — я остановилась и напряглась.

— Она сказала, что хочет, чтобы твою книгу читал весь мир!

Не знаю, как там весь мир, но мой внутренний мирок — замер. Вдох — выдох. Неужели кому-то могла понравиться моя писанина? Невероятно...

— Ксю, а кто она?

Подруга отстранилась от меня, подняла указательный палец вверх и сказала:

— Она работает со звездами. Кира Сергеева.

Кира Сергеева — продюсер «золотого голоса» нашей страны — Таты Моник, одна из лучших пиарщиц столицы, молодая, уверенная в собственной силе и возможностях девочка. Я давно хотела с ней познакомиться.

— И она хочет со мной сотрудничать?

— Она ждет твоего звонка.

Ну что ж, у каждой девочки должен быть свой продюсер! Поработаем!

А пока — потанцуем. На киношном after party. По ступенькам лестницы, продолжительностью больше смахивающей на Потемкинскую, поднимаемся в лучший ночной клуб столицы. На входе строгий face control, но мы проходим без проблем, еще бы — на афишах вечеринки Ксюхина физиономия! Внутри на манеже — все те же, только уже веселые, добрые и пьяные. Подругу почти сразу же окружают вниманием, я делаю шаг в сторону барной стойки.

— Минералки, пожалуйста! — пытаюсь перекрычать музыку, говорю бармену. — Я за рулем!

Пью воду и наблюдаю за происходящим. Разум страдает, когда существует страсть или привязанность. На сегодня у меня нет в наличии ни того, ни другого, а значит, сейчас я просто устойчивый наблюдатель собственной жизни. Ксю отрывается на танцполе с режиссером картины, алкоголь поспособствовал трансформации рабочих отношений в дружеские. Девчонки-гримеры уже подцепили каких-то левых чуваков «с перспективами карьерного роста». В принципе, все

веселятся. Кроме меня. Кажется, я постарела: мне больше это все неинтересно.

— А что тебе интересно?

Я вздрогнула от такого неожиданного вопроса, прозвучавшего прямо над ухом. Разворачиваю голову — передом мной вполне симпатичный, но довольно нетрезвый парень. На правой руке мелькнули часы Mreitling. Ясно. Ищет новых ощущений. Ох, старичок, ты явно ошибся адресом! Но я решаюсь на диалог за барной стойкой в ночном клубе.

— Читаешь мысли, ого! Левел ап!

— Что ты пьешь? — Mreitling пытается наладить контакт.

Я показываю на стеклянную бутылку обогащенной минералами воды.

— Я за рулем. А что тебе интересно? — я придвигаюсь к собеседнику ближе, чтобы не надрывать голосовые связки.

Он расценивает мой поступок, как уверенный шаг с сближению.

— Мне интересна ты... — Mreitling проводит рукой по моей щеке.

Такой резкий переход к тактильным контактам меня покоробил и вызвал отвращение. Я вытягиваю руку вперед, всем видом намекая, что выступаю яростным противником амикошонства.

— Сорри, я в ожидании большой и светлой любви.

С этими словами я встаю со стула и направляюсь к выходу. Любимый стоит того, чтобы ждать, Mreitling. Увы, мне неинтересен ни ты — симпатичный топ-менеджер, ни твои слова, ни звучащая музыка, ни дорогой алкоголь, ни бешеные танцы, ни всеобщее веселье. Гедониста из меня не получится, я лишняя на этом празднике жизни.

Уже в машине отправила смс Ксю: «Уехала домой. Веди себя прилично».

Одиночество сыграло со мной злую шутку: я его полюбила и теперь не хочу расставаться.

Отрезок 23

— Кира? Это Яна Орлова...

— Я ждала твоего звонка, Яна!

Так началось мое знакомство с удивительной девушкой, Кирой Сергеевой, Серегой — для своих. Я могу описать ее внешность двумя словами: мальчик-девочка. Короткостриженная блондинка, худенькая, с тремя непрерывно звенящими телефонами в сумке, ноутбуком за пазухой и неизменным стаканчиком кофе с МакДрайв в руке. Пиарщица.

Мы договорились пойти в кино. Фильм про девушку, сбежавшую от своего мужа, притворившись мертвой. Какая гениальная идея, кстати! Город тонул в осеннем дожде, я, как водится, застряла в пробке. Следствием стали два билета в урне.

— Орлова, ты похожа на свою героиню! Прибить тебя мало! — Кира встретила меня нескрываемым недовольством и бурной радостью одновременно.

— Кирочка, простите, пробки, — я попробовала оправдаться.

Бесполезно. Кира-каток все считает на своем пути.

— Ой, я тебя прошу. И давай на ты. Пойдем в твою машину, знакомиться. Холодно же!

В течение последующих двух часов я узнала о Кире все. Ее так сильно зацепила моя рукопись именно по той причине, что в жизни каждой девочки есть свой «Небесный». Демонический принц, однажды научивший летать, а потом сбросивший со скалы, предварительно обрезав крылья.

— Так как мне к тебе обращаться? Кира или Серега?

— Серега — это для посвященных.

— Так после своей разрушающей любви ты стала?..

— Не парься, ты не в моем вкусе, красотка.

На самом несерьезном собрании было принято самое серьезное решение в моей жизни: Кира, она же Серега, официально стала пиарщицей начинающей писательницы — Орловой Яны Олеговны. Ущипните меня, если это правда!

Отрезок 24

Я всегда с восторгом смотрю на успешных женщин. Это магия — роскошно выглядеть, быть уважаемой личностью, самостоятельно зарабатывать себе на хлеб с икоркой и при этом оставаться любимой женой и счастливой мамой. Поэтому, когда Ксю пригласила меня на вечернее суаре к Святлане Вольновой — светской львице, телеведущей и просто мегакрасивой женщине, я тут же бросилась к шкафу выбирать наряд. Через полчаса тщетных попыток подыскать что-либо более-менее приличное я еще раз на своем примере подтвердила прописную истину, что у женщины две проблемы: нечего надеть и некуда складывать! Звоню Ксении.

— Ксю, я не пойду! Мне не в чем!

Подруга, прекрасно зная мою склонность к бесполезному нытью, отреагировала очень спокойно:

— Синие джинсы а-ля boyfriend и свитер на одно плечо. Он лежит на второй полке, рядом с белым.

Лучшие друзья — лучшее изобретение общества! Именно в таком виде (плюс очки на носу) я появилась в холе модного салона, где проходило собрание самых успешных и красивых дам Киева. Интересно, Кира была бы в восторге от моего внешнего вида? Она просила присылать ей по вайберу, как я выгляжу, каждый раз, когда я собиралась выйти в свет. Но сегодня я схалтурничала и проиграла — присутствующие девушки, все, как одна, были в cocktail dress. Epic fail. Вот так подстава-засада, как сказал бы мой бывший.

— Ксю, чего ты не сказала про платье? — дергаю подругу за рукав *платья из черного бархата*.

— Янка, я сама в последний момент узнала про дресс-код.

Я махнула рукой.

— Ладно, буду делать вид, что я нигилист и все мирское — тлен.

Мы прошли в комнату для семинаров. Кто не в курсе — Света делает уникальные встречи для девочек любого возраста. Я могу попробовать описать царящую в салоне атмосферу. Итак, представьте.

Приглушенный свет, цветочный аромат с нотками ванили, стены — в фиолетовых тонах. Резная мебель, все изысканно, дорого и со вкусом. Мальчики-официанты подают прохладное шампанское, фрукты, сыр и устрицы. Для поднятия настроения — candy bar unlimited. Девичий рай! Хозяйка вечера — в ярком платье-кимоно с безупречным макияжем и обязательно на шпильках — радостно встречает каждую гостью. Случайных людей здесь нет. Раз в неделю в центре Киева под одной крышей собираются умницы и красавицы столицы. Интересно, к какой категории причислили Яну Орлову? Иногда мне кажется, что когда Бог раздавал внешнюю привлекательность и мозги — я, as usual, вышла покурить.

Переборов внутреннюю стеснительность, я тоже поздоровалась с богиней медиа-пространства, и, решив стать незаметной, заняла место в самом конце «зрительного зала». Иногда наблюдение со стороны дает намного больше, чем нахождение в центре внимания. Ксю с недовольной физиономией подсела рядом. Ну да, она же теперь актриса! Куда там нам, простым смертным... Ничего, сама виновата, что посоветовала мне хипстерский прикид. Начался семинар. Света учила нас любить себя, верить в свои возможности, привлекать мужчин и, что самое главное, — чудесам медитации. Я раньше не серьезно относилась к любым видам медитативных практик, но только до тех пор, пока не познакомилась с Вольновой Светланой.

— Девочки, закрывайте глаза, — приятный, бархатный голос нашей наставницы полился волной, захватывая все пространство. — Представьте себя очень красивой в длинном женственном платье. Вы сидите на берегу моря, на песочке и смотрите вдаль. Почувствуете ритм волн, насладитесь волнами и морем. Вы абсолютны спокойны.

Я вдохнула и выдохнула, как нас учили. Странно, похожую картинку я представляю каждый раз, когда посещаю Raum der Stille в Берлине. Видимо, наше подсознание, как и мы, обожает море. Ведь на небе только-то и разговоров о нем... Света продолжила говорить, я почувствовала приятную расслабленность и услышала звуки чаек где-то далеко-далеко...

— Сейчас можно загадать желание...

Я задумалась. А что же мне загадывать? У меня все есть. Мне нечего желать. Любви? Я люблю. Чтобы меня любили? Но ведь насильно мил не будешь. Здоровья? Есть у меня какое-никакое. Денег? Но ведь не на паперти же стою... И я загадала. Счастья. Всем.

Последующие полчаса мое подсознание полностью взяло верх над разумом. Магическая музыка заполнила каждую клеточку моего тела. С каждым тактом я открывала новые двери, погружаясь все глубже и глубже в тайну своего собственного «я». Вокруг меня бродили павлины, я притронулась к светящемуся кристаллу и... внезапно четко увидела собственные ноги в старомодных ботинках, шагающие по брусчатке. няла голову — я снова в Париже. Какой сейчас год? Век? Снова французская революция... Всюду вонь разлагающихся человеческих останков и крови, крики, стоны, адский шум. Ночь. Я ряю шаг, почти бегу в сторону квартала Les Halles — самого грязного и погрязшего в человеческих пороках места. «Чрево Парижа» не спит. Оно кишит бродягами, бандитами, проститутками. Совсем рядом — «Кладбище невинных». Я знаю, что там, во рву, — трупы казненных на близлежащей Гревской площади. Тошнота подкатывает к горлу, я зажимаю рот рукой и отчаянно тороплюсь. Мое сердце бешено колотится, мне страшно. Что мне, девушке из приличной семьи, понадобилось ночью на старом рынке? Куда я спешу? Ах, меня там ждут. Кто? Я пытаюсь вспомнить кого-то очень для меня важного, встреча с ним перевернула весь мой мир. Я ищу в толпе синие, как море, глаза. Саша...

— Медитация окончена. Девочки, открываем глаза.. Вы большие молодцы, — сквозь легкий сон слышу голос Светланы.

В машине по дороге домой мы с Ксю обсуждали мое видение.

— Я думаю, твое подсознание возвращает тебя в те моменты, когда ты была счастлива или, наоборот, совершила какую-нибудь непростительную ошибку... — подруга выдвинула собственную теорию моего тихого помешательства.

— Да, но почему я постоянно оказываюсь во Франции XVIII века по уши в дерьме?

— Наверное, ты тогда жестко накосячила!

На том и порешили. Перед сном я еще раз прокрутила в голове все увиденные в состоянии медитации картинки и создала себе больше вопросов, чем предполагаемых ответов.

Отрезок 25

Прежде чем создать продукт, желательно найти предполагаемые рынки сбыта. Я открыла ноутбук и зауглила: «Книжные магазины Киев». Ну что ж, первый шаг сделан! Осталась самая малость — уговорить кого-то, прежде чем продать что-то ненужное, купить что-то ненужное. Сейчас, конечно, я понимаю, что правильнее было бы обратиться в издательство. Всегда лучше доверять профессионалам. Но, напоминая, мы тогда ничего не знали о производстве книги и постигали все азы сами, с нуля. Идея постучаться в издательство казалась нереальной и фантастичной. Ну кто будет вкладывать деньги в никому неизвестного автора с недописанной рукописью на рабочем столе ноутбука? Все, что было у нас, — горящие глаза и желание рассказать всему миру историю любви Александра Небесного и Яны Орловой. Это у меня, конечно. Ксенией двигали совсем другие мотивы: она так абстрагировалась от своей личной жизни. Матвей не то что не пришел на премьеру фильма, он даже не поздравил свою гражданскую супругу с этим знаменательным событием! Вот жук! Но это я отвлеклась. Итак, мы решили издать книгу своими силами. Я взяла на себя миссию — пробить почву схемы реализации продукта.

Полагаясь на интуицию и собственный фарт, заезжаю в один из лучших магазинов серьезной книжной сети. Открываю дверь в будущее.

— Здравствуйте... — обращаюсь ко всем продавцам сразу.

Отзывается лишь одна девочка. Глаза — добрые и умные, я на правильном пути.

— Вам что-то подсказать?

— Да, подскажите мне, как сделать так, чтобы моя книга у вас продавалась?

Девочка нахмурилась.

— А о чем у вас книга?

— О любви, наверное. И работе на телевидении.

Девочка заинтересовалась.

— Да? Ну вы можете оставить свою рукопись, если интересно — мы перезвоним.

— Она незаконченная... Но... вот! — кладу на стол талмуд из ста с лишним листов А4 — сомнения, переживания, слезы, радость, страх и боль двенадцатым шрифтом Times New Roman.

Девочка с равнодушным видом кладет мой эпохальный труд в стол. Ну ничего! Москва не сразу строилась. Прodelываю ту же са-
 процедуру еще с десятком магазинов: «День Сурка». К вечеру голова просто раскалывалась, ноги гудели от усталости, я — промерзла, все-таки не май месяц, а суровый ноябрь. Решила поделиться впечатлениями с Ксенией.

— Алло, здравствуйте, вам книжки не нужны?

— Нет... — с ходу ответила подруга.

— Пидора ответ! Холодные контакты — это жость.

Ксю рассмеялась.

— И это был лучший менеджер по продажам! Книжку толкала?

 Ага. Пока безрезультатно. Думаю, моя писанина никому не нужна...

— Что за нытье? Я сегодня пробила типографию — мы можем напечатать там тысячу штук. Для начала нормально.

— Цена вопроса?

— Вменяемая. Траст ми, детка. Что там Кира? — Ксю ловко ушла от ответа по поводу стоимости печати книги.

Правильно, зачем сразу травмировать неокрепшую психику начинающего литератора?

— Сегодня увидимся, она сказала, что хочет мне кое-что сказать...

И это было абсолютной правдой. За последние несколько дней Кира-Сергеа развернула бурную деятельность: сделала страничку в социальных сетях «Media Princesses», нашла место для проведе-

ния презентации — модный ресторан «Maison», предварительно попросив меня прописать в тексте, что мои героини просто в восторге от этого заведения. Это называется — product placement. И даже а всерьез заняться моей внешностью. Осталась самая малость — дописать книгу. А муза на время, кажется, забыла о моем существовании.

Мы встретились с Кирой в итальянском ресторанчике.

— Серега, у меня проблема. Муза не прет.

— Я тоже рада тебя видеть. Для начала можно было бы поздороваться... — Кира снова пришла в костюме «мальчика-девочки». Джинсы, футболка, темное пальто и абсолютно никакого макияжа. Но очень стильно. И духи у нее хоть и мужские, но тоже классные. Если так пойдет и дальше — есть вся вероятность, что я сменю ориентацию.

— Сереженька, это моя самая дурацкая черта характера! Но я исправлюсь! — жестами я показала «рада служить».

— Разберемся. Для начала — подарок. Носи и не снимай, — с этими словами Кира-Серега протянула мне маленький футлярчик.

Я открыла коробочку — ух ты, очки «Mrada» из последней коллекции! Но...

— Кира, у меня хорошее зрение! Зачем мне очки?

— Первое правило работы с Кирой Сергеевой — ты не споришь. Второе — смотри первое, — Кира заказала пасту и оливки.

— Но это дорогой подарок...

— Ну, это авансом тебе, писательница. Там стекла «нулевые». А в очках ты сразу кажешься умной.

Я опешила и тоже заказала пасту и оливки. Может, это модный дуэт?

— А что, я глупая, да, Кира? Черт, ты меня раскусила...

— Ну, ты не создаешь впечатление человека, цитирующего философию Канта наизусть...

— Да я с «Критикой чистого разума» засыпаю и просыпаюсь!

Мы рассмеялись. Принесли пасту и две порции зеленых оливок. С косточками. И куда девать эти косточки? Выплевывать рядом на тарелочку?

— Никому не говори, что знакома с трудами Иммануила, а то мы тебя так никогда замуж не выдадим... — продолжила беседу моя пиарщица.

— Можно подумать, я очень туда спешу! Хватит, отмотала срок...

Кира наколола оливку. Отлично, сейчас посмотрим, как она будет справляться с дарами Греции.

— Как-то ты не очень отзываешься об институте брака, моя гениальная девочка!

Она съела оливку! А косточки нет! Как же так?

— Кира, а куда ты косточку дела?

— Какую косточку?

— Ты оливку съела, а косточку не выплюнула!

— Я ее во рту держу, не знаю, куда деть, жду, пока ты отвернешься...

Снова приступ хохота. Да, правду говорят — мы притягиваем себе подобных. Вокруг меня — мегаталантливые, креативные, но слегка «сумашечение» люди.

— Серега, а я могу задавать тебе личный вопрос?

Кира отставила тарелку с макаронами сторону.

— Ты — можешь. Хочешь спросить, как это — с девочкой?

Я покраснела, помяла салфетку руками и честно ответила:

— Да.

— Это классно. У меня была любовница с такими «стальными яйцами», что рядом с ней я реально чувствовала себя, как за каменной стеной. Мы провели вместе лучший год моей жизни.

— А потом?

— А потом — суп с котом. Я поняла, что это хороший опыт, но все-таки иногда не хватает мужского мозголюбства.

Ой, не хочу. Больше не хочу «мозголюбства». Я набралась смелости для самого «пикантного вопроса».

— А если я вдруг захочу стать лесбиянкой — где мне с ней познакомиться? Не буду же я на улице приставать к женщинам!

— Я лечила разбитое сердце любовью женщины. У тебя сердца нет, значит тебе не грозит...

Смеемся. Я совсем не ханжа. Славка, один из моих лучших друзей, — гей. Моя пиарщица — лесбиянка. Но меня всегда интересовал

вопрос, в какой момент человек понимает, что гетероотношения совсем не привлекательны, и делает зигзаг в сторону однополой любви? Существует ли какой-нибудь «спусковой механизм»? Вот Серега ла по девочкам, полностью разочаровавшись в мужчинах. Жизнь — боль.

Если я решусь завести любовницу — я расскажу вам, как это. Но пока, пожалуй, останусь предана своей любви к Небесному в «страдательном падеже».

— Так что там с музыкой? — Кира продолжила разговор как ни в чем не бывало.

— Не посещает меня. Пропала из жизни вместе с Сашей.

Кира фыркнула.

— Настоящий гений — это прежде всего ремесленник. Пиши хотя бы по тысяче знаков с пробелами каждый день.

— Мне нужны эмоции.

— Тогда поезжай куда-нибудь! — Кира пожала плечами.

Да, как будто в моей крайне нестабильной финансовой ситуации это так просто — взять и поехать «куда-нибудь», но вообще-то...

— Но вообще-то в Париж надо, — ответила я.

— Отличное место для поисков вдохновения! Рули!

А почему бы и да? Тем более, у меня же скоро день рождения...

Отрезок 26

Удивительное время этот декабрь!.. Двенадцатый месяц, последние тридцать дней уходящего года. Тридцать один, если быть точной. Время собирать разбросанные ранее и камни, и мысли. Подведем итоги. Орлова Яна — решила стать писательницей, заручившись поддержкой верных подруг. Кстати, о девочках. Ксюша — в шаге от всенародной любви, фильм с ее участием (в главной роли!) повсюду обсуждают в социальных сетях. Но не может же все быть хорошо: ее принц

«обычный мужик» Матвей — оказался «обычным бабником». Переживаем. Боремся. Пока безрезультатно. Мила — продолжает ассимилировать: судя по последним фото, совсем перестала краситься и забросила каблуки. Док, мы ее теряем! Хотя на тех же снимках берлинского мужа нашей суперпродюсерши нет. А значит, бургер не сумел покорить сердце нашей красавицы. Немцы опять проиграли... Ната — всю готовится к свадьбе со своим слегка побитым жизнью и присыпанным нафталином Никитой. Событие века назначили на май, но девочкам же только дай повыбирать платье... Даже тридцатипятилетним девочкам с телевидения.

Грустная повинность — составлять компанию при походе в очередной салон свадебных платьев — легка на наши с Ксю плечи. Чередуемся. Числитель — я, знаменатель — подруга. Одна только Кира остается константой собственной жизни, незыблемым титаном полного равновесия. В ее мирском существовании, кроме пиара, графиков концертов, мероприятий, сходов Таты Моник и прочих менее значимых подопечных, есть только кратковременный сон и указания для Орловой: что делать и как жить.

Год был сложный, отобрав что-то очень важное и значимое, помотав из стороны в сторону в калейдоскопе не самых приятных событий. На финишной прямой дорога выровнялась. Идти стало легче, идти стало веселее.

Неумолимо быстро приближался мой любимый день в году — двенадцатое декабря, День Святого Николая и по совместительству день рождения Орловой Яны Олеговны. По этому поводу в мою голову закрались кое-какие мыслишки... Тяну руку к телефону и набираю...

— Илья? Это Орлова!

Не ожидали? Я тоже... Не ожидала, что мой «больничный друг» вообще возьмет трубку.

— Привет, Орлова. Рад тебя слышать.

Приступаю сразу к делу. Чего тянуть кота за хвост? Начинаем наступление.

— Муров, у меня день рождения скоро...

— Я знаю, удивляюсь вообще, как тебя Колей не назвали...

 хихикнула в трубку. Не сердится вроде. Заходим с левого фланга.

— Ага, прикольно было бы: Николай Олеговна Орлова!

Теперь уже не выдержал Илья — рассмеялся.

— Ты все такая же. Смешная. Говори, что хотела.

Все, можно идти ва-банк.

— Илья, покажи мне мир.

Секундное молчание. Это нормально, мужчина должен переварить информацию. Принять к сведению «лобовую атаку».

— В смысле?

Вопрос Ильи меня вполне устроил. Предсказуемо. Заранее заготовлен ответ.

— Ну, можем считать это подарком на день рождения. Мне в Париж надо.

На том конце невидимого провода — недоумение, легкая обида от возможности «быть использованным» в качестве беспроцентного инвестора и тяжелый вздох.

— Объясни мне потом, почему я иду у тебя на поводу, ладно?

Я чуть не выронила телефон из рук. Ур-р-р-а-а-а! Такая легкая победа!

— Илья, спасибо! Лютеция зимой — прекрасна! Когда летим?

— Ну, на твой двадцать шестой день рождения!

Отрезок 27

Я пропущу описание томительных дней ожидания поездки — никто не против? — и начну сразу с описания встречи в аэропорту «Борисполь».

— Бонжур! Сава бьен? — я хлопаю Ильюху по плечу.

— Сава бьен! Мадемуазель тре жоли! — отвечает мой друг и подхватывает меня на руки.

Семнадцатое декабря. Мы счастливы. Нет, правда, мы не придуриваемся, не лукавим и никого не обманываем. Мы действительно испытываем давно забытое чувство приятного волнения перед неизбежаемым отдыхом. Конечно, Муров — великий мужик. Во-первых, согласился на мою авантюру. А во-вторых, действительно ее осуществил: сам заказал билеты, гостиницу. Господи, ну почему я к нему ничего не чувствую?

В самолете я положила голову на плечо своему спутнику и почти мгновенно уснула. Мне снились короткие счастливые сны. Мой организм уверенно вырабатывал эндорфины.

Из аэропорта «Шарль-де-Голль» мы добрались на автобусе до Триумфальной Арки, затем метро и конечный пункт назначения — конечная станция фиолетовой ветки «Creteil Prefecture». Пять минут — и мы в типичной парижской гостинице под названием «страх и ужас в Лас-Вегасе». Нет, конечно, если бы мы были какими-нибудь зажиточными товарищами, наверное, селились бы в «Mariott» на Елисейских. Но мы — обычные ребята из Киева, поэтому номер размером с мой домашний шкаф, не совсем чистые полотенца и протекающая раковина — абсолютно стандартный набор для трехзвездочной французской гостиницы. Даже если бы мы сняли апартаменты в центре, нас ждала бы та же участь — в Париже с отелями очень туго. Большинство номеров напоминает либо бывшие бордели, либо кельи монахов. И это при довольно высокой цене — в среднем около ста пятидесяти евро за ночь. Воистину, не Стамбул, а Париж — город контрастов.

— Илья, тут кровать общая...

— Это двухместный номер. Не переживай, я приставать не буду.

— Так я буду!

Хохочем. Подумать только — мы действительно в Париже! Еще не так много месяцев назад я и этот дядька-великан валялись в реанимации, играя в шахматы со смертью. А теперь — в самом романтичном городе мира собираемся праздновать мой день рождения. Жизнь, я люблю тебя за щедрость твоих даров! Да что там... я люблю тебя просто так!

— Янка, ты очень странная, но такая замечательная и необычная. Как будто в тебе хранится какая-то глубокая тайна.

Я смотрела в окно на оживленную улочку нашего квартала. Вздрыгнула. Не надо, Илья. Не подходи слишком близко. Рассмеялась.

— Да что ты! Я самая обычная! Ты даже не представляешь насколько...

— Ну, уболтала. Куда выдвигаемся, мисс Орлова?

— Выдвигаемся в Латинский квартал, в «Ансьен-Комеди».

— А что там?

— А там я когда-то встретила одного интересного мужчину. Тоже писателя.

— Мне надо начинать ревновать?

Я улыбнулась.

— Это писатель, чей лозунг гласил «*Le paradis terrestre est où je suis*».

Илья чуть не поперхнулся минералкой, в спешке взятой из минибара.

— А, ну все понятно! Да, Яна, ты самая обычная девочка. Этот писатель не дожил чуть больше десятка лет до Французской революции...

— С кем не бывает...

Отрезок 28

Мы зашли в ресторан «Le Просоре» — старейший ресторан в Париже, славящийся списком своих звездных гостей: Бальзак, Гюго, Робеспьер и Вольтер, утверждавший, что рай там, где он, — именно о нем и шла речь на пару строк выше, — собирались здесь для своих литературных дискуссий. Ну или еще для чего-нибудь — выпить, поговорить о жизни...

Попробую объяснить, почему я выбрала именно это заведение. Фактически «Le Просоре» можно назвать одним из музеев Парижа. Говорят, что Наполеон, будучи молодым офицером, не смог заплатить за свой обед и оставил любимую шляпу в залог — вот она теперь ви-

сит на входе. На стенах одного из залов воспроизведена Декларация прав человека и гражданина тысяча семьсот восемьдесят девятого года. На дверях туалетных комнат — указания «Граждане» и «Гражданки» и много других примет, напоминающих о Великой Французской революции — том времени, куда меня постоянно забрасывает моя вековая память. Вот поэтому мы и ужинаем здесь. Я ищу ответы на когда-то заданные самой же себе вопросы.

Заказали бутылочку Пейрор Бордо Руж и тирамису.

— Он говорил, что ходит сюда из-за мороженого. Нигде в Париже его больше нет! И любил сидеть вон за тем столом! — я кивнула в сторону мраморной тумбы.

Илья отложил меню в золотистом переплете в сторону и внимательно посмотрел мне в глаза. Зеленые. Как я раньше не замечала? Муров — брюнет с изумрудными глазами, чертовски милое сочетание.

— Кто он? Вольтер?

— Ага.

— Что ты еще о нем знаешь?

— Должен был стать юристом, но бунтарский дух привел в литературы. Начинал с поэта-нахлебника. Шатался по Бастилии и прочим тюрягам — за очередные сатирические стишки. Вечные терки с католиками, выступал за право человека на счастье и разумный эгоизм. Не особо жаловал народ, капиталист, одалживающий деньги аристократам, и, наконец, — «Фернейский пустынный»!

Муров отставил в сторону принесенное пирожное и красное вино. Мой друг был удивлен.

— Ты подготовилась. Вопрос: зачем тебе это, Яна? Девушка твоего возраста как минимум не должна знать о перипетиях жизни дядьки, отдавшего богу душу туеву тучу лет назад.

Я пододвинула пирожное поближе. И вино попробовала. Отличный букет: черная смородина, черника, травы, имбирь и... ваниль, что ли? Хм...

— Мне посчастливилось в семнадцатилетнем возрасте делать восковой бюст Вольтера. Можно считать это событие началом моей головокружительной карьеры.

Илья откинулся на стуле. Сложил руки на груди и снова посмотрел прямо в мои небесно-голубые очи. Я прочитала: «Да у тебя конкретные проблемы с головой, девочка».

— Яна, что ты имеешь в виду?

Мне пришлось поведать Мурову историю о блужданиях в глубинах собственного подсознания. После моего короткого сна Илья решил задать вопрос:

— Так, а сейчас? Ты как бы «вспоминаешь» те события? Здесь?

Я провела пальцем по бокалу. Однажды я видела ролик в интернете: дядька играл «Танец феи драже» на бокалах для шампанского. У меня так не получается.

— Здесь я с тобой. Но стоит мне сейчас прикрыть веки — и я могу увидеть мир ее глазами.

— И ее тоже зовут Аня. Анна-Мария Тюссо. Интересно.

От услышанного я впадаю в ступор. Бокал тоже падает — на белоснежную скатерть. Вина в нем нет — пустой. Он медленно катится к самому краю столика. Я не могу пошевелиться, чтобы поймать хрустальный фужер. Да это и не надо никому. Падает. Разбивается.

— Как ты узнал? И зачем?

Впервые я посмотрела на своего собеседника другими глазами. Кто ты, человек сидящий напротив? С кем я полетела в Париж?

— Аня, я должен был знать, кто живет в моем доме и кому делаю предложение.

Официант собирает осколки маленьким веничком. Еще минута — и следов мини-катастрофы почти не останется.

— Что еще ты знаешь?

— Я знаю, почему ты изменила имя в паспорте. Достаточно?

— Ну... Наверное, так даже лучше. Анна-Мария — так называется яхта Небесного. Слишком много совпадений. Я хочу узнать, что нас связывало и связывает. Если ты поможешь — хорошо. Но прошу — не называй меня Аней. И я, видимо, много о тебе не знаю.

Мой спутник разлил оставшееся вино по вновь принесенным фужерам.

— Как скажешь, Яна. Помогу, конечно. Но я обычный парень. Самый обычный. Ты даже не представляешь насколько...

Отрезок 29

Я понимаю, что у вас ко мне много вопросов. Поверьте, у меня к себе самой — не меньше. Вопрос первый: почему Илья назвал меня чужим именем? Объяснять не буду, это дела давно минувших дней (в книге «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ» подробно рассказана история Яны Орловой).

Просто скажу, что если прочитать «Яна» наоборот — получится «Аня». И когда-то в прошлой жизни я действительно носила это имя. Хм... как будто и не было этого вовсе.

Вопрос второй: откуда Илья узнал подробности моей биографии, довольно прочно, как мне казалось, спрятанные от новых людей в моей жизни. Значит, он не такой простофиля, каким хотел казаться. Поверьте, я, как и вы до этого разговора, считала Мурова кем-то мишкopodobным — добрый паренек, не особо обремененный интеллектом и способностями к размышлению и аналитике. По-моему, я ошиблась. И теперь главный вопрос: с кем я оказалась за три тысячи километров от родного дома?

Обычно мы видим другого человека через призму собственных пороков. Изменщикам чудится измена, врунишки подозревают визави во лжи, алкоголики при первой встрече «проверяют» собеседника на пристрастие к крепким напиткам, игроки тащат в казино. Я видела перед собой чистого и светлого человека. Но что я знаю об Илье на самом деле? Он работает в какой-то компании и занимается там чем-то очень важным, по всей вероятности, ибо по всем внешним признакам смахивает на человека обеспеченного (ключевые слова: «какой-то» и «чем-то»). Я не знаю ни одного его друга и даже не видела знакомых, то есть я *ничего* не знаю о человеке, с которым провожу свой двадцать шестой день рождения. Единственное, в чем я могу быть точно уверена, так это отсутствие у Мурова гепатита В и С — перед операцией все сдают анализы в обязательном порядке. Да уж, эти знания мне, несомненно, очень пригодятся, но пока что считаю свой поступок легкомысленным и рисковым. С такими мыслями я сидела

в лобби отеля и пыталась уловить wi-fi. Сигнал слабенький. Получилось. Пишу сообщение Миле.

«Я в Париже. Ты ко мне? Или я к тебе?»

Отправлено. Следующая — Ксю.

«Надо найти редактора для книги. И дизайнера обложки. Я почти собрала весь материал. Осталось чуть-чуть. Деньги на печать у тебя на карточке. Скупаю».

Наташке. «Я куплю тебе тут свадебный сервиз. Хотя в Чехии, говорят, лучше... Обнимаю».

И наконец — отчет о проделанной работе для моей пиар-менеджери Киры.

«Запостила фотки с башни в инста. Глянь. Целую».

Обязательная программа выполнена, можно пойти по произвольной. Листаю ленту новостей. Предновогодняя лихорадка. Все постят елочки, мишек и снежок. В мозг со скоростью света залетело воспоминание: год назад. Австрия. У меня на шее «анк», на щеке — укус, в сердце — любовь. Это точно все происходило со мной? Приснилось, может быть. Нельзя думать мысли, от которых больно.

— Янка, пошли в номер. Хватит тут сидеть, — это Муров. — Или ты ждешь, пока я усну, чтобы не начал приставать?

— Вот еще! Просто я занималась корреспонденцией. Идем.

Мы поднялись в номер, и я почти мгновенно уснула. Секса действительно не было.

Отрезок 30

За завтраком я решила на разговор.

— Илья, расскажи мне о себе: где ты работаешь, кто твои друзья, есть ли у тебя хобби, в конце концов?

Пока я выдавала всю эту череду абсолютно бесполезных вопросов, Муров с невозмутимым спокойствием намазывал паштет на хлеб.

— Не имею, если честно, ни малейшего желания, Яна. Не бойся, я тебя не обижу. Я все-таки тебя люблю. Какие планы на сегодня?

Сегодня восемнадцатое декабря две тысячи четырнадцатого.

— Поедем на площадь Бастилии. Тюссо чудом избежала гильотины, я хочу проэмпатировать ее состояние.

Муров отложил бутерброд, сложил руки на груди и вздохнул. Сегодня на нем была белоснежная рубашка и джинсы. Со стороны он даже казался красивым.

— А ты не хочешь, как все девушки, сходить на Риволи? Купить себе платье? Я оплачу, если надо.

— Нет. Меня интересует Бастилия.

— О'кей, выдвигаемся.

Почему именно Бастилия? Анна-Мария Тюссо дожила до преклонного возраста, несмотря на ее вечные соревнования с гильотиной. Четырнадцатое июля, тысяча семьсот восемьдесят девятый год. После штурма Бастилии монархия пала, и Мари с матерью оказалась в тюрьме в одной камере с Жозефиной Богарне, будущей женой Наполеона Бонапарта. Женщинам уже остригли волосы — на площади уже ждала гильотина. Однако через некоторое время их неожиданно освобождают. Почему — история умалчивает. Что это — везение, роковая случайность или чей-то продуманный план? Вспомнить бы, узнать...

На площади мы оказались через час. Ничего никаких эмоций. Ездят машины вокруг Июльской колонны, туда-сюда снуют французики.

Мы решили занять место в кафе, столик — с видом на «Опера Бастилия». Для декабря, конечно, прохладно сидеть на улице, но в этом есть свое очарование.

— Муров, а тут раньше слон стоял.

Илья позвал официанта, чтобы сделать заказ, и кивнул головой, давая понять, что прекрасно меня слышит, но слушать не хочет.

— Ну правда! Гипсовый двадцатичетырехметровый слон.

Мой спутник нахмурил брови: удивлен. Нет, все-таки есть в нем что-то.

— Опять было видение?

— Не, у Гюго в «Отверженных» вычитала. Его снесли в восемьсот сорок шестом.

— Феноменальная память?

— Что-то типа того.

Мы заказали чай и круассаны. Муров вышел в уборную, я осталась за столиком одна. Закуталась в свою шубку, накинула меховой капюшон на голову и дышала морозным французским воздухом. Вдох-выдох, вдох — выдох...

Мне очень жарко. Только непривычный ветерок гуляет по макушке. Провожу рукой — ой!.. совсем нет волос. Пытаюсь сфокусировать зрение, чтобы понять, где я. Каменный мешок, стены. Тюрьма! Вот так черт! Меня собираются казнить. Знакомое чувство приближающегося финала: очень страшно. Липкий ужас пробирается внутрь, сжимая все внутри стальной рукой. А что будет, если я умру? Закончусь, так и не начавшись...

— Яна, что с тобой?

Я вздрогнула. Кафе напротив «Опера Бастилия», вокруг Июльской колонны ездят машины, туда-сюда снуют французики. Передо мной Илья — мой друг с глазами цвета сапфира.

— Ей было очень страшно здесь. Она готовилась умереть. Я знаю это чувство, ты тоже...

Муров сжал салфетку в руке и отбросил помятую бумагу в сторону.

— Яна, ну хватит! Ты можешь прекратить идти на поводу у своей шизофрении и просто попить чай в парижском кафе?

— Илья, ты не понимаешь! Эта мысль меня преследует, я точно знаю, что мадам Тюссо и я — это одна и та же душа! И что-то мы такое натворили тогда, что я до сих пор расхлебываю! Как будто я сделала что-то очень неправильное и тем самым сломала весь ход своей истории!

— И что? Нам теперь сутками бегать по городу в ожидании твоего очередного припадка? Яна! Посмотри вокруг! Это Париж перед Рождеством! А мы лазим по каким-то помойкам.

— Я не заставляю тебя ходить со мной!

— Отлично. Желаю тебе удачных поисков истины. С меня хватит. Встретимся в гостинице.

Вот и поговорили.

Отрезок 31

Я не люблю ругаться и абсолютно не умею обижаться. Илья — всего лишь мой travel-спутник, и нет ничего удивительного, что он запланировал себе другое времяпрепровождение в столице любви, вина, сыра и романтики. Так что когда Муров покинул меня, я совсем не расстроилась. Вру. Конечно, мне было обидно. Я вообще не ожидала такого поворота событий. Первая ссора. Илья раскрывается для меня с другой стороны. И уж никак не в пользу того, чтобы я вспылала к нему вселенской любовью.

Лучший способ поднять настроение — это, конечно же, шоппинг! А тем более — шоппинг в столице моды! Выезжаю на Риволи.

Илья прав, предновогодний Париж — это чудо. Как мастер ассоциации, могу представить Лютецию такой себе старушкой, доставшей к празднику свои лучшие драгоценности и наряды. Все вокруг сияет огнями, переливается цветами наступающего праздника. Там ангелочек, там елочка, там звенят колокольчики... Даже привычного для Парижа уличного мусора, кажется, в разы меньше.

— Joyeux Noël! — пожелала темнокожая, родом из Мадагаскара, продавщица модного французского бутика.

— Merci! — ответила я, обычная киевская девчонка.

Я потратила больше пяти часов и около шестисот евро на всякого рода ерунду. Депрессия — все-таки болезнь обеспеченных людей. Я себе пока не могу позволить такую роскошь, как сплин и хандра. Дороговато получается.

Уставшая, но довольная я зашла в ближайшее кафе с wi-fi. Конечно же, мне не терпелось запостить свои покупки в инстаграм и проверить входящие сообщения.

Мила: «Надеюсь, как в прошлом году не будет. Отдыхай с головой и никакого алкоголя. Я прилечу к Наташке на свадьбу»

Улыбнулась. Скоро будет ровно год, как я не употребляю алкоголь после того случая в Словакии (об этом я тоже писала в «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ»).

И продолжение сообщения: «Ксю сказала, что тебе нужен дизайнер. Я дала контакты моей подруги с Катовице».

Ух ты! У меня будет дизайнерша-полька! Валютненко...

Ксю: «Дизайнера нашли. Глянь у меня в друзьях — Карина Мо-сквина».

Так она не полька...

Продолжение: «Очень толковая. Нужна фотка. Допиши книгу, хам-ло! P. S. У тебя завтра день рождения. Как думаешь, он напишет тебе?»

Он — это, конечно же, Александр Небесный. Ай, задело что-то, дер-нуло внутри. На мой прошлый день рождения я впервые стала жен-щиной своего принца. Это было незабываемо. На заснеженном пляже, в звуках джаза и со вкусом джина. Смогу ли я еще хоть раз почув-ствовать нечто похожее? Дизайнер — хорошая новость, конечно. Вот молодцы же у меня подруги!

ата: «Ты главное сама на свадьбу приди! Милка прилетит, сказа-ла».

И наконец — Кира.

«Я веду Тату Моник на собеседование к Небесному, они запускают новый проект».

Опача. Опана. А вот это уже интересно. Кира в сети. Пишу ответ.

«Искренне сочувствую. Забери у него мои часы!»

«Какие часы?» — Кира.

«Перед операцией я отдала ему свои часы. Хорошие, между про-чим!» — все подробности той встречи лучше оставить в секрете.

«Отлично. Ты предлагаешь мне после кастинга сказать: „Александр Александрович, ничего личного, верните ходики“. Так?»

«Ты можешь их украсть. Кира, укради их для меня, прошу!» — умо-ляю я свою подругу в imessages.

«Ты сумасшедшая. Ладно, я попробую выменять их у него на мерт-вую кошку».

«What?!» — я.

Кира печатает. Кира печатает. Кира печатает.

«Учитывая его страсть к походам на кладбище, думаю, он оценит!»

Смайлик. Смйлик. Смйлик. От меня.

Когда я вернулась в гостиницу, Илья уже спал. Или делал вид, что спит. Надо с ним обязательно завтра помириться.

Отрезок 32

— С днем рождения, Орлова!

В свой двадцать шестой день рождения я проснулась в Париже. Муров склонился надо мной с огромным букетом белых роз. Боже, как трогательно...

— Илюха, мы вчера поругались...

— Ай, нам ли ругаться, Орлова? Нам ли? Ожившим мертвецам разбрасываться временем?

Я кинула в товарища подушкой.

— Типун тебе на язык! Мы еще всех переживем!

— Вместе?

— Вместе веселее!

После завтрака было принято решения целый день посвятить гедонизму. А именно: гулять по набережной Сены, пить глинтвейн, покупать всякие ненужные сувениры и веселиться, веселиться, веселиться...

*Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу —
И то, что слышу, и то, что вижу, —
Пишу в блокноте, впечатлениям вдогонку:
Когда состарюсь — издам ижонку.*

В. Высоцкий.

«Письмо к другу, или Зарисовка о Париже»

— Ну, куда ты еще хочешь?

— Илья, не ругай меня, но я бы хотела в Ле-Аль! Пожалуйста, у меня же все-таки день рождения!

Муров махнул рукой и согласился.

Ле-Аль (фр. Les Halles) — квартал первого округа Парижа в самом центре французской столицы на правом берегу Сены. Такое определение вы прочитаете, если обратитесь за помощью к Википедии. На самом деле это место знаменито, прежде всего, тем, что долго вре-

меня именно здесь располагался знаменитый рынок «Чрево Парижа», очень ярко описанный в одноименном романе Эмиля Золя. На медитациях у Вольновой я бродила между его кишачими всякой нечистью рядами. Что же искала здесь юная мадемуазель Гроссхольц? (Это девичья фамилия мадам Тюссо.)

Илья привел меня на смотровую площадку. Весь Ле-Аль — как на ладони. Торговый центр и стройка. Да уж...

— Ну? Что-то чувствуешь? — товарищ подпрыгивал возле меня.

То ли от холода, то ли от радости. Склоняюсь к первой версии.

Я пожала плечами.

— Ничего. Здесь нет энергетики. Мертвое место, пойдем отсюда.

— Нет уж! Раз пришли — значит пришли! — Илья снова подпрыгнул.

Что это с ним? Как будто нервничает, что ли...

— Не понимаю...

Внезапно Илья Николаевич Муров сильно обнял меня.

— Орлова, какая же ты необыкновенная...

Неожиданный прилив нежности.

— С днем рождения тебя, Орлова! Открывай! — с этими словами мой временный сожитель достал из кармана бархатную коробочку.

О нет... Или... О да! Внутри! О да! Девочки, завидуйте ! Очаровательные снежинки из бриллиантов от Валерия Громова!..

Я влюбилась.

— Боже, Илья, это невероятно... Это мне?

— Ну да, тебе же сегодня двадцать шесть... Мне так нравится видеть тебя такой, Яна! — Илья снял с моей головы капюшон и помог застегнуть украшения.

Шел мелкий снег. Мы впервые поцеловались.

Небесный поздравление не прислал.

Отрезок 33 — самый короткий

— Ммм...

— И тебе доброе утро, дорогая.

— Дорогая?!

Я открываю глаза.

— Доброе утро, дорогой.

Небесный учил меня, что разум может управлять чувствами. Что любая эмоция проявляется сначала как ощущение в теле, и только потом — как психологический феномен. Между причиной эмоции и ее проявлением существует промежуток времени, за который вполне реально осознать ее и проконтролировать. Так почему бы сейчас, после того, как ночной Париж наполнился стонами любви, мне не направить поток своего сознания в это прекрасное состояние легкой эйфории?

Обнаженная, закутавшись в белоснежную простыню, подхожу к окну. Пам-пам-пам: снежинки разрисовывают индустриальный пейзаж сонного города. Илья наблюдает за мной. Прекрасное утро.

— Ты красивая, Яна.

— Сфотографируй меня, пожалуйста.

Я позирую своему новому мужчине в отеле на окраине французской столицы в последний день нашего пребывания в этом городе. Из одежды на мне только шедевр от Громова, если сережки с бриллиантами можно считать одеждой. Считаю, что поездка удалась.

Отрезок 34

А знаете, что мне больше всего не нравится во Франции? А я скажу, мне скрывать нечего. Больше всего в стране жабоедов мне не нравятся платные дороги! Стоимость такси за город, в аэропорт в нашем случае, резко увеличивается с учетом дорожных сборов. Подъезжаешь к будочке — десять евро. Потом еще десять евро... Выдохните и не переводите в национальную валюту. Развиваем стрессоустойчивость, чтобы добраться еще одним пунктом к успешному CV. Кстати о работе. После нового года надо срочно заняться поиском нового интересного и желательно масштабного проекта. Все-таки без телика жизнь Яны Орловой скучна и однообразна (уже слышу, как в этом месте вы присвистнули). Но увы, я действительно искренне скучала за заветными сессиями: «Разгон, камера, мотор, начали!» Начали...

Как Вы относитесь к неожиданным сценарным решениям, мой дорогой читатель? Если хорошо — жму вам руку, ибо последующий разговор в аэропорту «Шарль-де-Голль» поверг моего собеседника в легкий ступор. Он, видимо, не очень хорошо относится к неожиданным сценарным решениям...

— Как это ты не летишь домой, Яна?

— Илья, у меня другие билеты на другой рейс. Все просто.

Муров стоял среди международного аэропорта под табличкой «Departures» с абсолютно растерянным видом. Нет, а что он хотел? Чтобы я отчитывалась о всех своих решениях и передвижениях? Стоп, стоп, стоп. Мы так не договаривались.

— Яна, сегодня двадцатое декабря. До Нового года десять дней. Что все это значит?

— Илья, успокойся. С твоего позволения, я все же сама выберу, как, где и с кем мне отмечать мой самый любимый праздник.

Муров вмиг изменился в лице. Обида, ревность, злость. Бешеная смесь. Шторм.

— Ты летишь к своему Небесному, да?

— О нет, конечно, Илья.

Море успокаивается, но о штиле можно и не мечтать.

— Но на Новый год тебя не будет?

— Не будет. Ты волен делать, что хочешь. Это же праздник.

Море потускнело и загрустило. Мое тоскующее море цвета изумруда.

— Но я могу знать, куда ты летишь, Яна?

— Ты сам меня туда отправил. Ты же моя випассана.

С этими словами я подхватила свой чемодан и, резко развернувшись на каблуках, отправилась к стойке регистрации. Шубу можно сдать в багаж. Ближайшие десять дней она мне не пригодится.

Илья еще долго смотрел мне в след. Думал о чем-то своем, наверное...

Отрезок 35 (с названием даже)
«Как я отмечала Новый год 2015
в абсолютном одиночестве у черта на куличках».

Что вы слышали о випассане? Давайте попробуем погуглить, как сделала я в тот вечер, когда Илья впервые произнес вслух новое, доселе неизвестно мне слово. Итак, Википедия предоставляет такую информацию об этом «звере»:

Випассана переводится как «медитация прозрения», «видение как-есть» или «высшее видение».

Интересно, да? Я углубилась в изучение вопроса.

Существует также медитация випассаны, однозначно способствующая самоопределению и саморазвитию. Десять дней благородной тишины на краю света наедине со своими мыслями. Да, это действительно именно то, что я хотела.

Я попробую описать отрезок под номером 35 с должной долей своего специфического юмора, ибо все случившееся со мной далее — может показаться вам, как минимум, странным. Поехали.

Пункт моего назначения — Wat Tam Wua. Это буддийский монастырь, основанный на лесных традициях, расположенный в национальном парке. Прекрасное место — горы на севере Таиланда. По незнанию либо по другим необъяснимым причинам (опять же его Величество Рок, явно отговаривающий меня от этой затеи), меня разделило купить билеты на минивэн, и вся дорога от Пая до храма, а это, смею заметить, настоящий горный серпантин — представляла собой «схватку с самосознанием левел первый». Я то зажмуривала глаза, то открывала на секунду и с замиранием сердца снова быстро опускала веки — водитель заходил в поворот, как гонщик формулы один. Это были самые незабываемые два часа моей двадцати шестилетней жизни. Зато за время, проведенное в этом симуляторе американских горок, я успела вспомнить о своих близких, родных, друзьях и... Мурове. Хорошо ли я поступила с человеком, подарившем мне такой замечательный праздник? Да что там... с человеком, приютившим у себя в доме. Да что там... человеком, открывшим мне свое сердце. Нехорошо, наверное. Но совесть почему-то молчала. Может, не хотела вступать в заведомо бестолковый спор. Разум все равно победит.

Я ничего не обещала Илье и поездку запланировала до официального соития.

На прошлый Новый год я была самой счастливой девочкой, теперь — самой одинокой.

Все своими руками. Какая умница ваша Яна Орлова.

Около трех километров вгору, и я на месте. Стучусь в массивные двери. Главный монах-настоятель на вид лет сорока (хотя на самом деле ему, наверное, лет сто) оказался очень улыбчивым и доброжелательным человеком, слегка владеющим English. Долгих разговоров не было, не я здесь первая, не я последняя. Рассказала, что приехала из Украины и хочу попробовать на себе практику випассаны. Дядечка выслушал и жестом пригласил меня внутрь. Так передо мной открылись двери в увлекательное путешествие по собственному подсознанию.

В декабре в Тае относительно прохладно, и когда вместо моей одежды монахи предложили мне белую хламиду, я попробовала сопротивляться. Бесполезно. Ладно, надеюсь, не замерзну, и довольно аутентично. Так же безропотно согласилась на временное пристанище — бамбуковый домик без особых удобств: колченогий топчан вместо привычной кровати и узенький столик. Но открывавшийся из окон «хижины дяди Тома» вид перекрывал все недостатки размещения — зеленые горы в утренней дымке. На интершуме: водопад и птицы. Я на своем месте. И еще человек пятьдесят моих соседей со всех стран мира.

Кстати, оказывается, в Таиланде считается правильно хотя бы одного мужчину в семье отдавать в монахи на два-три года. Даже нынешний король в свое юношество был монахом. Перед каждым приемом пищи наш настоятель говорил нам, что все мы — ученики последователи, просто случайно зашедшие на огонек люди — very lucky people, мы находимся здесь, а значит, должны быть счастливы.

Счастье — что это? Как это? В нашем бешеном ритме жизни так редко можно встретить по-настоящему счастливого человека. Депрессия, сплин и хандра стали извечными спутниками жителей мегаполиса. Это если общими фразами. А если переходить на личности, то Яна Орлова, например, просто не умеет ощущать себя счастливой. Она то ли не помнит, то ли просто не знает, что это за состояние. То ли разучилась радоваться, то ли никогда не умела, да никто и не учил особо...

Випассана — хороший учитель. Только поначалу я не особо визжала от восторга, поднимаясь в четыре утра для медитаций. И честно скажу, просыпалась я перед рассветом не от дикого желания распевать буддийские мантры, а от того, что ноги превратились в льдинки и зубы отбивают дробь. Ночью температура опускалась до пяти градусов «тепла». Мой бамбуковый домик не отапливался, и два тоненьких полученных в день приезда пледа не спасали. Прибавьте сюда обязательное десятидневное «благородное молчание». В самом начале пути я дала специфический обет, отказавшись от любого вида общения: вербального, электронного и мобильного.

И даже старалась не пересекаться взглядами с такими же, как я, паломниками.

Первое время сложно, конечно. Ты остаешься наедине с роем своих мыслей. Живешь либо в будущем, либо в прошлом. Мечтаешь или вспоминаешь. Надеешься или сожалеешь. Я училась жить здесь и сейчас, не ждать нового и не грустить о былом. Это сложно. Еще сложнее — принять реальность такой, ка~~к~~на есть.

Мой наставник довольно метафоричен. В своих беседах он учит девочку с телевидения азам контроля над собой: «Ум наш подобен обезьяне, которой нужно все немедленно. Надо учить его терпению». Медитирую.

Вдох и выдох — реальны, все остальное — под вопросом. Кстати, о вопросах. Часами просиживая в позе лотоса (к пятому часу начинали ныть колени и, поверьте, просидеть в длительное время в этой позе с ровной спиной — очень сложно), я пыталась все же открыть дверь в собственное подсознание. И если не вызвать воспоминание о мадам Тюссо, то хоть попробовать достучаться до своей «крайней» матрешки. Помните, такая игрушка-сувенир была, когда одна матрешка в другую пряталась? Я знаю о себе все, кроме самой малюсенькой куколки. Есть та часть памяти, которую я однажды заблокировала для себя самой. Там — тьма, зажатая в тиски светлого разума. Что-то очень страшное, совершенное или всего лишь мелькнувшее мыслью, но успевшее задеть меня или близких мне людей. Нет, история с Михаилом (об этом опять же смотри «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ», Михаил — это мой трагически погибший жених) тоже под замком, но я все еще могу его вскрыть. А этот сейф в моей голове не поддастся никаким медитативным «медвежатникам». Что же там? Что я так усиленно спрятала в глубинах вековой памяти?

Почему я ощущаю просто противоестественную тягу к Александру Александровичу Небесному? Как это прекратить? И надо ли прекращать?

Но, как я ни пыталась унести себя в разные состояния и найти ответы на мучавшие меня вопросы, все мои попытки были тщетными. Кто-то (или что-то) явно не хотел достижения Яной Орловой полной випассаны.

Это были дни абсолютного спокойствия, умиротворения и... ничегонеделания. Да, оказалось, что бездельничать — сложнее всего. Читать, писать, общаться — строго запрещено. Что же остается? В свободное от медитаций время я часами лежала в парке на прохладной щекотливой траве и наблюдала за окружающей красотой. Листья — зеленые, по соседству летает птица с ярко-синим хвостом, бельчата прыгают туда сюда, gekkonчики маленькие ползают. Речной жизни, увы, такое времяпровождение нам недоступно.

Как-то очень быстро подошло тридцать первое декабря. Новый Год. Самый семейный праздник. В монастыре все делали вид, что его не существует.

Я впервые поняла, что скучаю.

В восемь часов погасили свет. Наш «лагерь» погрузился в блаженную тишину и сон прозрения. Весь лагерь, кроме меня. Ровно в половину двенадцатого ночи, натянув на «казенную» хламиду легкую курточку, я вышла из своего домика.

Маленькое озеро в горах Таиланда приютило на своем берегу маленькую девочку из Украины. В полночь я осталась одна на весь экзотический лес. Вообще-то я боюсь темноты и неизвестности. Но тогда, в новогоднюю ночь, не имея под рукой даже банального фонарика и малейшего представления, в какой стороне север, я была абсолютно счастлива. Абсолютная свобода сознания. Через сто лет меня уже не будет, а этот лес и озеро все так же будут принимать на аудиенцию заблудившихся в себе чудиков. Лично я выбираю их. И все больше склоняюсь к теории абсолютного гедонизма и действиям чистого разума.

Это именно то, чего я добивалась. Пора возвращаться.

Отрезок 36

*Жизнь не стоит огорчений и ограничений,
потому что когда некого любить — открываются все дороги,
на которых жадные руки сжимают тонкие талии в танце
под облаками и с неба кричат о вечности птицы голосами
забытых богов. Когда больше нечего терять —
приходит бесстрашие. Когда заканчиваются слезы —
начинаются улыбки. Иногда стоит просто так, на пробу,
перевернуть весь мир.*

Аль Квоттион

— Так ты все десять дней тупо молчала?

— Угу.

— А сложно?

— Сложнее начать разговаривать.

Говорить и разговаривать — это, кстати, два абсолютно разных занятия. А женские разговоры — это вообще уникальное явление, часто не поддающиеся ни здравому смыслу, ни какой-либо логике. Но все же приглашаю вас в нашу компанию. После новогодних праздников мы собрались вчетвером в «Maison»: я, Ксения, Наташа и Кира. Сергеева так плавно влилась в нашу компанию, что никто даже толком не понял, как это мы раньше собирались без ее вечной задержанности, взбалмошности, креативности и невероятной серьезности в тех вещах, которые наша мальчик-девочка считает своей профессией.

— Орлова, медиум ты наш доморощенный, ты делаешь невероятные успехи. Ты еще не дописала книгу, а люди уже говорят о презентации бестселлера. Точнее, это я делаю успехи. Кстати, дата та же — двадцать первое мая?

Ксения утвердительно кивнула головой. Ксю у нас отвечает за организацию литературной вакханалии.

— Я напоминаю, что первого мая у меня свадьба! Попробуйте прийти в тех же платьях, что и собираетесь на презентацию! — это в раз-

говор вступила наша невеста — Наташа, решившая сделать дельное замечание нашей совести.

— Да, май у нас будет плодородным! — Ксю открыла меню в поиске «чем бы себя побаловать».

— Крепче обнимай-май-май-май... — я совсем развеселилась. — Кира, а ты Небесного видела? Часы мои забрала?

— Видела и принца твоего, и часы. Они у него на столе лежат. Точно твои — с собачками.

Что-то кольнуло внутри. Надо срочно сменить тему, зря я, что ли, как монах, десять дней в горах Таиланда заседала. После вынужденного отшельничества, осозумно захотелось поделиться эмоциями и похвастаться впечатлениями.

— Девочки, смотрите, какие у меня сережки...

Ната первая потянула руку к моим ушкам.

— Валерий Громов! Снежинки! Откуда?!

— От верблюда! Только этот не плоется, а неплохо целуется...

И как только я набрала в грудь побольше воздуха, чтобы рассказать подругам о своих приключениях, в разговор влезла Кира.

— Яна, я тебе сейчас отправлю смс, ответь мне что-то в своем духе.

Конечно, разве интересна Кире Сергеевой моя личная жизнь! Нет, only working hard. Опять что-то задумала. Пиарщица.

Телефон «моргнул» два раза. Смс от Киры.

«Я пробила. Пингвин на твоей презентации будет».

— Кира! Что за хрень?

Серега выхватила у меня телефон.

— Ладно, я сама себе отвечу.

Я не особо и сопротивлялась. Пусть делает, что хочет. Наташа с Ксюшей переглянулись.

— Девочки, давайте, что ли, вина закажем! Столько времени не поделись, — Ксю решила взять штурвал сегодняшнего вечера в свои руки.

— Я, между прочим, применяю простейшие технологии для раскрутки ейной книги! — Кира ткнула в меня указательным пальцем. — Смею заметить — абсолютно бесплатно, а она носом крутит...

— Я не кручу носом, я в жизни не догадаюсь, что творится в твоей голове. Какой пингвин к чертям собачим, Кира? Где ты его возьмешь?

— Девочки, она совсем тупая, да? А еще писательница, жесьть... — Кира закатила глаза и театрально вздохнула.

— А вот уже оскорбление личности!

— Ой! Несите вино скорее, а то они подерутся! — Наташа в спешном порядке решила привлечь внимание гарсона.

— А так мы напьемся и начнем целоваться! — я пришла на помощь нашей подруге-невесте.

— Ты не в моем вкусе, я говорила... Ксю, а что по обложке? — Кира думает о работе двадцать четыре часа в сутки.

Кажется, мне с ней очень повезло. Ведь ее работа — это я.

— Дизайнер из Польши готова приступить к работе, нужен материал. Орлова, надо делать фотосессию.

Официант принес бутылочку вина и сырную нарезку. За окном шел снежок, родной Киев радовал своим все еще хмельным настроением.

— Не надо фотосессию. У меня есть фото. Кира, верни телефон на секунду.

— Если на секунду.

— Дай сюда!

Я выхватила из рук слабо сопротивляющейся пиарщицы свой телефон и продемонстрировала подругам фото из парижского отеля: сонная, обнаженная и очень нежная девушка. Настоящая Media Princess.

— Ну, как вам?

Кира встала со своего места, подошла ко мне и, нацепив очки, начала пристально рассматривать фотографию. Ее вердикт всех порадовал:

— Ну, очень может быть.

Осталось мнение Ксю — решающее. Все-таки ей предстоит заниматься продажами нашего совместного труда.

— Мне нравится. Только у меня вопрос.

 вернула телефон Сереге и непонимающе посмотрела на Симонову.

— Какой?

— А кто тебя фотографировал?

Пришлось в красках описать подругам свои предновогодние ка-никулы во Франции. Про психоделические идеи с переселением душ решила в этот раз не рассказывать, дабы уберечь вечер от громкого падения в бездну философии. Мои девочки такие, они могут.

— Орлова, вот как ты это делаешь? Раз — и поехала с мужиком во Францию! Раз — и зовет замуж! — Натали сделала глоток вина

 ала смелее в своих вопросах, но ей все можно — она у нас невеста. И сережки за пять тысяч евро — тоже подарок Мурова?

Я сделала глоток вина и утвердительно кивнула головой.

— Только я за него замуж не пойду, я Небесного люблю!

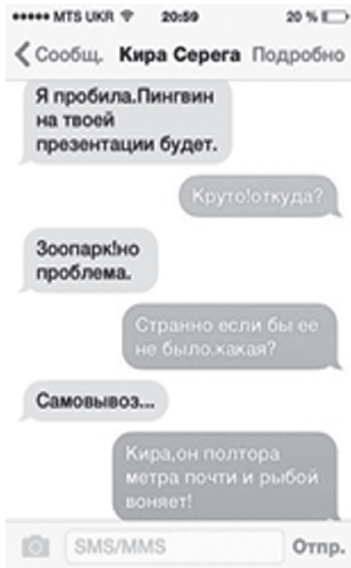
— Ой, началось... Я вот замуж выхожу — мне простенькое колечко подарили, и медовый месяц в Хмельницком намечается, на родине жениховской. Любовь — это бонус, но вовсе необязательная процедура. Главное — уважение, — с высоты своего возраста и житейского опыта Наташа, скорей всего, глаголила истину.

Но ведь на чужих ошибках учиться — это моветон. В основном все набивают собственные шишки.

— А меня вообще замуж не зовут... — это загрузила наша актриса Ксюшенька.

— А я вообще замуж никогда не выйду! Потому что я лесбиянка!

Мы все рассмеялись. И подняли бокалы. Шикарный тост: «Каж-
дому — свое». В ленте новостей на Facebook появилась картинка и почти сразу под сотню «лайков»:

 таки самое главное в любом деле — команда таких же чокнутых единомышленников.

Что такое телевидение? Это особая каста людей, прекрасно обходящихся без сна и получающих истинное удовольствие от слов «доля двадцать».

Я — телевизионщик до мозга костей, и вряд ли смогу когда-нибудь себя представить в роли бухгалтера, менеджера по продажам или администратора элитного ресторана. Мне нравится ненормированный график и бешеный темп моей профессии, ее непредсказуемость и вечные цейтноты. Мой слух ласкают такие слова, как: «запись, монтаж, сдача, правки, эфир». Кстати, только что я вкратце пересказала схему создания телевизионного продукта. Мне безумно хочется, чтобы вы, мой дорогой читатель, тоже прониклись этим духом бесконечного авантюризма под названием «телевидение». Именно поэтому я хочу посветить парочку отрезков жизни Яны Орловой описанию активной трудовой деятельности обычной Media Princess.

Утро февраля началось со звонка:

— Орлова, есть проект, приезжай в офис.

Специфика нашей работы — в сезонности, а точнее «проектности». По сути, телевизионщик живет от проекта до проекта. Иногда, как в моем случае, случаются простои. Но хорошо все то, что хорошо заканчивается. А у нас — стартует.

Стартует шоу, перевернувшее мир.

Действующие лица:

Миссис Шеф — строгий, но справедливый начальник всего производства. Генеральный продюсер. Как в фильме «Бриллиантовая рука», в моем life-кадре появляется редко, но с определенной долей шарма и загадочности. Стильная, в курсе всех модных событий. Руководит всем.

Господин Режиссер — концентрация креативности на квадратный сантиметр мыслей превышает стандарт в десятки раз. Ловить слова Господина Режиссера и трансформировать их в действия — прямая задача суперредактора.

Суперредактор — это я (вообще на проекте нас четверо). Главное умение суперредактора — держать в голове километры информации и быстро реагировать на команды Директора Паники.

Директор Паники — это наш шеф-редактор. Тридцать лет, женат, умен, прекрасно выглядит: спортивный, подтянутый, ухоженный. Умеет все. Разговорить героя на откровенное интервью, похвалить новое платье суперредактора и в срочном порядке (Директор Паники как никак!) сделать 100500 табличек с отчетами для Телевизионщика-со-стажем.

Телевизионщик-со-стажем — это наш креативный продюсер. Он умеет тоже самое, что и Директор Паники, только без паники. Он уже видел жизнь, он уже все понимает. Ему нужны только рейтинги, ничего личного. Настоящий ламберсексуал. Короткий ликбез: основные признаки ламберсексуала — это большая, но ухоженная борода, простая одежда и нарочито грубоватый и простой внешний вид. Стиль ламберсексуалов стал антитезой стилю метросексуалов — ухоженных мужчин, предпочитающих дорогую модную одежду. Носит круглые стильные очки.

Нет, на проекте, конечно, еще масса людей: режиссеры, звукачи, осветители, администраторы, линейные продюсеры, водители, повара, психологи и даже врачи. Но я обозначила тот костяк, без которого все вышеперечисленные не смогут продуцировать качественный телевизионный продукт. Все — от руководства.

Отрезок 38

 приглашаю вас на обычное pre-party телевизионщика. Собрание перед съемками. Некоторые фразы и слова могут вас шокировать. Действительно, для человека непосвященного атмосфера стеклянного кабинета нашего начальника может показаться пропитанной цинизмом и сарказмом. Но это не так. А нет, так. Шучу.

Кабинет Телевизионщика-со-стажем. Нас пятеро: я, три моих коллеги-редактора — Каринэ, Игорь, модная блоггерша Окса, Директор Паники и непосредственно сам шеф.

Мы зачитываем синопсисы героев. Синопис — это краткое изложение душещипательной истории участника. Да, сейчас меня могут мои коллеги поругать, но я дам совет для тех, кто во что бы то ни стало стремится попасть в «ящик». Думаю, я не открою для вас, мой читатель, Америку, если скажу, что перед телевизионным эфиром — проходит кастинг кабинетный. Отправляясь на пробы в любое телевизионное шоу — заранее продумайте свою «историю». Подойдет неразделенная любовь, неверие близких, похудение на 100500 килограмм. Конечно, если таланта нет — только посмешите продюсеров, но при наличии дара — однозначно упростите работу редакторов, а соответственно, найдете в их лице поддержку, понимание и прекрасно смонтированную «визитку».

Директор Паники что-то записывает в ноутбуке. Страшно представить, что именно. Телевизионщик-со-стажем поправляет очки и внимательно слушает устное изложение обработанного материала. Каринэ вещает.

— Эту участницу парень бросил за то, что она пошла на шоу.

— Отлично!

Это Телевизионщик-со-стажем комментирует. Не подумайте, что он какой-нибудь «Доктор Зло». Вовсе нет — в обычной жизни это милейший человек. Но на работе — милейших нет, только профессионалы, знающие, как сделать так, чтобы зритель «вернулся» после рекламы.

— Скажите кастингу, пусть его разыщут и приведут тайно. Нам нужны эмоции.

Каринэ кивает головой и записывает.

— Ну, у нее сейчас есть вроде новые отношения.

Работа редактора — включает в себя детективные навыки и умения. Мы собираем информацию о своих героях. И тут отдельное спасибо Цукербергу. Социальные сети значительно упрощают жизнь обычного editor'a.

— Какая шустрая. Ей в другое шоу надо. Помните, было «Любовь с первого взгляда»?

Мы помним. Мы знаем все форматы наизусть. Это же наша работа. Наш коллега Игорь выглядит растерянным, он никогда не работал в студийных шоу формата «реалити». Он альщик, привыкший к двенадцатичасовым сменам, календарно-постановочному плану, размеренной и спокойной работе постановочных съемок. О-о, не сюда.

— У моей героини проблемы с алкоголем. Наверное, нужен психолог... — высказывает предположение Игорь.

— К черту психолога, давайте интервью соседей, — Телевизионщик-со-стажем быстро ориентируется в ситуации. — Орлова, что у тебя?

— У меня стандартный набор: печальки-расставашки и успех любой ценой.

— Подробнее, — Телевизионщик-со-стажем требует деталей.

Иногда в мелочах вырисовывается совсем другая история.

— Он — бывший строитель, работяга. Всю жизнь батрачит. И однажды ему сказали, что он хорошо поет...

— Стоп. Это история не про успех любой ценой, это о поиске своего места в жизни. Это интересно, это мотивирует. Бери в разработку, Орлова, — Телевизионщик на то и со стажем, что сразу зрит в корень.

Следующие полчаса прошли в подобном мозговом штурме. Позже в кабинет вошел Господин Режиссер, окончательно поставив резолюцию на наши сценарии. В конце собрания Директор Паники раздал нам таблицу — «основные тезисы встречи». Нет, надо его переименовать в Главный Мозг сценарной группы.

Отрезок 39

Перед самым началом съемочной сессии я дала себе четкую установку: никакой личной жизни на ближайшие две недели. И объясню почему: для того, чтобы продуцировать максимум энергии для бесконечных интервью с десятками людей, разум должен оставаться чистым от всякого рода волнующих мыслей. Нельзя думать о предстоящем свидании, расспрашивая героя о двух разводах. К тому же, тяжело планировать встречи в короткий промежуток между двумя часами ночи и восемь часов утра. Стандартное время окончания и начала записи. Да, как я уже и говорила, главное умение телевизионщика — это умение не спать.

Я не виделась с Ильей с прошлого года. Как звучит-то... Интересно, как он там?

Написала сообщение: «Ухожу в дальнее путешествие. Твой ледокол „Орловушка“». А в ответ — тишина. Обиделся, значит. А на обиженных воду возят, между прочим. Разберемся.

Я очень люблю картину Шишкина «Утро в сосновом лесу». А еще больше я люблю картину «Утро на площадке»: все то же самое, что у Шишкина, только мишки — сонные и вместо шуб — пуховики, шарфики и шапки. На ближайшую неделю макияж, каблуки и платья — остаются за бортом. Мама моего друга Славки и по совместительству крутого редактора, увидев сына после трех дней съемочной сессии, обозвала его «бомжом». На что наш смекалистый друг возразил:

— Мама, я не бомж, я тв-хипстер!

Это выражение прочно вошло в наш обиход. В павильоне холодно. Мы с моей напарницей Каринэ — в костюмах тв-хипстеров, как всегда, опаздываем на полчаса, но все равно приезжаем раньше руководства. Есть время для утреннего кофе.

— Как тебе декорации? — Каринэ делает глоток эликсира жизни и открывает наконец-то глаза — все-таки восемь утра, понедельник.

— Надо запостить парочку крутых луков, типа мы на телике работаем...

— Гы-гы-гы, — Каринэ достает сигарету и начинает наконец-то адаптироваться в нашем телевизионном социуме.

Главная сцена страны оборудована сверхмощным оборудованием: здесь самый качественный свет и звук. Это отправная точка в будущей карьере каждого из наших «подопечных». Для кого-то из них две минуты выступления станут космической ракетой, запущенной в космос всенародной любви и признания, а кто-то навсегда поймет, что не судьба...

— Кар, прикинь, у меня участница пятый раз приходит на шоу. И все никак.

— А что говорят? — Каринэ заинтересовалась моим «клиентом».

— Говорят, что нет таланта! А она пять раз приходила, чтобы доказать, что это не так.

— Ну ничего, осталось пару часов до того момента, как чувак, сказавший это пять раз, окажется прав в шестой.

Мы с Кар переглянулись и рассмеялись. Уфф, я бы в жизни не смогла выйти на эту сцену: от страха бы все парализовало. Какой там еще петь!..

А наши участники — самые талантливые ребята со всей страны — поют, переживают, побеждают и завоевывают всенародную любовь! Невероятно...

Возвращаемся ночью после съемок домой по заснеженной дороге под музыку Баха. На часах — начало третьего. В машине я и Каринэ. В костюмах тв-бомж-хипстеров. Уставшие, но довольные.

— Орлова, а можно что-нибудь веселее включить?

— Веселее мы сегодня слушали целый день.

Но я машинально тяну руку к проигрывателю и слышу какой-то непонятный звук, скрежет тормозов, что ли. Поднимаю глаза на дорогу: мамадарагая, нас несет прямо на «встречку». Нет! Нет! Нет! Я уже попадала в аварию — проваливалась на машине под землю (в «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ» подробно описана эта история). Нет! Нет! Нет! Пошла от меня вон, беззубая старуха, я тебе так просто не сдамся! Я столько раз увиливала из твоих рук, что пора бы привыкнуть к мысли, что нам с тобой не по пути!

Слышу свой голос, как будто со стороны:

— Кар! Выпрыгивай! Я не управляю!

На самом деле все происходило очень быстро. В доли секунд мой мозг подключился к накопленной в подсознании информации (вы себе даже не представляете, сколько там хлама на самом деле хранится), и что я вспомнила: когда-то Орлов учил меня, что на скользкой дороге нужно тормозить двигателем. Бросаешь газ и движешься на передаче. Двигатель остается подключенным к трансмиссии, и, таким образом, скорость падает.

Мы останавливаемся в миллиметре от отбойника. Эпическое окончание первого съемочного дня: набережная Днепра, мелкий снежок. Кар в шоке. Я тем более. Вышли из машины. Закурили.

— Охренеть, Орлова.

— А че ты не сиганула из машины, Кар?

— А ты бы как тогда?

Обнялись. Вот оно — крепкое телевизионное братство. Это нам за грехи наши тяжкие. Что-то, значит, я делаю не так, раз «верхние» решились меня повоспитывать таким способом.

Уже под домом я поняла, что потеряла ключи от квартиры. Рука потянулась к телефону, зашла на Facebook. Муров не в сети. Пропущенный месседж не прочитан. Снова оставила ему сообщение: «Ледокол терпит крушение. SOS!» Самое неприятное, что может произойти, — это если мне вдруг станет неинтересно.

На часах — начало пятого. Можно и в машине поспать. В феврале.

Одиночество

*Когда теряет равновесие
твоё сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, —*

О Да Любви

ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и — кстати — самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.
Но лучше поклоняться данности
с глубокими ее могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми.

Да.

Лучше поклоняться данности
с короткими ее дорогами,
которые потом
до странности
покажутся тебе
широкими,
покажутся большими,
пыльными,

усеянными компромиссами,
покажутся большими крыльями,
покажутся большими птицами.

Да. Лучше поклоняться данности
с убогими ее мерилami,
которые потом до крайности
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромающие истины
на этой выщербленной лестнице.

Иосиф Бродский

Отрезок 40

Последующая съемочная неделя прошла без каких-либо эксцессов, и в последний день вся наша дружная команда юных драматургов получила одобрителный кивок от Миссис Шеф (это почти как Оскар у киношников), скромную похвалу от Господина Режиссера (Грэмми у музыкантов), смс-поздравление от Телевизионщика-со-Стажем (Пулитцеровская премия у писателей) и звонок от Главного Мозга:

— Встречаемся завтра на монтаже!

И это классно. Жизнь вошла в свое обычное русло. Днем суперредактор Яна Орлова резала «рыбы» и утверждала «визитки» героев, а по ночам — продолжала писать книгу о жизни обычных девочек с телевидения. Ксю прислала обложку на утверждение. Красиво. Париж, силуэт обнаженной девушки и «белый шум» по фону. Атмосферно.

— Сколько тебе еще осталось написать, Орлова? — Ксю решила проконтролировать ситуацию утренним звонком.

— Я сейчас на том моменте, когда ты решила губы увеличить.

— О боже, а про это-то зачем рассказывать?!

— Верь мне, Ксю. Я напишу хорошую книгу.

— Дата?

— Двадцатого апреля ты получишь готовую рукопись для верстки.

Итак, дедлайн выставлен. Я открыла ноутбук и сделала запись: «Бойтесь бить в человеке бога, чтобы не задеть в нем дьявола». На этой глубоко философской идее поток мыслей закончился. Краник перекрыли, я не могу творить. Телефон моргнул два раза. Смс.

«Что тебе снится, крейсер Аврора?» — Илья наконец-то решил дать о себе знать.

«Я затонувший во льдах Антарктиды маленький ледокольник», — мой ответ.

«Да тебя даже тайфун не потопит, милая. Я соскучился».

«Я тоже».

Надеюсь, что именно ради этого сообщения я чуть не разгрохалась на зимней дороге. В город пришла весна. Я почти подбиралась к финалу истории Небесного и Орловой.

О Да Любви
Отрезок 41

*все просто и сложно,
и я не приеду
к тебе этим вечером, как обещал.
живи осторожно:
плохая примета
любить того, кто
о тебе забывал.*

*мои от рки — слова на участие
в твоём марафоне из слез и обид.
я с каждой весной
становлюсь чуть несчастнее,
счастливый из гордости делая вид.*

*счастливый из горести,
чтоб не заметили,
как голос все глуше
и глубже звучит.
я буду героем одной только повести,
где после финала читатель молчит.*

*я с кровью в дыхании
к тебе обращаюсь
с призывом простить,
дать дорогу назад.
плохая примета
прощать уже раненных,
которым лишь выстрелом
жизнь облегчат.*

Pavel OrLove

— А как, ты думала, произойдет наша встреча? Ты бросила меня в аэропорту в канун Нового года, Яна.

Мы сидели на муровской кухне и пили чай с зефиром. Действительно, а какой должна была быть наша встреча? Как на пляже в Калифорнии? Или на стоянке МакДональдса? Или на заснеженном пляже? Или на крыше самого элитного отеля столицы? Нет, сюрпризов не будет. Начать жизнь с чистого листа — просто. Главное — любовь. Я не совсем уверена, что это понятие не эфемерное. Но попробуем хотя бы имитировать ее наличие.

— Ну, хочешь, поругай меня.

Я, как кошечка, забралась на колени к Илье и обвила шею своего нового «возлюбленного».

— Ну, Илья, я так соскучилась...

— Я знаю, что ты меня обманываешь, Яна. И не знаю, зачем тебе это надо. Ты же сильная девочка.

Я фыркнула и запрокинула голову назад. Я сильная? Да я слабее всех самых слабых личностей мира! По крайней мере, мне бы очень этого хотелось. Илья провел рукой по моим волосам. Когда мы уже начнем целоваться?

— Яна, сильные чуваки не ищут замену человеку, который был им дорог, а смотрят в упор в ту пустоту, которая образовалась после его ухода. Слабые в эту пустоту пытаются запихнуть кого угодно, лишь бы создать иллюзию, что в их жизни нет пустых мест. Понимаешь?

— Ты прав. Мне пусто, Илья. А ты очень много говоришь, вместо того, чтобы заняться делом.

Муров понял мои слова как сигнал к действию, закинул меня на одно плечо и отнес в спальню. Двери захлопнулись. Подглядывать нехорошо ☺.

Через пару часов (да-да, завидуйте Яне ибн Олег, товарищи) я сидела на кухне, завернувшись в одеяло, и смотрела, как Муров готовит блинчики. Подгоревшие комочки — это его коронное блюдо. Вроде все у меня есть: любимая работа, лучшие в мире подруги, все здоровы, я в шаге от исполнения своей мечты, и вот даже зеленоглазый брюнет исполинского роста кашеварит на моих глазах. Где же счастье, мать его? Конечно, круче, когда тебя называют «последним вари-

антом, с кем можно встретить Новый год», отрывают зубами кусок щеки и заставляют бесконечно рыдать. Я взяла в руки чайную ложечку и мельком глянула в отражение: «Нет, Яночка, ты — как хочешь, а я свой выбор сделала». Нехорошая девочка из маленького зеркала подмигнула. Началось... От деструктивных мыслей отвлек свист закипевшего чайника.

Я подскочила, чтобы выключить огонь.

— Ай! — резко схватила себя за мочку уха, обжегшись паром.

Так ведь реагируют люди, когда им больно?

— Яночка, ну что ты как ребенок... — Муров поднес к губам мою руку.

Я разревелась.

— Яна, так сильно болит? Ну давай я за пантенолом сбегая...

От этих слов меня накрыло еще больше. Да, больно, Илья, больно... Только с детства Яна Орлова тренировала свое восприятие болевого порога, поднося раскаленную ложку в запястью, там, где самая нежная кожа. С каждый разом увеличивая время возможного терпения. Я почти не чувствую физических страданий. Но мне больно, Илья, больно от того, что я не люблю тебя и не люблю, наверное, никогда.

Однажды я уже играла в эту игру и с треском проиграла (это я об истории с Павлом², «бутафорный» роман с которым привел к трагическим последствиям).

«Даже не смей! Даже не смей! — грозит мне девочка, отражающаяся в никелированной поверхности чайника. — Прекрати истерику, зрительный зал пуст!»

Я повинуюсь командам своей альтер эго из нематериального мира и замолкаю.

— Да брось, до свадьбы заживет... — вытираю шмыгающий нос рукой и пробую улыбнуться.

Муров сел напротив, скинул с меня одеяло и сложил руки на груди. Я поежилась от холода, но это было сексуально. Илья меня разглядывал.

² Павел — герой романа «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ», друг Яны Орловой, трагически погиб на следующий день после того, как героиня разорвала с ним отношения

— Борис Годунов, Яна, умер от мук совести. То, что ты вспоминаешь Павла и его преждевременную кончину, — это нормально. Но прошу тебя, это случайность. Твоей вины там нет.

Я рефлекторно вернула покрывало на стратегическую позицию: тело я еще могу приоткрыть, а вот душу оголять совсем не хочется.

— Ты и это знаешь?

— Знаю. Как по мне, для одной девочки испытаний вполне достаточно.

— А у тебя? Какие испытания были у тебя, Илья?

— Я никогда не знал своих родителей, например. А теперь расскажи о том времени, когда тебя звали Аней и ты умела любить.

Умела любить? Я подтянула ноги к груди и, запрокинув голову назад, рассмеялась. Это была жуткая насмешка, хохот в лицо, пощечина той, которая всегда гуляет где-то рядом.

— Я позволила смерти забрать у меня любовь. Как тебе такая Яна Орлова?

Медленно, слово за словом, как шаг за шагом, я снова проживала тот летний вечер, когда в последний раз видела ярко-синие глаза Михаила — моей первой любви — открытыми и полными жизни. Но иногда действиями людей управляет рок.

Лето две тысячи пятого. Я и мой жених Миша отправляемся в Крым. Мы молоды, влюблены и счастливы. Впереди — вся жизнь. Мишка — высокий блондин с синими глазами. Небесно-красивый. Странно звучит здесь «небесно», не так ли? Это были самые счастливые дни в моей жизни. Я уже «мельком» рассказывала о том путешествии. Днем мы совершали заплывы на дальние расстояния. Вечерами пели песни. Я говорила, что Миша погиб. Но я не рассказывала как. Я помню каждую деталь того рокового дня и, уж тем более, тех роковых часов. Мы сидим на берегу моря, в одной из бухт Нового Света. Это последний день нашего турне. Я улыбаюсь и ловлю солнечные зайчики маленьким зеркальцем. Мишка берет мои руки в свои и смотрит прямо в глаза. Легкие мурашки пробегают по моему телу, в его взгляде явно читалась ложь.

— Аня, мне надо тебе кое-что сказать.

Да, вам не послышалось. Тогда меня еще звали Аней. Если прочитать имя «Аня» наоборот получится «Яна». Забавно, не правда ли?

— Мишенька, родной, говори, конечно. Что случилось?

— Аня, я не люблю тебя больше, прости. У меня есть другая девушка.

Это была та самая первая боль, которую человек запоминает на всю жизнь. Измена — это как вырвать сердце из груди, а оно еще живое. И стучит... и стучит...

— И давно?

— Аня, прости... я знаю, надо было раньше сказать.

Он говорит — «прости»... Это «прости» отдается эхом у меня в голове. Простить за предательство? Ах, как же больно! «Раньше сказать». Да, наверное, стоило сказать раньше, чем мы обручились, к примеру. Я не говорю ни слова, только слезы катятся по щекам. Страшная тишина. Но мир не остановился, в мире — закат.

Красное солнце садится в синее море.

Миша не выдерживает моих слез и заходит в воду.

— Не могу тебя видеть, Аня.

Он отдаляется от берега все дальше и дальше. Я сижу на пляже и смотрю в одну точку. Я где-то в лимбе. Внезапно я замечаю, что Миша как-то странно дергается. «Странно, он хорошо плавает», — думаю я. Ветер доносит его крик:

— А-а-а-н-ня... п-п-помоги... нога... судорога-а-а... помог-г-и-и... А-а-а-н-н-я...

Человек способен на невозможное, а тем более перед смертью. Я слышу этот нечеловеческий крик и ничего не понимаю. Оглядываюсь по сторонам — никого. Неужели он это мне кричит? Так громко! Но ведь он только что говорил, что не любит меня больше, что не хочет видеть. Его желание исполняется. Что же он кричит? И помочь некому... Я глянула в маленькое зеркальце: ах, слезы мне совсем не идут...

Фигурка вдалеке еще раз трепыхнулась и больше не появлялась над водой. И солнце село. И во мне что-то оборвалось.

А как будто и не было этого вовсе.

Я не успела спасти Мишу и проиграла первую партию этой беззубой старухе. Потом были еще поражения...

Судьбе, при всем предельном отчуждении от тех, кто находится под ее воздействием, есть дело до каждого. Тем самым судьба — это

всего лишь внешняя сила, которая сводит человеческую личность к всеобщему безличному приговору, что делает ее неким «небесным» аналогом земного тоталитаризма. Не убежишь, не уйдешь, не спрячешься. Я не так ее боюсь, как одиночества.

Но победа все равно будет за мной, обещаю.

Не выдержав собственного рассказа, я разрыдалась. Илья гладил меня по голове и молчал. Сдержанное молчание, прерываемое тяжелыми вздохами. Вечер откровений перерос в утро принятого решения: мы не встречаемся, не друзья, не враги и не любовники. Мы просто вместе. А там как будет.

— Илья, у меня только один вопрос: откуда ты все это обо мне знаешь?

— Яна, в мире, где люди боятся только одного — забыть пароль от Facebook, тяжело хранить информацию в секрете. Все-таки я аналитик в международной компании — сопоставил все факты, но не знал детали. Ты рассказала.

Зачем я это сделала? Теперь я обезоружена и готова принимать нож в спину.

Да здравствует апрель!

Отрезок 42. «Знакомство с Геральдовой»

Ну, погрустили и будет. Жизнь продолжается, а с ней и книга пишется.

Ей богу, вы, дорогой читатель уже знаете всех мои подруг. Но одну девушку я оставила на десерт. Знакомьтесь, кандидат психологических наук, психотерапевт с двадцатилетним стажем — прекрасная женщина-пантера Рыхальская Елена Геральдовна. Она же наша «скорая помощь» при всех душевных расстройствах.

Лене — чуть больше двадцати ☺. По крайней мере, на столько она выглядит. Статная брюнетка с необычным прищуром слегка раскосых проникновенных глаз. Я не зря назвала Елену пантерой, именно

так она подписана у меня в телефоне: ласковая, как кошка, но если надо — и горло может перегрызть. Отлично водит машину, тем более, если это белоснежный внедорожник люкс-класса. Замужем. По любви. Однозначно нам есть чему у нее поучиться. Именно поэтому раннее утро воскресенья началось с чашки кофе в офисе у главного психолога страны.

— Лена, спасибо, что пригласила нас с Ксю. Чувствую, нам давно пора мозги прочистить.

Ксю, услышав свое имя, повернулась и вклинилась в разговор:

— К тому же, эта, — Симонова ткнула в меня пальцем, — пишет книгу для девочек. Ей, как никому, надо посещать занятия дипломированного специалиста. А то еще надает советов...

Я взяла со стояла яблоко, откусила и, сделав умный вид, парировала:

— Я — литератор, публицист. Я призываю читателя не слушать меня, а выслушать...

Лена рассмеялась и указала на дверь аудитории.

— Входите, только вас ждем.

Мы зашли в помещение. Попробую и вас на время переселить в нашу комнату «уют, спокойствия и новых знаний»... Несмотря на то, что за окном ранняя весна с ее типичными для Киева дождями, здесь светло и совсем не пасмурно. Стены — ярко-салатового цвета, пахнет булочками с корицей и свежемолотым кофе. В центре — стол в форме яйца, на нем угощения: конфеты, яблоки, печенье, фрукты. Все располагает к долгой, вдумчивой беседе...

Девочки ведь такие девочки! Кроме нас с Ксю, еще восемь студенток. Тема сегодняшнего урока «Субличности женского начала». Орлова Яна достает блокнот, внимает, слушает и записывает. То, что в каждом из нас живут абсолютно разные люди, я, конечно, догадывалась. Но как научить их уживаться вместе? Вот в чем вопрос.

Кто та милая «девочка» из зеркальца, которая включается в игру каждый раз, когда ее не просят? Способна ли она навредить мне снова? Ведь делала это уже не единожды.

— Девочки, возможно, удивлю вас, но в каждой из вас природой заложено восемь разных ипостасей.

— Как в фильме Озона — восемь женщин? — я чуть не подпрыгиваю на стуле от радости.

Я догадывалась, что все у гения режиссуры не просто так!

Елена Геральдовна кивает головой и продолжает свою речь:

— Хозяйка, друг, самка, муза, королева, девочка, идеальная женщина и ведьма.

Легкий смешок по аудитории.

— Да, девочки, святая инквизиция была права — мы существуем.

Я толкнула Ксю локтем и шепотом решила повеселить подругу:

— Ведьму сжечь! Но она же красивая... Ладно, но потом сжечь...

Тихонечко хохочем, нарушая дисциплину.

— Девочки, тише! Я сейчас все объясню, — Елена Геральдовна передает по классу раздаточный материал.

Тесты на доминирование субличностей. Я отгрызаю ластик у карандаша и начинаю ставить галочки возле предложений, характеризующих мое поведение:

«Мы работаем вместе».

Черт. Вспомнила, как познакомилась с Небесным. Я пришла устраиваться к нему на работу, думая, что дверь мне откроет болотная жаба разлива высокого руководства. Но за столом сидел светловолосый принц с синими глазами.

«Наши отношения начались не со страсти».

Вспомнила, как Алекс предложил мне джин и разрешил курить сигареты, не выходя из офиса. В качестве исключения. В тот момент сердце мое было разбито экс-кавалером Владимиром, я ревела, а Сашка как настоящий друг подставил свое плечо, чтобы я не разбилась о стену на бешеной скорости собственных эмоций.

«Мы с партнером большие друзья».

Вспомнила, как мы с Сашей когда-то ходили на премьеру нового фильма. Я пришла в свитере с оленями, он как настоящий друг снял пиджак и разлохматил волосы. Два стера гордо прошли по красной дорожке под вспышки фотокамер, в окружении дам в вечерних платьях и кавалеров в галстуках. Мы были друзьями, наверное.

«Люблю целоваться в губы».

Вспомнила, как в день моего прошлого дня рождения мы с Сашей целовались в машине на заснеженном пляже. Я сказала, что выхожу замуж, он сказал, что ему нравится меня целовать. В ту ночь я впервые стала его.

«Если я узнаю об измене — буду рыдать, кричать, обвинять, напьюсь, убегу в ночь...»

Хм, возможно, так и надо было сделать. Грызу карандаш и продолжаю отвечать на вопросы.

«Если все от него отвернуться по его же вине — я останусь рядом».

Яна Орлова крайне предана тем, кого однажды умудрилась полюбить.

И что мы имеем? Все по Хемингуэю: «Незнакомцы. Друзья. Лучшие друзья. Любовники. Незнакомцы». Старая как мир история.

Однажды Хемингуэй поспорил, что сможет написать самый короткий рассказ, способный растрогать любого. Он выиграл спор: «Продаются детские ботиночки. Неношенные» («For sale: baby shoes, never worn»). Дальше у писателя родились еще больше десятка самых коротких, но от этого не менее пронзительных историй из шести слов. Вы можете погуглить и почитать, это интересно.

Но интереснее, конечно, изучать собственную жизнь. Вернемся к занятию.

Елена Геральдовна попросила нас подсчитать результаты и я ужаснулась: в моей личности напрочь отсутствует «хозяйка».

— Ксю, что же делать?

— Начинай печь пирожки. У меня хуже.

Я заглянула в лист подруги, который она спешно прикрыла рукой.

— Ну, Ксю, покажи...

— Мне стыдно.

Я выдернула бумагу и расхохоталась. Возле ответов с пометкой «самка» были сплошные галочки.

— Да ты просто секс-богиня, Ксю! Чего ж ты раньше молчала-то?!

Елена Геральдовна покосилась в нашу сторону:

— Девочки, что там такое?

Ксю густо покраснела и решила «перевести стрелки»:

— Выяснилось, что у Орловой на генном уровне выключены функции заботы, ухаживания, милосердия и сострадания к окружающим!

Симонова показала мне язык и отвернулась. Наша психолог улыбнулась и вынесла вердикт:

— Девочки, главное, что мы определись, какая субличность «спит», а как ее разбудить — я вас научу, не проблема.

До вечера мы просмотрели десяток фрагментов из фильмов о не легкой женской судьбе, насмеялись, отдохнули и слегка упорядочили полученные знания.

— Леночка, спасибо огромное за семинар. Если бы могли затащить к тебе всех наших подруг, в нашем мирке бы совсем не было несчастных женщин...

Елена снова улыбнулась своей кошачьей лукавой улыбкой и ответила:

— Но я бы тогда осталась без работы, а ты, Яна, не написала бы книгу. Удачи, надеюсь наше занятие тебе поможет — ты сможешь ярче описать образы своих героинь. Кстати, на самом деле, помимо восьми сублинностей, существуют еще индивидуальные, которые каждую конкретную женщину делают неповторимой.

— Например?

— Например, ты, Яна, — «белая ворона».

Хорошее сравнение. Я глянула на стоящую в проеме Ксю и чуть было снова не расхохоталась:

— А у меня есть на примете «белый кролик», такие способности к размножению...

Симонова выскочила из комнаты, даже не попрощавшись. Ох и достанется мне в машине!

Хороший день, правда. Только, внимание, вопрос: какого черта, заполняя тесты, я думала о Небесном?!

Отрезок 43

В офисе канала — обычные «монтажные» будни. С самого утра я зашла в опен-спейс к команде расшифровщиков за новой порцией материала. Стоп! Вы же не знаете, кто такие расшифровщики и что они делают! Вещаю.

Расшифровщик — это самый главный человек на проекте после самого главного продюсера. Ибо если расшифровщик не отдаст вовремя материал — расшифровку, редактор не напишет сценарий — режиссер тажа не смонтирует видео — режиссер не «подправит» картинку — шеф-редактор не внесет правки по тексту — креативный продюсер не скажет: «все плохо, переделываем» и, наконец, — самая главная продюсер не напишет заветное: «Ок». Так кто же такой расшифровщик?

Это мегачеловек с такими суперспособностями, как: быстро печатать и абстрагироваться от внешнего мира. В обязанности этого «супермена» входит просмотр материала и описание всего увиденного двенадцатым шрифтом Times New Roman. Желательно со всеми мельчайшими подробностями. Это делается для того, чтобы такой редактор, как Яна ибн Олег Орлова, не сидел ночами, слушая интервью, а сразу читал ленту и выбирал нужные синхроны. Ой, опять прошу прощения за непонятную лексику. Синхроны — это когда в кадре сидит на стуле человек и говорит какие-нибудь важные вещи. Работа расшифровщика — это колоссальный и необходимый на любом продакшне труд. У нас работают самые креативные шифровальщики. Иногда в тексте сразу идут вполне уместные шутки, пометки о характере героя и т. д. Дружить с этими ребятами полезно любому редактору.

Получила на руки километры отшифрованного видео. Пачка листов А4. Время погружаться в увлекательное изучение материала.

Кстати, Орловой повезло. Она знает приемы «вертикального чтения». Хотите и вас научу?

Для того чтобы прочесть один лист А4, нужно двадцать секунд, а если читать его целиком, накрывая взглядом всю плоскость, — шесть. Это очень просто на самом деле. Надо фокусировать внимание

не на одной точке, а на всей странице, и не скользить взглядом по строкам, а как бы накрывать взглядом-куполом весь лист. Информация воспринимается быстро и целиком. Вся история перед глазами.

За день я написала четыре полноценных монтажных сценария. Уставшая, но удовлетворенная результатом вышла из офиса, подошла к машине, клацнула сигнализацией и уже собиралась садиться в салон, как зазвонил телефон. Ух ты, даже в рифму получилось!..

Ну вы же понимаете, каково оно — найти что-либо в женской сумочке в темноте приближающегося вечера. Это же катастрофа! Чертыхаясь, я рылась в карманах, а телефон все звенел и звенел... Найдя пропажу, я, не глядя на экран, нажала «ответить» и раздраженно протянула:

— Алло...

— Яна Олеговна?

Phantastic Phone Call — это когда на твой телефон поступает всего один, но очень важный, судьбоносный звонок.

— Да, с утра меня именно так и звали.

— Это из книжного магазина. Вы оставляли свою рукопись...

Сердце забилося быстро-быстро. Неожиданно.

— Да, да, я оставляла.

— Мы готовы взять на реализацию книгу. У нас обширная сеть, магазины по всей стране...

Продолжение фразы я уже почти не слышала. Мою книгу будут продавать. Кто-то будет ее читать. В метро, на пляже, на диване, перед сном или с самого утра за завтраком. Это невероятно! Господи, как горячо я тебя люблю, мой дорогой будущий читатель! Как мне приятно, что однажды ты протянешь мне свою руку помощи и, возможно, выслушаешь мою историю. Ведь беда, поделенная на двоих, — полбеда. А со счастьем все наоборот. Я так хочу тебя повеселить, поднять настроение, посмеяться вместе над неудачами... Мы же так похожи, мой дорогой читатель! Ты же тоже любил, тебя же тоже предавали. Давай оржем друг другу. Возможно, тебе будет интересна моя профессия и ты даже захочешь попробовать себя в роли редактора телевизионных программ. У тебя получится, я уверена. Давай дружить, мой дорогой будущий читатель.

— Ксю! Представляешь! Мне позвонили! Нас будут продавать!
— Мила! Алло! Алло! Плохо слышно! Мне позвонили с магазина! Книга будет на полках!
— Илья! Мой дорогой! Твоя девочка скоро станет писательницей!
— Натка! На твоей свадьбе я напьюсь — меня взяли на реализацию!

Мне не терпелось поделиться радостью со всем миром. Правда, это невероятная победа над обстоятельствами. Подумать только, еще год назад я и подумать не могла, что смогу написать книгу, а сейчас — до финиша рукой подать. Счастье не за горами.

Спасибо, Саша. Ты меня, конечно, убил. Но благодаря тебе же я выжила, живу и, кажется, вот-вот исполнится моя мечта. Ура!

Но мой продюсер — Ксения Симонова — умеет возвращать на землю из состояния «седьмое небо».

— А ты книгу-то дописала?

На тот момент у меня была ровно половина. До сдачи в верстку — десять дней. Я закрылась в квартире и открыла ноутбук.

«Отрезок 37

Итак, от Киева до Вены — тысяча триста сорок четыре километра. Или приблизительно шестнадцать часов в пути. Абсолютно черный джип с номерами 999 несет нас прямо в собственноручно сделанный лимб!»

Я вспоминала каждую деталь, чтобы перенести на бумагу чувства. Это сложно. Я старалась заложить «двадцать пятый кадр» между строчками рукописи. Какой — пусть будет моя маленькая тайна. Я же писательница.

 Ровно в срок, двадцатого апреля, я написала последние строчки аннотацию к нашей «Media Princesses»: *«Это выдуманная история любви двух абсолютно разных людей, однажды встретившихся на обочине жизни. Они сцепились, чтобы разрушить свои стены. Но в итоге — поломали друг друга. Так всегда бывает, когда любишь очень сильно... Ну и, конечно, о телике. Как же без него!»*

Отрезок 44

— Перед тем как уйти в печать, я настоятельно рекомендую отдать твою книгу на вычитку.

— Ксю, это было бы круто. Кому?

— Алина Красновская.

Алина Красновская — женщина, прочитавшая за свою жизнь книг больше, чем их имеется в национальной библиотеке. Профессия у нее такая. Алина — сценарист, продюсер кино и сериалов.

Миниатюрная блондинка, довольно миловидная, но с таким жестким характером, что самые сильные мужчины нашей планеты могут нервно курить в сторонке, глядя, как она разносит в пух и прах очередной сценарий очередного гениального автора. Страшно, конечно, отдать свое детище в руки человека, который на корню может «зарубить» всю идею. Ну что ж, Гоголь вон сжигал рукописи, и я сожгу. Тоже мне писательница!..

Я написала Алине письмо с просьбой «хоть одним глазиком глянуть, стоит ли вообще браться за дело». Файл с «принцессами» — в приложении.

Отправлено. Волнительно. Невероятной удачей будет, если Красновская просто откроет мое послание, не отправив его сразу в спам с еще сотней таких же «умоляющих» писем.

Отрезок 45

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...

Наступил тот самый день, о котором каждая девушка мечтает с момента своего рождения: день бракосочетания. Для нашей Натали, конечно, этот праздник души уже наступал энное количество лет назад, но с первого раза мало у кого хорошо получается жениться.

Итак, первое мая две тысячи пятнадцатого года. В шесть утра я, как самая ответственная, должна встретить Милу Юрьевну Флайшер в аэропорту. Подняться было не сложно, сложно было проснуться. Заезжаю на заправку: полный бак, кофе. Бесстыжая в этом году весна.

Бориспольская трасса пустая: майские праздники, утро пятницы. Пятница! Точно! Чтобы не задремать на ровной дороге, ищу любимую радиостанцию. Нашла! Вот оно — любимое радио «Пятница». У этих ребят пятница — круглосуточно.

«Ну, Анна Свиридова — главный будильник всей страны, бессмен-
 ведущая утреннего шоу, поговори со мной, а то я сейчас засну!»
Говорю я, обращаясь к радиоприемнику.

И вот стоило мне только вспомнить имя этой блондинки — королевы радиопространства, как в эфире зазвучал ее звонкий голосок.

«Доброе утро! Сегодня первый день мая! Говорят, что кто в мае
ется, всю жизнь — мается. Так что отменяйте свою свадьбу сегодня!»

Ничего себе! Свиридова исполняет! Тьфу-тьфу, мы этот день приближали, как могли!

«Ну или: сначала свадьба, потом секс! — шепнула в ЗАГСе свидетельница свидетелю», — Аня решила «сделать» мое утро.

У нее явно получилось. Настроение поднялось до уровня: «Я люблю тебя, жизнь!»

Увеличила громкость и под звуки любимой «пятничной» волны за считанные минуты «долетала» до Борисполя. Припарковалась возле международного терминала — D, внутри глазами нашла табличку «Departures»: рейс «Берлин — Киев» удачно приземлился, и по-
мени пассажиры уже должны были получить багаж. Пока я рассматривала табло, вспомнила историю: во Франции мошенники специально вешали в аэровокзалах таблички: «Осторожно! Карманники! Проверьте свой кошелек!» Любой нормальный человек, конечно, тут же бросался нащупывать свой золотовалютный запас, тем самым точно указывая его расположение — в кармане, сумке или за пазухой. Пребывая в размышлениях, что воришкам со м-
й было бы скучно, ибо брать-то у меня совсем нечего, не заметила, как возле меня «нарисовалась» возмущенная блондинка!

— Орлова! Я тебя везде ищу!

— Милка-а-а!

Наша немецкая почти-гражданка прилетела без своего законного супруга. Видимо, любовь к Родине пересилила любовь к спокойной, размеренной жизни жены законопослушного бюргера. В машине мы разговорились на эту тему:

— Так вы разводитесь?

— Ну, я взяла временный отпуск от выполнения своих супружеских обязанностей.

Все ясно. Корабль «Мила Юрьевна» поднял якорь и раскачивается для нового плавания.

— С Королевичем будешь видеться?

— Да пошел он. Всю жизнь мою, да и свою пустил под откос.

— Но ты не можешь его забыть, да?

— А ты Небесного смогла забыть?

Мы вздохнули. Почему люди, прошедшие катком по нашей психике, остаются жить в воспоминаниях милыми «няшками»? И какое они вообще имеют право жить в головах людей, души которых изуродовали зверским способом? Разуверили, вывернули наизнанку и выкинули на помойку... Парадокс.

В восемь утра мы уже пили шампанское и вертелись перед зеркалом в Наташиной прихожей.

— Шпильки! Девочки, где шпильки?

— Мам, вот же они! — это Артем, сын нашей «молодой», единственный человек, сохраняющий невозмутимое спокойствие в этой квартире.

— Девочки, помогите платье, скорее, в одиннадцать распись...

— Подвязка где? Мила!

Я опустилась в кресло и зажмурилась от счастья: слышать всю эту «метушню», участвовать во всеобщем веселье, быть свидетелем того, как люди соединяют себя священными узами Гименея... Стоп. Свидетели. Свидетельница! Где наша Ксения?

Выхожу на кухню и набираю подругу. Гудки. Сбросила.

Смс: «Яна, я буду скоро, не переживай. Реву, не могу остановиться».

Я высунула голову в коридор: наша невеста стоит посреди комнаты. Мила, Наташкина мама и еще три девочки-коллеги бегают вокруг виновницы торжества. Время есть.

Что там, черт возьми, произошло у Симоновой?

Смс: «Ты с ума сошла. Не смей опоздать на свадьбу! Что случилось?»

Ответ не замедлил себя ждать: «Матвей ушел».

От накатившей злости я чуть не швырнула телефон в стенку. Вот Свиридова с утра по радио про май рассказывала. Это был знак — случится какая-нибудь лажа. И точно — наемся теперь мы с этим Матвеем. А он — гад! — нашел подходящий момент. Я еще раз выглянула, чтобы увидеть Натали: все нервничают, собираются и очень счастливы. Пишу смс Ксюше: «Ксю, соберись. Ты сейчас нужна Наташе, не подводи ее. Пострадаем потом вместе».

Ответ: «Еду».

Когда в дверь позвонили, я первая бросилась открывать. Пятой точкой чувствовала, что на пороге появится зареванная Ксю. Так и случилось. Так и произошло.

— Янка, кто там? — это Наташка кричит из спальни.

 Свидетельница твоя приехала! Я уже наливаю ей шампанское! — отвечаю я и тащу подругу в ванную — умыться.

Ксю всхлипывает, и мое сердце просто разрывается от жалости к нашей девочке и ненависти к Матвею. Какое свинство — бросить женщину в день свадьбы ее подруги! Изодренная пытка, нечего сказать. Мастер.

— Ксюшенька, давай, вот водичка холодная... Надо прекратить истерику... — я как могла пыталась успокоить подругу.

— Яна-а-а... Давай ты вместо меня... Я не могу... Мне больно... Очень больно...

Нужны радикальные меры. Открываю кран с ледяной водой.

— Я замужем была, Наташа не видит меня свидетельницей. Таких Матвеев в твоей жизни еще будет и будет, а подруга у нас замуж выходить вроде больше не собирается.

Кажется, мои слова возымели действие на подругу. Ксю прекращает рыдать и теперь только напряженно дышит, сидя на бортике ванной.

— Давай мы твою морду лица накрасим. И не реви больше — тушь потечет.

Ксю улыбается и машет на меня рукой:

— Плевать, она водосто-о-о-ойкая...

Смеемся сквозь слезы. Ничего, мы справимся с этим всем. Мы справимся.

Пока Ксения наносит макияж, я пытаюсь аккуратно, чтобы не задеть за живое, расспросить о деталях конфликта. Может, не все так страшно?

— Что он сказал, когда уходил?

— Чтобы я завтра собрала свои вещи и выехала, у него мама приезжает. И чтобы я не страдала по нему, потому что он — мудака.

А вот это в точку! Такая краткая, но абсолютно верная характеристика собственной личности. Браво! Но вообще я разочарована. Этот приемчик — «я тебя не достоин, нам надо расстаться» — стар как мир и бесконечно заезжен. Где же оригинальность? Где хардкор? Где разбитая посуда и выброшенные на лестничную клетку вещи? Нет, люди определенно разучились расставаться.

— Ксю, этот день все равно бы наступил. Ну вот скажи, хотела бы ты всю свою оставшуюся жизнь прореветь в подушку?

Подруга отрицательно замотала головой и достала губную помаду: все-таки с возрастом мы формируем иммунитет от душевной боли. В семнадцать лет мы бы доставали нашу актрису не из разочарования и депрессии, а как минимум — из петли.

— Красновская рукопись прочитала? — Ксения перевела тему разговора.

— Еще нет. Надеюсь, она хотя бы откроет письмо.

— Подождем

Подождем. 30-летняя девочка красит губы красной помадой, вытирает слезы и переворачивает еще одну страницу своей собственной жизни.

Смс от Наташи: «Я не пойду за него замуж».

Что за «черт возьми» сегодня происходит?

Отрезок 46

Натали сидела на кровати в одних чулках и раскачивалась из стороны в сторону, как китайский болванчик. Она приказала всем покинуть комнату, позвав меня на разговор.

— Ната, что произошло?

Подруга, не сказав ни слова, протянула мне свой телефон. «Смотри!» — жестом указала она. Я открыла фотоальбом, и чувство отвращения накрыло меня с головой. На изображениях жених Никита предавался греху с довольно сексуальной брюнеткой. В мельчайших интимных подробностях нам стало известно, как прошел мальчишник у нашего «без пяти минут» счастливого мужа. «Пипец...» — подумала я, но вслух сказала другое:

— Ната, ну с кем не бывает.

А что я еще могла сказать? Что Ник — грязный ублюдок, который даже не мог удостовериться в том, что у его малолетней любовницы хватит мозгов не делать фото их совместных увеселительных мероприятий? История стара как мир. В день свадьбы невеста получает информацию о похождениях жениха. Просто за попкорном не ходи — такое кино я уже видела неоднократно. Сейчас очень важно в кратчайшие сроки подобрать правильные слова и убедить подругу, что невинный адюльтер ее жениха по пьяни — не повод разрушать собственное светлое будущее и счастливую семейную жизнь.

— Наташа, прощение — удел сильных. Ты же сильная, давай, соберись. Ник любит тебя, а ты его. Прошу тебя, не разрушай... Прошу...

Я стала на колени перед подругой и сложила руки «замочком».

— Ната, я прошу тебя за Ника: прости его...

Наташа посмотрела на меня глазами, полными слез:

— Он тоже просит прощения. Звонил уже раз сто. Яна, что мне делать?

— Сделать вид, что этого не было. Подняла голову и пошла дальше! Ты выше всего этого, дорогая подруга! И давай надевать платье, в ЗАГС опоздаем!

Я не успела закончить фразу, а в комнату уже ввалились наши подруги, Ксю, мама Натки. Последняя шепнула мне на ухо: «Спасибо...»

И завертелось, и закрутилось! Свадебный переполох продолжается!

Отрезок 47

Наташка выглядела как настоящая Media Princess: пышное белоснежное платье, фата до пола, собранные в высокую прическу волосы и счастливые глаза.

«Как будто и не было вовсе» — слова, имеющие просто магическое воздействие на психику человека.

Никита не отходил ни на шаг от своей возлюбленной. Я смотрела на них и думала о том, что у каждого из них — свое прошлое. Свой багаж неудач, разочарований, геморройных отношений, взлетов и падений. И вот они встретились — стерли ластиком прошедшие события и начинают новую, совместную жизнь. Но зачем «Верхним» надо было выстраивать целую цепочку случайностей и оттягивать время встречи этих двух «воркующих голубков»? Почему сразу нельзя было в двадцать лет познакомить, и не было бы ни у того, ни у другого всего того ужаса под названием «неудачные отношения». Нет у меня ответа. Видимо, без увесистого багажа на корабль настоящей любви никого не пускают.

Из мыслей меня выдернул вопрос Ксюши:

— А где Серега? Она же обещала приехать на роспись!

Я пожалала плечами. Но вообще это странно. Наша пиарщица вечно лах, но не могла же она забыть про свадьбу! Второй раз за день — напряжение и мелкокалиберный неликвидный стресс. Пишу смс:

«Кира, где ты? Сегодня роспись!»

Ответа нет. Звоню. Гудки. Внутренне я напряглась: сегодняшний день вызывает у меня опасения. Надеюсь, больше ничего не произойдет.

Центральный киевский ЗАГС называют «бермудским треугольником» — архитектурное сооружение выполнено в форме именно этой геометрической фигуры. Оно и понятно: вошедшие сюда однажды, навсегда теряются... для общества.

Илья подъехал за пять минут до начала торжественной регистрации. В белоснежном джинсовом костюме и голубой рубашке. Ух ты, в тон к моему облегающему коротенькому бирюзовому платью на молнии! Илья — мой тайный принц с глазами цвета изумруда. При встрече принц обнял меня и вдохнув запах моих волос, прошептал на ушко:

— Меня возбуждают свадьбы. Хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

Я рассмеялась и прикусила губу. Ну, у нас же есть пять минут?

Мы оглянулись по сторонам и, как шпионы, на цыпочках, двинулись в сторону святая святых — уборной для невест. То и дело хихикая. Ах, эта свадьба...

— Муров, здесь написано «тільки для наречених»... Оскверняем такое место.

— Считай, что ты моя невеста и скорей задирай юбку!

Я расхохоталась еще больше и подумала: «Черт возьми, а почему бы и да?»

— Сначала свадьба, потом секс — сказала свидетельница свидетелю в ЗАГСе! — я не могла остановить поток внутреннего веселья, но Му-

как глянул на меня, что непроизвольно пришлось оправдываться: — Свиридова сегодня по радио сказала!

— Шутки в сторону, Орлова!

Я даже не успела ойкнуть, как Илья резко развернул меня к себе спиной и провел рукой между лопаток — расстегнул молнию, платье слетело в секунду. Я выставила руки вперед и уперлась в стену. Мой мужчина хмыкнул и скомандовал:

— Ноги на ширину плеч, начинаем утреннюю зарядку!

Юмор — лучший контрацептив. Ну как после таких слов можно настроиться на романтику? Я снова рассмеялась и закинула голову назад. Илья перехватил мой жест, впившись своими губами в мои...

Прямо как в кино! Первый дубль, камера, разгон... в моторе.

В самый ответственный момент в моей брошенной на пол сумочке начал разрываться телефон. Муров что есть силы прижал меня к стенке и, легонько укусив за шею, почти прорычал над ухом:

— Не смей, не бери...

Я ойкнула и решила повиноваться. Но звонивший оказался че-
веком настойчивым. Очень настойчивым. Муров вздохнул и выпу-
стил меня из объятий. Сцена секса в эротической комедии «Разврат-
ная свадьбка» вырезана по причине отсутствия актеров на площадке.

Я уже бежала в зал. На ходу застегивая молнию на платье и на-
тягивая туфли на босые ноги. Интересно, что про нас подумали не-
весты, которые так и не смогли попасть в свою уборную перед самым
важным в своей жизни событием...

— Ксю, что случилось? Ты не представляешь, от чего ты меня от-
влекла!

Ксения подняла на меня очень недобрый взгляд. Что-то случилось.

— У Киры проблемы. Тебе надо ехать к ней.

Вот так пердюмонокль. А как же свадьба? Наташа? Илья?

— А... роспись, Ксю?

— Набери Киру, Яна.

Я отошла в сторону от собравшихся гостей и снова набрала номер
своей пиарщицы. На этот раз Серега откликнулась.

— Яна... Приезжай в Погребы, срочно.

— Что случилось, Кира?

— У меня бэд трип... кажется...

Я понимаю, что из нашего диалога вы мало что поняли. Но Яна
Орлова в секунду сообразила, что понаблюдать сегодня за божествен-
ным соединением двух влюбленных священными узами Гименея
у нее не получится: у Киры Сергеевой передоз.

Отрезок 48

— Илья, мне надо уехать, отвези меня.

— Яна, что случилось?

— Все по дороге. В Погребы, там дача Сергеевой.

Я не успела попрощаться с Наташей, да и ни к чему ей видеть мои перепуганные глаза и нервную натянутую улыбку. Сегодня ее день. Счастья тебе, Наташа!

Погребы — это небольшое село под Киевом. Иногда наша пиарщица уезжала туда на день-два, отключая телефоны и приходя в себя после очередного успешного, но требующего максимальной отдачи проекта. Тата Моник стала телеведущей у Небесного, ее концертный тур расписан, а значит, можно позволить себе расслабиться... Наверное, именно так думала Серега, отправляясь на мини-vacation в свою деревню.

Раньше я по собственной наивности считала, что в Погребах Кира находит умиротворение и спокойствие, сбежав от городской суеты, — дышит свежим воздухом и занимается выращиванием гладиолусов. Ну, почти.

LSD.

Об этом мне рассказала Наташа еще месяца три назад. Я была в шоке. Да, Кира — взбалмошная, вечно задержанная и уставшая, но всегда очень серьезная и сосредоточенная на результате. Неужели ей действительно нужна эта дрянь, чтобы расслабиться? Я пробовала поговорить с Серегой на эту тему, она отмахнулась:

— Это мой единственный недостаток и метод глубокой медитации.

Считайте нас плохими подругами, но мы смирились.

— Пристегнись, Яна.

По дороге мне пришлось рассказать Илье о цели нашего визита в Броварской район. Он никак не прокомментировал услышанное. Внутренняя эмпатия считала послание: отвлечение. Люди часто нетерпимы к чужим порокам. Но на этот раз Илья прав: ускорять приближение собственной смерти — безрассудно и отвратительно.

Кира перестала отвечать на звонки. Мы подъехали.

— Подожди меня возле дома, хорошо?

Илья сжал мою руку и отпустил:

— Все будет так, как надо, Яна.

Калитка во двор открыта. Сердце забилося быстро-быстро. Только не это. Только не еще одна. Только бы мы успели. Как я не хочу увидеть немигающие глаза, как я не хочу...

Толкая входную дверь, на удивление она поддается, и захожу в комнату.

Кира сидит на полу, прижавшись к стене, и смотрит в одну точку. Дышит. Стальная рука разжимает мое сердце. Я опускаюсь на пол рядом с Сергеем и беру ее ладонь в свою. Ледяная. Пробую поговорить с ней. Шепотом. Любые звуки могут вызвать сейчас приступ ненормированной агрессии или паники.

— Ты меня слышишь? Моргни, если да.

Кира повинуется и два раза опускает веки.

— Девочка моя, мы обе знаем, что с тобой происходит. Ты на измене.

От моих слов Серега затряслась и на лбу выступила испарина. Кира боится. Но то, что она сама позвонила Ксюше и точно диагностировала свое состояние — *bad trip*, говорит о том, что ее сознание еще борется с галлюцинациями.

Для справки. Не уверена, что эта информация вам пригодится, но врага все же следует знать в лицо.

Bad trip — психоделический кризис: негативные, потенциально опасные для психики переживания, которые могут возникать во время психоделического опыта, обычно вызванного приемом веществ-психоделиков, таких как LSD.

Проявления могут включать чувство сильного беспричинного беспокойства, необъяснимый страх, приступы паники, ощущения заточенности или переживание уничтожения собственного «я».

Это гласит Википедия. На самом же деле в эти минуты человек испытывает такой вселенский ужас, что никаких слов не хватит описать подобное состояние. Если при «правильном» (если, конечно, можно так выразиться) приеме психоделика ты начинаешь понимать, как устроен мир, и каждый его микрон стремится открыть в тебе новые грани и горизонты, то при «повороте не туда» этот же мир полностью тебя разрушает взрывом твоего же собственного подсознания. Такая себе Хиросима и Нагасаки в одном флаконе.

Черные, самые страшные потаенные мысли обретают форму и, как клубок ядовитых змей, обволакивают тело, так и норовя нанести смертельный укус.

Никогда, прошу вас, ни при каких обстоятельствах не поддавайтесь на соблазн «попробовать что-то новенькое», иначе вы будете Бога молить, чтобы вас «попустило». Обещаю.

Я пытаюсь остановить этот кошмар.

— Кира, твой разум может управлять состоянием. Тебе надо вернуться в реальность, все, что ты чувствуешь, — лишь плод твоего воображения.

Я проговариваю каждое слово медленно и четко. Кира еще не потеряла слух, но восприятие слов у нее может быть искажено.

Самое страшное, что может случиться, — Кира не сумеет справиться с разрушающим ее мозг состоянием. Результат — пожизненная «дурка», человек-овощ, слюни до пола. Жесть.

Я осторожно касаюсь ее головы своей рукой. Серега реагирует вздрагиванием. Это хорошо.

— Все — здесь, все — реально. Возвращайся, ничего страшного не происходит. Ты жива, здорова и невредима.

Кажется, она понимает, что я говорю. Кира переводит на меня осмысленный взгляд.

— Яна-а-а... Ты приехала. Мне так страшно.

Мы обнимаемся и ревим, сидя на давно не мытом деревянном полу, размазывая руками тоналку, тушь и помаду. Я в бирюзовом платье на молнии, Кира — в рваных джинсах и майке. Наша подруга выходит замуж, а мы в Погребках отходим от наркотического транса. Ништяк... Вот она — жизнь обычных Media Princesses.

— Я больше никогда, Яна... Веришь?

Я верю. Нет, не так — я очень хочу верить.

В машине по дороге в город мы молчим. Илья старается не смотреть в зеркало заднего вида, Кира отводит глаза в сторону от водителя, я разглядываю обочины.

Как будто и не было этого вовсе.

Кира положила руку мне на плечо и виновато потупив взгляд, спросила:

— Ната сильно обиделась, да?

— Да брось, у нее этих свадеб еще будет и будет!..

Смехом лечат, говорят.

Я завела Киру домой и спустилась к авто. В воздухе пахло цветущими каштанами и еще каким-то приторно-сладким упоительным ароматом... киевского мая. Закружилась голова.

— Мы же еще успеем на банкет?

Когда мы переступили порог ресторана, в котором на всю катушку гуляли свадьбу наши друзья, праздник достиг своего апогея — катарсиса, я бы сказала. Часть гостей мирно почивала в бозе — лицом в оливье, как и положено, часть — продолжала отжигать на танцполе, часть — квасила за столами. Я осмотрелась по сторонам: невесты с женихом в зале не было.

— Илюха, кажется, мы опоздали...

— Да нет, Орлова, гляди! У кого-то праздник в самом разгаре...

Я перевела взгляд на сцену. Картина Репина «Приплыли»: наша великая актриса театра и кино — Ксения — с бутылкой открытого шампанского в руке настойчиво требовала микрофон у лабухов, покачиваясь на высоченных шпильках. У нее это получилось — отобрала. Ой-ой-ой, сейчас начнется... Бедные мы, бедные...

— Натка! Я не знаю, есть ли ты в зале, но с днем рождения тебя, дорогая!

Присутствующие разом отвлеклись от своих дел, кто-то даже поднял голову из салата. Среди гостей послышался легкий смешок. Я уткнулась головой в плечо Мурова. Крепитесь, гости дорогие, это только начало.

— С юбилеем тебя, дорогая наша подруга!

Дикий хохот заполнил зал. Кто-то из друзей со стороны жениха подбежал и начал что-то нашептывать Ксю на ухо. Наивный. Симона сделала свой коронный жест рукой «Спокойно, Маша, я — Дубровский» и продолжила триумфальную речь:

— День рождения — грустный праздник, но я хочу спеть веселую песню.

Хочу чаю, хочу чаю, чаю кипяченого,

Чем женатого любить — так лучше заключен...

Ксения не успела допеть, потому что Мила, до этого момента тихая, певшая нетрезвую выходку нашей подруги, силой отобрала у нее микрофон со словами:

— А у нас свадьба! Гуляй вся страна!

Мы гуляли до утра. Переночевать я напросилась к Мурову. Точнее, меня особо никто и не спрашивал. В подъезде я повисла на своем кавалере:

— Неси меня, устала, ног не чувствую...

Муров подхватил меня — я почувствовала себя невесомым перышком — и закинул на одно плечо. Нет, он не принц, он — богатырь! Илья «Муромец» Муров!

В спальне Илья второй раз за день расстегнул молнию на моем бирюзовом платье. Я вздрогнула и настроилась на продолжение. Приятные прикосновения. Мурашки по коже.

Но вот уж неожиданный поворот событий — Муров нежно поцеловал меня в плечо и указал на кровать со словами:

— Это ложе для принцессы, ее верный опричник будет охранять сон.

Прочитав мой недоуменный взгляд, Илья ответил на невысказанный в слух вопрос:

— Именно потому, что я люблю тебя. Тебе надо отдохнуть, милая.

Вот так. Спасла подругу — и ни тебе медали на шею, ни даже какого-никакого вознаграждающего секса!

Ну, спать так спать.

Но интересно, кто все-таки поймал букет?

Отрезок 49

Каждый человек страдает потому, что мыслит. По сути, осмыслим мы что-либо, только находясь в вечности, а сейчас глубокое обдумывание собственной жизни может вылиться лишь в депрессию. Стоит попробовать размышлять не рационально, а как будто в опиумном дурмане. Каждый день я представляю себя в казино. Я играю. И делаю невероятные ставки: на работу, отношения, друзей. Логично, что рано или поздно я все-таки сорву джек-пот.

Утро началось с того, что кто-то другой готовит завтрак. Да, это однозначно прекрасное начало дня! Я потянулась в постели и, поймав солнечный зайчик, зажмурилась. Хочу запомнить детали. Звуки. Самые счастливые звуки в моей двадцатишестилетней жизни — это

утреннее щебетанье ласточек за окном. Или это стрижи? Не знаю. Вспомните этот звук приближающегося лета, а вместе с ним моря, беззаботности, счастья. Ощущения. Постельное белье «хрустит» и пахнет ванилью. Мне спокойно. Запахи. С кухни веет ароматом кофе. Это утро умиротворенное.

Я понимаю, что у меня уже, как в том анекдоте, «все было» (рассказываю, если кто не слышал: «Господи, хочу, чтобы у меня все было!» — «Мужик, у тебя уже все было...»).

Я безумно влюблялась в мае, когда цвели каштаны, теряла голову и сходила с ума. Мы гоняли на бешеной скорости по ночному городу, слушая хиты восьмидесятых. Я танцевала босиком на морском берегу под звуки его гитары. На крыше «Бурдж Халифа» уже клялась в вечной любви, незаметно стягивая с руки обручальное кольцо. Потом выпрыгивала на ходу из машины, намереваясь свести счеты с жизнью. Целовались, лежа в снегу где-то в Альпах. Наперегонки скакали верхом по лугам Швейцарии и как-то умудрились пересечь границу...

У меня все это уже было. А вот умиротворенного утра не было. С почином, Яна Орлова.

«Ну, может, мне пора остепениться?» — с этими мыслями, завернувшись в простыню, я и выплыла на кухню.

— Илюшенька... ты готовишь нам завтрак, это так мило.

— Я быстро готовлю завтрак и быстро делюсь информацией.

Я залезла на высокий барный стул, приготовилась к поглощению фирменной яичницы Мурова и превратилась в слух.

— Мне предложили съемки в «Proman» сегодня. Но у них условие: чтобы я «засветил» свою невесту, — Илья поставил сковородку с глазуньей напротив меня.

Круто, с помидорами, все, как я люблю!.. Да какие, к черту, помидоры! Ничего себе! «Proman»! Это самый стильный и трендовый мужской журнал, печатающий истории самых успешных чуваков страны. Кажется, все-таки в моем персональном казино выигрыш! Но я решила не подавать вид, что крайне польщена таким поворотом событий: один из героев этого супермодного глянца сейчас кашеварит для ничем не примечательной девочки с телевидения. Вот он какой, оказывается, это парень из реанимации. Хмыкнула.

— Хм... Ну а я чем могу помочь, Муров?

Муров хлопнул меня по руке (это я тянулась к завтраку!) с угрозами:

— Не буду кормить, пока не согласишься поехать со мной.

Я хмыкнула еще раз. Набиваю цену. А что? Мужчины — охотники и шахматисты. Поохотимся, поиграем.

— А что мне за это?

— Еще одни сережки от Громова?

— Не... Давай лучше пиар молодой писательнице.

— По рукам. Собирайся. Съёмки на яхте.

На этот раз я хмыкнула самопроизвольно и чуть не выронила вилку.

— Что?! У тебя что, тоже своя лодка?

Илья нахмурился.

— Почему «тоже»?

Я запихала в рот горбушку и, не прожевав, чавкая, ответила:

— У Небешного яхта большая моторная, мы там пофцеловались перфый раз...

Илья встал из-за стола и вышел. Не сложилось у меня с умиротворенностью.

Отрезок 50

*Я так любил твои красивые пальцы,
Профиль твой и голубые глаза,
Был я и милым, был и засранцем, но
Никогда не жал на тормоза.*

Krigers

История имеет свойство повторяться: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Цикличность жизненной петли подтверждают события. Люди постоянно вляпываются в одно и то же, поэтому

если вы обеспокоены своим будущим — просто проанализируйте прошлое. Прошел почти год с того момента, как я впервые ступила на борт белоснежной яхты «Анна-Мария». И вот я снова на Набережно-Луговой, в маленьком черном платье с ниткой жемчуга на шее. Только теперь рядом со мной настоящий принц, а не чудовище. Не Шрек по кличке Саша Небесный, а богатырь Илья Муров. И лодку нашу зовут «Куколка». И никаких тебе мистических совпадений или взглядов сквозь темечко! Все просто и верно.

Возле Марины нас уже ждал Димка — мой давний друг и генеральный продюсер «Proman». Димон всегда идет на два шага впереди существующей моды и прыгает на два прыжка Бубки выше SMM, PR и всех общих стратегий развития бренда. Такая себе гремучая смесь Джейми Дорнана, Джеймса Сайдиса и Остапа Бендера. Сейчас в его креативной голове — идея становления нового печатного издания про успех. Это правильно, наверное, мотивировать человека к стремлениям. Кстати, давно подметила, что богатые люди не встают в десять . В шесть ноль-ноль, с первыми петухами, по звонку будильника это пожалуйста.

И вот мы т — перспективные и молодые поднялись ни свет ни заря, чтобы отittyться для Димкиного журнала.

- Илья! Яна! Удивлен видеть вас вместе.
- Мы познакомились, когда думали, что сдохнем.
- Романтично!

Не то слово. Яхта покачивалась на волнах, легкий весенний ветерок разгонял водную гладь, а я настойчиво разгоняла палкой облака мысли в своей голове. Не вспоминай, Яна! Не смей ничего вспоминать! Не вспоминай, как хлопнула пробка шампанского, как полилось игристое в бокалы и подаренный букет роз вместе с вазой опрокинулся в Днепр, рассыпавшись белыми цветами по темной поверхности воды. Не вспоминай, как ты закрыла глаза и прошептала: «люблю...», а он тебя впервые поцеловал. Потому что если вспомнишь, крышка гроба тебе, а не откидной люк в кабриолете.

Мы поднялись на борт «Куколки» — Azimut 47. Я глянула на своего спутника. Муров принарядился: светлые джинсы, голубая рубаш-

ка и синий пиджак. Такой себе морячок, зарабатывающий на жизнь вольным плаванием по информационным морям. Да, такие ребята, как Муров, и есть те самые герои нашего времени и печатного издания «Роман».

— Ребята, смотрите вдаль, в одну сторону и поцелуйтесь! — это отдает приказы и наставляет на лучшие ракурсы Димкин фотограф.

Отличное замечание — смотреть в одну сторону. Командность — это, наверное, самое важное в любых отношениях.

— Я могу вас поцеловать, Яна Олеговна? — Илья прошептал мне на ухо.

— Ребята, не болтайте, а целуйтесь! — фотограф.

— Горько! — это Димка кричит, веселится.

— Сладко... Поцелуй меня сладко... — шепчу я в ответ своему кавалеру.

Мы целуемся под вспышки фотоаппарата, разговоры редакторов, Димкины шуточки и плеск волн о борт «Куколки». Трагедия плавно трансформировалась в фарс.

Клац-клац. Ха-ха. Цем-цем. Клац-клац. Дзинь-дзинь. Ха-ха.

Внезапно Илья перегнул меня через перила, так, что я выскочила из тужеек и теперь держалась только за его шею, зависнув в миллиметре от того, чтобы стать «человеком за бортом». Все заткнулись и замерли, шокированные происходящим. Я не успела ничего понять, кроме того, что вишу вниз своей бестолковой башкой. Что за «черт возьми» происходит?

Я посмотрела Илье прямо в глаза. Любовь. Я молчала.

— Яна, я отпущу руки, и ты бахнешься в воду.

Я молчала. Все верно, он так и сделает.

— Я сделаю это, потому что ты меня достала, измучила.

Я молчала. Все верно, этим я и занималась.

— Но перед этим я скажу тебе второй раз в этой жизни: выходи за меня, дура.

Я рассмеялась. Все верно.

— Это шантаж, Муров.

— Хочешь плыть к берегу брасом или кролем?

— Я согласна!

Легким движением Муров вернул моему телу вертикальное положение. Димка, фотограф и редакторы аплодируют и открывают шампанское. Илья взял меня за подбородок и поцеловал в губы.

— Но если ты еще раз вспомнишь своего принца, я вернусь сюда и закончу начатое, — тихо-тихо сказал совершенно обычный человек ей жизни, по какой-то роковой случайности подумавший, что он особенный.

История повторяется дважды.

Отрезок 51

Вроде схема ясна — сначала любовь. Любовь к профессии, человеку, Родине. Все начинается с любви, правда, как правило, ею же и заканчивается.

Любое дело начинается с любви к тому, чем занимаешься. Можно сколько угодно работать, прикладывать усилия и продолжать биться головой об стенку, сетуя на отсутствие видимого результата, но если вы не любите свое дело — успеха не будет. Не будет ни денег, ни славы, ни возможностей. Но стоит только открыть сердце в сторону выбранного занятия — все приходит само, как по мановению волшебной палочки.

Утро восьмого мая две тысячи пятнадцатого было обычным. Я проснулась сама, в своей собственной квартире. Потянулась в постели и, улыбнувшись собственному отражению в зеркальном потолке, нажала на системе одновременного воспроизведения звука: «st john passion Johann Sebastian Bach». Небесная возвышенность церковного хора наполнила все пространство квартиры, залитой ярким солнечным светом через панорамные окна.

В течение следующего часа мы обсуждали линию драматургии, поведение героев, в ходе разговора перешли на «ты» и даже умудрились подружиться.

— Яна, у тебя нет жанра! Что это? Любовный роман? Новелла? Триллер? Ужастик? Мистика? Винегрет это! — миниатюрная блондинка перешла на повышенные тона, разговор двух творческих людей набирал обороты.

— Это жизнь! А жизнь, Алина, — лучший драматург.

— Жизнь вообще интересная штука... — вздохнула Красновская, глядя в окно на никогда не спящий вечно молодой вечерний Киев.

— А штука — это тысяча знаков с пробелами!

Мы рассмеялись и принялись дальше черкать, спорить и создавать бестселлер.

— Вот как зовут твою героиню? Как автора — Яна Это скучно.

— А как? — я от волнения сгрызла уже три карандаша.

Алина задумалась, посмотрела куда-то вдаль и выдала:

— Если прочитать имя Яна наоборот — получится Аня.

— Отлично! Аня Демидова. Да, именно так и будут звать мою героиню!

Ближе к часу ночи, когда на нашем столике чашки с кофе некуда было ставить, а официантки уже не намекали, а конкретно ставили перед нами условие покинуть заведение, работа над рукописью была завершена. Уставшие, но довольные, мы наконец-то выдохнули.

— Но название я бы тоже поменяла, — Алина подвела черту под нашим литературным суаре.

— А чем тебе не нравятся принцессы с телевидения?

— Теряешь аудиторию. Мальчишки не будут такое покупать.

Я задумалась. А ведь Красновская права.

— Как тогда назвать книгу?

— Назови «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ».

— А мне нравится...

Ода или О ДА — каждому свое.

Отрезок 52

Этот отрезок будет посвящен очередным бабским посиделкам и подписанию договора. Удивлены? Все по порядку.

Я не виделась с девчонками со дня свадьбы Наташи, поэтому лицезреть родные мордашки ранним майским утром было особенно приятно.

Я, Ксю, Ната, Мила и Кира встретились на крыше торгового центра, чтобы позагорать, накупаться в бассейне и обсудить дальнейший план действий. Снова удивлены? Не надо, городские жители давно облюбовали это местечко, — пляж на крыше.

Какая радость! Май в этом году решил самостоятельно влиться в коалицию к летним месяцам. Градусник показывал +26.

Новоиспеченная жена — Натали — заказала бутылку шампанского. Мы скинули свои платица и, оставшись в купальниках, раскинули картишки.

— Козырь — бубна, — начала разговор Ксения.

— Я хожу первая! — заявила я, продемонстрировав дамам бубновую шестерку.

После первого отбоя тематика беседы стала разнообразнее. Мне не терпелось услышать подробности свадебного банкета, который пришлось частично пропустить по вине Киры. Она, кстати, вспомнив свой тогдашний «косяк», конкретно мне поддавалась: сливая козыря.

— Два валета и вот это. Кто поймал букет, девочки?

— Ой, Орлова! Ну кто мог поймать букет, как не я? — Ксения поправила шляпку и положила на стол бубновый туз. — Бито.

— Не везет мне в карты, повезет в любви... — напела я песню из своего любимого советского фильма.

— Не повезет в любви — повезет в карьере. Кстати, о карьере, Орлова! У меня хорошие новости. Мы подписываем договор с лучшим издательством Украины на печать твоей книги!

Я глянула в карты: проиграла. Ур-р-ра!

— Ксю! Невероятно! Как это? — я вскочила и начала бегать вокруг тапчанов.

Эмоции расшевелили мой опорно-двигательный аппарат.

— Сядь и успокойся!

Это раскомандовалась Мила — продюсерские замашки никуда не деваются. Даже если продюсер в отставке. К слову, наша фрау Флайшер решила остаться в Украине еще на месяц. «Я в Киеве временно!» — статус нашей блонды в Fb. Но вы же помните, что нет ничего более постоянного, чем временное?

Я повиновалась приказу подруги и плюхнулась на пол, больно ударившись задницей. Но в тот момент, даже если бы по мне проехался поезд, я бы не почувствовала ничего, кроме счастья.

— Ксюшенька, продолжай-продолжай, рассказывай, прошу тебя...

— Издательство «Саммит-Книга» ~~готово взяться за тебя~~. Завтра уходим в печать под их брендом. Ну? Я не слышу благодарственных речей лучшему литературному продюсеру!

Я бросилась обнимать Симонову. «Саммит-Книга» издает невероятно крутых авторов, оказаться в их числе — это как попасть в лигу чемпионов. Так по кирпичикам складывалась моя мечта — стать писательницей.

— Матвей звонил? — шепнула я на ухо подруге.

— Не вспоминай... нет, — ответила Ксю и отвела глаза в сторону.

— Эй! Вообще-то, сегодня шьюс-мейкером хотела быть я! — обиженно протянула Наташа. — ~~у~~ меня была свадьба! Но за твое событие нужно срочно поднять бокалы!

Пам-пам!

«Интересно, а Саша купит мою книгу?» — подумала я и зажмурилась от счастья.

Мечты сбываются, когда становятся целью.

Отрезок 53

А сейчас, мой дорогой читатель, я хочу поговорить с тобой. Мне нужен диалог. Я задам тебе всего один вопрос:

Помнишь ли ты момент своего абсолютного счастья, не зависящий от присутствия или отсутствия другого человека? Какое твое самое яркое событие в жизни?

Вспомнил? Улыбнулся? Классно было, да? Я очень рада, что у каждого из нас есть этот момент — когда кажется, что земля остановилась, сошла с орбиты и начала выделять зажигательные «ча-ча-ча».

Я хочу поделиться моментом из жизни начинающей писательницы.

Раннее солнечное утро. Я и моя подруга Ксения Симонова приехали в издательство забирать первый — подарочный тираж нашего литературного первенца «О да одиночеству».

На мне — джинсы и футболка с надписью: «Easy to hate. Hard to love». В руках — кока-кола, на лице — темные очки и глупая улыбка. Ксения вошла, а я осталась ждать на улице возле машины. Подумать только! Послезавтра — презентация, и вот сейчас, буквально через пару секунд, я смогу взять в руки свою мечту, свою первую книгу!

Что значит для Яны Орловой ее «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ»? Это открытая рана, это нерв, это история самой болезненной любви и незаживающий шрам.

Для того чтобы по мне не написали реквием, мне пришлось написать эту книгу.

Ксю появилась через несколько минут, за ней шел парень с ящиком в руках. Там-там-там! Внутри — сто экземпляров моей жизни. Моя собственная медленная звезда.

— Открывай багажник, чего стоишь, как статуя! — от крика Ксюши я подпрыгнула на месте и бросилась открывать авто.

И вот она — самая счастливая минута моей двадцатилетней жизни! Книжки разбросаны по всему багажнику, по очереди мы достаем то одну, то другую. На обложке — силуэт обнаженной девушки.

Вспомнила, как было сделано это фото — с любовью. Все начинается с этого прекрасного чувства. Я вдыхаю аромат свеженапечатанных страничек, они еще пахнут краской и уже новой жизнью.

«О ДА ОДИНОЧЕСТВУ» — мы это сделали.

Отрезок 54

Моя мечта исполнилась: я написала книгу! И вот, ранним весенним утром я сижу в машине напротив дома Александра Небесного — принца из своей собственной сказки-триллера, — сжимая заветный томик в руке. Конечно, Александр — главный персонаж не только рукописи, но и моей персональной летописи. Прокручивая в голове сценариев нашей встречи, я жду, пока Саша выйдет из дома на работу. Мы не виделись ровно шесть месяцев. Полгода — это много. Я почти забыла, как он достает из пачки сигарету и поднимает одну бровь, когда сердится. А сердился он обычно часто. И обычно — на меня. Время катастрофически разрушительно действует на воспоминания, стирая ластиком детали. Итак, он выйдет — я «поморгаю» фарами и сниму очки. Он меня заметит, и я улыбнусь ему в ответ. Нет, не так. Он выйдет из подъезда, а я — выйду из машины. Нет, тоже не так. Он выскочит на улицу, а я крикну: «Саша!» Или... А вдруг он будет не один? Или вообще сегодня не ночевал дома? На часах — полвосьмого утра. Минуты тянутся бесконечно долго. Я волнуюсь. Уехать, что ли?

А в это время Александр Небесный успел проснуться, пролистать ленту новостей в Facebook, выпить кофе и поправить галстук перед зеркалом. Он спокоен. Пора, что ли?

Два вопроса слились в одно бесконечное многоточие. А книжечка — хорошая получилась. О любви.

Отрезок 55

— Вчера мы с Ксю забрали книги. Сегодня утром я была под домом Небесного. Хотела его увидеть и подарить «О ДУ». Это очень плохо, Мила?

Мы сидели с Милкой в кафе на Владимирской, я делилась своими сложными душевными переживаниями. Флайшер ела украинские булочки. С особым наслаждением.

— Не, ну почему плохо, просто ты рефлекслируешь. Так вы увиделись?

— Нет, я не смогла выйти из машины...

— Ну, может, так и надо, — сказала Мила и откусила пирожок с вишнями.

— Ага, все вообще будет так, как надо, — ответила я, жуя эклер.

— Так откуда тогда угрызения совести, Яна?

— Надо ли мне говорить об этой поездке Мурову?

Мила встрепелась, отставила тарелку с произведениями кулинарного искусства в сторону, сложила руки на груди и выдала:

— *Ни в коем случае.*

— Но я не хочу начинать семейную жизнь с вранья.

— Яна, если ты расскажешь Илье, что тебя снова потянуло на Сашу — твоя семейная жизнь не начнется вообще. Хватит с него того факта, что твоя книжка написана про абсолютно левого чувака, а не собственного будущего мужа!

— Вторую напишу о нем. Назову «О ДА ЛЮБВИ!».

— Отличное название. Но в таком случае за третью не садись. Остановись, мгновение, ты прекрасно! И булочки, кстати, тоже ничего...

Уличное кафе заполнилось смехом двух девушек с телевидения.

Да, кстати, забыла сказать: Мила остается в Украине. Мила возвращается на телик.

Отрезок 56 — утро

Отрезок 56 — особенный. Это день рождения новой писательницы — Яны Орловой.

Я проснулась в объятиях своего любимого мужчины — Ильи Мурова. Проснулась без будильника, без звуков органа или церковного хора. Проснулась под звуки сопящей второй половины. Кажется, в этом что-то есть. В шкафу висит подаренное им шикарное платье от Slanovski™: кремовое, игривое, расшитый жемчугом лиф и пышная юбка.

Накинув рубашку любимого на обнаженное тело, на цыпочках пробираюсь к вешалкам и любуюсь своим нарядом. Как же легко чувствовать себя принцессой рядом с настоящим принцем. Я оглянулась на спящего жениха: «Спасибо тебе за то, что разбудил во мне человека, мой дорогой будущий муж».

Спасибо, что вытерпел меня. Спасибо, что не пытался передумать. Спасибо, что принял такой, какая есть. Спасибо, что не отпустил. Спасибо, что добился своего: сделал меня счастливой.

Ни одна девушка сама не знает и не понимает сути своей природы. Она — как ветер, постоянно меняется. Надо принять этот факт, ибо принятие этого факта дает многое. Обиды и непонимание — это преграда. Многие мальчики делают две главные ошибки: первая — слишком упорно бегают за девочками и просто отпугивают своей навязчивостью; вторая — сами ждут от женщин, когда те придут и начнут общение, но в итоге девушки разворачиваются на сто восемьдесят градусов, так как им нужно внимание.

А как правильно, спросите вы? А очень просто — нужно встать у нее на пути.

Я зашла в ванную и глянула на себя в зеркало. Внимательно глянула, пристально. Ее там больше не было. Она пропала — та самая девочка из маленького зеркала. Впервые за долгое время на меня смотрела я сама! Мое собственное отражение улыбалось.

Улыбалась я еще и по той причине, что на маленьком лоскутке картона совершенно отчетливо проявились две малюсеньких, но самых важных в жизни любой женщины полосочки. Поздравьте меня, я беременна!

Возвращаюсь в спальню, Муров еще ничего не знает. Он даже не подозревает о том, что мы с ним уже зародили во мне новую жизнь, во всех смыслах этих двух великих слов. Провожу рукой по сонному лицу, небритой щетине моей собственной випассаны по имени Илья.

— Родной, открой глазки...

Муров переворачивается на другой бок и закрывается подушкой.

— Орлова, пять утра! Баранкин, будь человеком!

Я целую родную шею, покрываю поцелуями спину отца моих будущих детей, моей окончательной остановки и моего начала. Кажется, что все, что было до — было только для того, чтобы вот это утро однажды наступило. Как же просто все расставляется по местам с появлением новой формы существования в собственном теле.

— Муров, я беременна... — тихо-тихо шепчу я на ушко любимому.

Илья резко оборачивается, смотрит мне в глаза. Одно движение руки — и я оказываюсь под ним. А это сто десять килограмм, между прочим.

— Моя.

— Твоя.

Какие же мы все-таки молодцы, правда?

Целуемся.

Днем мы заехали на мою квартиру. Я не взяла ни одного платья, ни одной футболки, ни одной фотографии или книги. Отключила музыкальную систему из сети и вышвырнула флешку с произведениями Баха в открытое окно. Прости, Иоганн, но нам больше не по пути.

Дверь в прошлое закрылась одновременно с входной под номером «13».

Отрезок 57

В шикарном платье, под руку с лучшим из мужчин я поднимаюсь по красной ковровой дорожке на презентацию своей собственной книги!

Ступенька за ступенькой приближает меня к событию всей моей жизни.

В ресторане собрались все мои близкие, родные мне люди.

Моя pr-менеджер — Кира с вечно неумолкающим телефоном, но абсолютно спокойная и счастливая: она навсегда отказалась от дополнительного допинга, записалась на спорт и стала больше времени уделять семье. К слову, у Киры — семилетний сын. Теперь он реже говорит: «Мама, когда ты будешь дома?» и все чаще: «Мама, я люблю тебя».

— Ты завязала навсегда?

— Яна, я Бога молила, чтобы меня отпустило.

Миля — в джинсовом сарафане и футболке с надписью: «Продюсер тут я!». Наша блонда быстро вернулась в русло и, засучив рукава, подключилась к производству сразу нескольких развлекательных тв-проектов. Опыт жизни за рубежом помог ей взять на контроль модное тревеллинг-шоу. Немецкий муж согласился на развод. Все сложилось лучше, чем могло быть.

— Ты нас больше не покинешь?

— Я не могу позволить себе отказаться от булочек с вишней. И дела, которое люблю больше жизни.

Наташа пришла с Никитой. Наша суровая девушка с телевидения стала такой домашней, нежной, уютной няшкой. Вот что с людьми делает любовь! ☺

— Натка, ты больше не вернешься на телик?

— Яна, я всю жизнь ждала того момента, когда мне захочется печь кому-то пироги...

Ксения встречала гостей. Выглядела она идеально: в элегантном сером платье, с собранными волосами и легким макияжем. После

расставания с Матвеем ее хорошенько перетрусило, но она вовремя собралась и снова радовала нас своим цветущим видом. Впереди у нее — десятки главных ролей в крутых фильмах.

— Так, Матвей больше не появлялся?

— Нет. Я думаю, Яна, это цена за будущий успех.

Успех! Вспышки фотоаппаратов, цветы, официанты разносят закуски и шампанское. Я впервые в жизни даю интервью.

— О чем ваша книга?

— О любви, наверное.

— А главный герой — это ваш муж?

— Нет, это выдуманый персонаж.

— Долго вы писали свою книгу?

— Две недели.

— Почему такое название «О ДА ОДИНОЧЕСТВУ»?

— Потому что, любовь стоит того, чтобы ждать. Пытка одиночеством — обязательное условие.

— Сейчас вы счастливы?

— О Да!

Илья глядел на меня с восхищением, и только мы вдвоем знали о нашей маленькой тайне, уже всю меняющей меня изнутри. Ко мне подошла Ксения.

— Ты вся светишься, моя любимая подруга, — подруга крепко взяла меня за руку. — Поздравляю, это твоя победа.

— Наша, Ксю, наша. И тебе скажу первой: я беременна.

Визг радости, объятия. Ошарашенные гости оглянулись на нас и зааплодировали, увидев слезы счастья на моих глазах.

Как это удивительно: в один день на меня обрушилась целая лавина нереального благоденствия. И это после всех слез, обид и разочарований. Жизнь, я люблю тебя!

Подтянулись коллеги: Каринэ, Блоггерша Окса, редактор Игорь. Наши шефы — Главный мозг сценарной группы и Телевизионщик-со-стажем тоже не пропустили мероприятие своей подопечной.

 Надеюсь, ты там написала в книге, что я — король вечеринок! Шеф-редактор без чувства юмора — плохой шеф-редактор, а у нас он — хороший.

— А я горжусь тем, что у меня в команде — такие талантливые сценаристы. Но я сначала прочитаю... — оно и понятно, телевизионщик же со стажем, а значит, все выводы делает после эфира, то есть презентации. Рейтинги — вот его боги.

Заметила, как в зал вошла Миссис Шеф. Без лишней суеты, шума или огласки. Никакой присущей другим тв-топам вездесущей свиты. Элегантная скромность английской королевы. Едва заметным кивком головы поздоровалась со мной и руками показала: «Класс». Один этот короткий жест весит тяжелее, чем сотни других похвал. Улыбнувшись, Миссис Шеф покинула заведение.

— Ксю! Прикинь, я Миссис Шеф только что видела!

— Да ладно? Она же вроде в Канны должна улететь сегодня. У них там тусовка.

— Заехала по дороге значит.

Мы переглянулись — это невероятно. И значит, мы на правильном пути. Книжка взорвет медиа-пространство!

Среди гостей появилась и Алина Красновская. Подняв бокал, она решила на краткий, но очень судьбоносный тост:

— Яна, а я думаю, что по этой книге можно снять целый фильм! Пиши продолжение!

Мы все хохочем и поздравляем друг друга.

— И я даже знаю, кто сыграет главную роль. У нас же есть своя собственная актриса — Ксения Симонова!

— Считайте, что продюсер фильма у вас уже тоже есть. Я в деле. Снимать будем в Калифорнии, — подхватила разговор наша собственная суперпродюсерша Мила.

А если уж она сказала, значит — задумала, а значит — сделает. Блонда слов на ветер не бросает.

— А я помогу с локациями! — это мой любимый жених.

Мой хороший... Обожает серфинг.

— Спокойно, я сделаю вам кассу — мы с Никитосом купим билеты на премьеру! — Наташа, наша экс-айрон леди, а сейчас — примерная домохозяйка.

— Девочки, а я привела пингвина...

Мы все обернулись и увидели посреди дорогущего фешенебельного ресторана Киру, а рядом с ней — героя детских мультфильмов, настоящего пингвина из зоопарка!

Сумасшедшая пиарщица выполнила свое обещание. DJ AndrievSky делает музыку громче, и все мы пляшем вокруг гостя из Антарктиды. Сумасшедшие, молодые, влюбленные в жизнь люди!

Во всеобщем веселье боковым зрением, я увидела его. Он пришел. Стоял на входе в зал с букетом белых роз в руке. В белоснежном костюме. Такой же красивый, как и год назад: высокий блондин с синими глазами. Такой же, как и в первую нашу встречу в офисе. Такой же, как и на площади Святого Стефана в новогоднюю ночь. Такой же, каким я его запомнила и полюбила. Небесный перехватил мой взгляд, и все мое тело поразил невероятной волны разряд электричества. Только два человека на земле могут так смотреть друг на друга, и эти два человека сейчас находились на расстоянии пару метров и сотен жизней друг от друга. Одними губами я прошептала: «Саша...»

Илья тоже заметил Небесного. Он почувствовал, что с его любимой девочкой что-то произошло и, проследив за моим взглядом, сначала крепко сжал мою руку, а потом... отпустил.

— Иди к нему, — все, что смог сказать Муров.

Я с благодарностью посмотрела на своего жениха и пошла навстречу Александру Александровичу Небесному. В глазах застыли слезы, на губах — миллионы несказанных слов. *Люблю, жду, скучаю, буду, оденюсь теплее, переживаю, я рядом, я тебя никогда не забуду...*

Саша протянул мне букет с запиской. Я осторожно развернула бумагу и прочитала: «Поздравляю...» Цунами из мелких воспоминаний накрыло меня с головой, и я задохнулась в рыданиях. Небесный схватил меня в охапку и вытащил на улицу.

Илья проводил нас отчужденным взглядом.

В слове «поздравляю», кстати, десять букв.

Отрезок 55

— Я купил книгу в первый день продаж, моя дорогая писательница.

— Я все-таки правильно отгадала загадку: черное и белое станут песком. Единство противоположностей образует вечность.

— Да. Я восхищен тобой.

— У нас противоестественная тяга друг к другу.

Прижавшись к стене, я в последний раз глянула в глаза, которые снились мне каждую ночь два года подряд.

— Саша, внутри меня бьется новая жизнь, в которой нет места нам. Отпусти меня.

С этими словами я склонила голову перед человеком, сделавшим из меня гения.

ЭПИЛОГ

Шмяк. Упала прямо в какую-то зловонную лужу. Я такая с детства неуклюжая!.. Конечно, мне немного страшно было идти сюда, но у меня опять нет выбора. Сейчас мне как никогда надо заслужить доверие этих проклятых революционеров! Они хотят, чтобы я сделала посмертные маски тех, с кем каждый день встречалась в коридорах Версаля, в том числе и своих бывших друзей — Людовика и Марии-Антуанетты. Прекрасно, я сделаю это! Я докажу, что не симпатизирую бывшей власти. Не бойся, Мари, это всего лишь рынок. Узкая улочка свернула в сторону «Кладбища невинных».

Если это сон, то почему я не просыпаюсь?

Для работы мне требуются настоящие волосы. Где же их достать? Да с голов казненных на гильотине! С голов моих бывших посетителей! Жестокая, жестокая реальность... Ничего, Мари, ты справишься, ты сильная. В кругу парижских палачей меня до сих пор считают дочерью Гроссхольца, именно поэтому не смогли отказать в такой мелкой услуге — разрешить состричь волосы с трупов. Ускоряю шаг.

— Стой!

Кто это? О нет... Удар в живот. Больно.

Мне больно во сне! Да разбудите же меня, кто-нибудь!

Меня бьют. За что? Что я вам сделала? Мало надо мной издеваются? Да я была в шаге от эшафота! Я больше не собираюсь умирать! Кричу. Чьи-то сильные руки отталкивают меня к стенке. Я поднимаю увесистый камень с земли и бросаю в толпу бандитов.

Иногда одна роковая ошибка меняет весь ход персональной истории человека на много поколений вперед. Не пошла бы тогда Анна-Мария Гроссхольц совершать великий грех — тревожить усопших, остановилась бы в проеме своей квартирки на рю де Бнон, оглянувшись на постель, с которой ее не отпускал, удерживая за руку, блондин с глазами цвета моря... Адвокат невиновных. Тот самый, чью загадку она разгадала. И черное и белое — противоположности, живущие

в каждом из них, их ад и небеса — стали бы песком двадцатого октября тысяча семьсот девяносто третьего года...

Но она ушла в ночь. Не послушалась.

В том несостоявшемся единении была бы сила, том, столь ими желанном, единении была бы вечность...

Все разбежались. На тротуаре лежит человек. Слышу хрипкое дыхание. О боже... Нет... Он вышел следом за мной. Бедный, бедный мой мальчик...

— Вдохни... Вдохни меня... Прошу... Живи... — пересохшие губы не слушаются, слова даются с трудом.

Но пронзительно-синие глаза уже смотрят в вечность. Взгляд — то единственное, что можно пронести сквозь века и запомнить... и запомнить...

— Саша! Не-е-е-ет!

Небесному нельзя быть со мной. Я убила его двести лет назад. Случайно.

ЧЕМ ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ

P.S.

Что такое блуждающая и обиженная душа? Она делится на мелкие частички и вселяется в абсолютно разных людей уже со своей продуманной программой. И вновь и вновь люди встречаются, любят друг друга, но неведомая сила разрывает их. Душа обижена. Оно и понятно. Не входило в ее планы получить бульжником по башке в самом расцвете сил брэнного тела. Теперь она подает сигналы: название яхты, сны, наши судьбы с Небесным переплетаются и снова расходятся...

Но жизнь продолжается, радуя своим великолепием.

Вернувшись в зал, я сразу заметила Илью — он пил виски на баре. Я села рядом. На правой руке у меня часики с «собачками». Последний раз я видела их в ночь перед операцией. Часы вернулись. Время прошло. Круг замкнулся.

Теперь, когда я сломала механизм времени, зародив собственную жизнь внутри себя, на ошибку нет права.

— Тебе нечего переживать. Я люблю тебя.

— Я тебе верю.

Доверие — то, ради чего стоит жить.

«О ДА ЛЮБВИ» — о том, как мы становились счастливыми.

— На Небе будет больше радости из-за одного раскаявшегося грешника, чем из-за девяноста девяти праведников.

— Двух, Яна.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

книгу автора

Яна Орлова и ее подруги работники телевидения,
новое поколение работающих
и думающей молодежи.
«О ДА ОДИНОЧЕСТВУ» —
это история трех вечных составляющих любого
коктейля жизни :
любви, дружбы и смерти.
Без вкусовых добавок, только настоящие чувства.

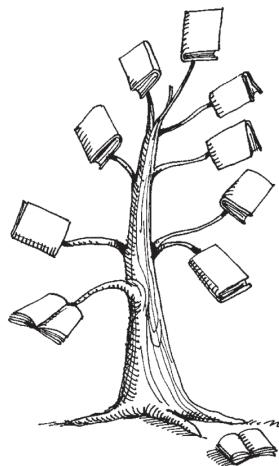
Почему «САММИТ-КНИГА», или 7 причин издать книгу у нас:

- ✓ **Каждая книга уникальна.**
Мы впервые в Украине ввели систему партнерства и соинвестирования в издательские проекты.
- ✓ **Лучшие авторы работают с нами.**
Мы ценим наших авторов и «продвигаем» не книги, а людей, их написавших.
Мы издаем книги, которыми гордятся наши авторы.
- ✓ **У нас работают профессиональные редакторы и корректоры.**
Они качественно подготовят к печати тексты на украинском, русском, английском и других языках.
- ✓ **У нас лучшая дизайнерская группа в Украине.**
Мы делаем красивые книги.
- ✓ **Типография европейского уровня.**
Мы делаем книги тактильными, согласно мировым стандартам книгопечатания.
- ✓ **Масштабная книжная дистрибуция.**
Мы продаем книги в 350 книжных магазинах Украины. У нас открыты представительства за рубежом (США, Канада, Россия).
- ✓ **Эффективная система продвижения авторов и книг.**
Мы поддерживаем продажу книг в Интернете, социальных сетях, а также проводим презентации и PR-кампании.

Мы работаем на книжном рынке 15 лет
и гордимся нашими книгами.

*Иван и Игорь Степурины,
учредители компании*

г. Киев, ул. Обсерваторная, 25
Тел./факс: (044) 287-69-70, 232-42-55,
sbook.com.ua, sammitbook@ukr.net

 САММИТ-КНИГА

Літературно-художнє видання

Ганна Демидова

О да ЛЮОВИ

Літературний продюсер *О. Степчук*
PR-менеджер *Ю. Колесник*
Стиль *А. Шаповалова, Д. Кавелашвілі*
Редактор *Ю. Дворецька*
Дизайнер *С. Даневич*
Відповідальна за випуск *О. Стрижак*
Директор видавництва *І. Степурін*

Підписано до друку 25.11.2014.
Формат 84х108/₃₂.
Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 4,62. Наклад 1000 прим.

Видавництво «САММІТ-КНИГА»
Україна, м. Київ, вул. Обсерваторна, 25
Тел./факс: (044) 287-69-70,
sbook.com.ua, sammitbook@ukr.net
Видавниче свідоцтво ДК 4563 від 13.06.2013

САММІТ-КНИГА
із книгою - по життю!